

Сверные Сборники

издательства
„Штольманъ“

книга пятая

С. П. Б.
1908

2007083026

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

К. І. Л. АЛЬМКВИСТЪ
(1793 — 1866)

МЕЛЬНИЦА въ ШЕЛЬНУРЪ

Переводъ со шведскаго
Ю. БАЛТРУШАЙТИСА

Карлъ Ионасъ Лове Альмквистъ.

(1793 — 1866).

Знаменательное затишье, наступившее въ шведской литературѣ въ первой половинѣ прошлаго вѣка, стало особенно ощутительно въ периодъ 1830—1860 гг. Цѣлому ряду такихъ поразительныхъ именъ предыдущей эпохи, какъ Валлинъ, Тегнеръ и Гейеръ, указанное тридцатилѣтіе могло противопоставить лишь одно:—финна Югана Людвига Рунберга, чье творчество отличалось тою же эпической ширью и тѣмъ же классическимъ блескомъ. Но это сравнительное бездѣйствіе творческой силы народа отнюдь не вызывалось ея временнымъ оскуднѣніемъ. Огромная художественная работа двухъ предыдущихъ поколѣній, коснувшись всѣхъ сторонъ народной жизни, поскольку она исчерпывалась господствовавшимъ въ то время рационалистическимъ міросозерцаніемъ, завершила свой кругъ. Текущее сознаніе, со всей его опредѣленностью и спокойною ясностью, начинало все больше и больше расходиться съ потребностью въ иномъ оправданіи бытія и съ тѣмъ новымъ внутреннимъ опытомъ, который постепенно накоплялся въ человѣческой душѣ, — прежнее ощущеніе міра оказалось далеко неполнымъ, и все недавнее равновѣсіе, казавшееся такимъ окончательнымъ и устойчивымъ, мало-по-малу было нарушено и уступило мѣсто таинственному и бурному броженію ро-

мантизма. Такимъ образомъ творческій геній Швеціи не оскудѣлъ, какъ могло казаться и казалось тогда, но лишь преобразался и въ своей безмолвной глубинѣ лелѣялъ и вынашивалъ образы новой и болѣе полной жизни. И въ то время какъ Рунебергъ, еще на старѣйшій ладъ, пѣлъ свои величавыя пѣсни, появился цѣлый рядъ писателей, создавшихъ внушительную и богатую небывалыми красками литературу, которая внесла въ шведскую культурную жизнь новые элементы, осынила ее новыми идеалами и взволновала ее новыми чувствами и мыслями. Изъ кружка этихъ писателей рѣзко выдѣлился одинъ, котораго—говоритъ гёттеборгскій профессоръ Отто Сюльванъ—мы, не колеблясь, должны назвать геніемъ.

Это—Карль Юнасъ Лове Альмквистъ.

* * *

К. I. Л. Альмквистъ родился 28 ноября 1793 г. въ помѣстьѣ Антунѣ въ Упландѣ. Дѣтство его протекло частью здѣсь, частью же — въ Стокгольмѣ. По окончаніи Упсальскаго университета (1814 г.), онъ былъ домашнимъ учителемъ въ семьѣ одного финскаго барона и въ то же время занималъ небольшую должность въ стокгольмской королевской библіотекѣ.

Въ эти годы Альмквистъ усердно пополнялъ свое школьное образованіе, увлекаясь драмами Шиллера и Новалисомъ, Руссо и его шведскимъ послѣдователемъ Торильдомъ, и прежде всего глубоко родственнымъ ему по духу великимъ шведскимъ мистикомъ Сведенборгомъ. Въ эти же годы онъ пережилъ и одинъ изъ самыхъ острыхъ внутреннихъ кризисовъ всей своей жизни.

Юность Альмквиста совпала съ боевою порой шведскаго романтизма, когда фосфористы (кружокъ писателей, объединившихся вокругъ журнала Fosforos) отвоевывали у

старой академической школы господствующее положеніе въ шведской литературѣ. Но, несмотря на родственныя тенденціи и на то, что большинство фосфористовъ, какъ Аттербомъ, Пальмбладъ и другіе, были его университетскіе товарищи, Альмквистъ держался въ сторонѣ отъ ихъ кружка и отъ ихъ борьбы. И въ то время, какъ они съ первыхъ своихъ шаговъ примкнули къ нѣмецкимъ неоромантикамъ, Шлегелю, Шеллингу и Тику, лично онъ обратился къ первоисточникамъ романтизма, вырабатывая свое міросозерцаніе болѣе самостоятельно, въ одинокой и упорной борьбѣ съ самимъ собою. Въ такихъ условіяхъ развивались и рѣзко опредѣлились мистическіе порывы его духа, его непримиримая отторгнутость отъ всего нравственнаго строя окружающей жизни, его безпредѣльный субъективизмъ и его взгляды на поэзію, какъ на высшую форму божественнаго откровенія, а на художественное творчество вообще, какъ на само средоточіе бытія, гдѣ искусство тѣсно сливается съ религіей. Эти же внутреннія особенности Альмквиста, въ связи съ его темпераментомъ, въ значительной мѣрѣ предопредѣлили и его дальнѣйшую внѣшнюю судьбу.

Въ 1822 г. Альмквистъ бросилъ Стокгольмъ и свою службу и поселился въ Вѣрмландъ, гдѣ онъ хотѣлъ осуществить свои мечты о простой и тихой жизни среди первобытной природы и безхитростныхъ людей. Но уже въ 1825 г. мы видимъ его снова въ Стокгольмѣ, гдѣ онъ нѣрѣдко терпѣлъ острую нужду, пока, наконецъ, не получилъ мѣста учителя, а потомъ и директора въ только что основанной Новой Элементарной Школѣ. Сравнительная матеріальная обеспеченность дала теперь Альмквисту возможность предаться служенію единственной цѣли своей жизни, искусству. Но и это длилось недолго. Одно изъ его произведеній того времени, гдѣ изображалась свободная любовь, вызвало такую полемику и такую бурю негодованія, что, въ 1840 г., автору пришлось оставить школу, какъ нѣсколько райше

ему пришлось въ качествѣ пастора, которымъ Альмквистъ сдѣлался еще въ 1837 г., предстать передъ капитуломъ упсальскаго собора за кощунственное, по мнѣнію тогдашняго духовенства, изображеніе апостола Павла въ другомъ его разсказѣ *Марьямъ*.

Постоянное бѣдственное положеніе Альмквиста въ дальнѣйшіе годы его жизни столкнуло его съ извѣстнымъ въ то время ростовщикомъ, ротмистромъ фонъ-Шевеномъ, съ которымъ, кромѣ того, сближала его и общая любовь ихъ къ Сведенборгу. Это знакомство кончилось тѣмъ, что 11 юня 1851 г. Альмквистъ бѣжалъ изъ Стокгольма и черезъ Гётеборгъ и Гельсингборгъ отправился въ Данію и оттуда въ Америку, и одновременно съ этимъ распространилась, неоправдавшаяся фактически, молва о подлогахъ и объ его попыткѣ избавиться отъ Шевена ядомъ...

Въ Америкѣ Альмквистъ велъ скитальческую жизнь, съ трудомъ перебиваясь уроками и литературной работой. Въ 1866 г. онъ снова вернулся въ Европу и, забытый всѣми, поселился въ Бременѣ. Остатокъ своихъ дней онъ провелъ въ глубокомъ сиротствѣ и бѣдности, и одиноко, какъ жилъ, онъ умеръ въ больницѣ для бѣдныхъ 26 сентября того же года, и былъ зарытъ въ братскую могилу. И когда въ Бременѣ пріѣхала родная дочь его, то ей съ трудомъ удалось разыскать прахъ поэта, который лишь случайно былъ узнавъ по связкѣ розъ, положенныхъ докторомъ на гробъ загадочнаго старика...

Такова въ общихъ чертахъ скорбная внѣшняя жизнь Альмквиста.

* * *

Юношескія произведенія Альмквиста, не считая *Аморны* или *исторіи о четырехъ*, прошли совершенно незамѣченными. И его настоящая литературная дѣятельность нача-

лась съ 1832 г., когда онъ, одинъ за другимъ, выпустилъ 14 небольшихъ томиковъ своихъ сочиненій, составившихъ длинную серію Книги Дикой Розы, этого основного произведенія всей жизни Альмквиста, на которомъ собственно и зиждется вся его слава и все его историко-литературное значеніе.

Эта поразительная *Книга Дикой Розы* представляетъ собраніе рассказовъ, стихотвореній и статей, различныхъ по содержанію и формѣ и объединенныхъ только тѣмъ внѣшнимъ обстоятельствомъ, что, по замыслу автора, всё они читаются однимъ и тѣмъ же таинственнымъ лицомъ, Рихардомъ Фурумо, на вечернихъ собраніяхъ у гофмаршала Гуго Лёвеншерны въ его охотничьемъ замкѣ въ Нерике. Лучшими изъ произведеній этого большого цикла являются *Ожерелье королевы*, *Рашидо Маринеско* (исторія сына Донъ-Жуана), *Синьора Люна*, *Араминта Маи*, *Часовня*, *Мельница въ Шельмуръ*, *Охота Артура*, *Ночь скальда* и *Значеніе шведской бѣдности*.

Уже въ первыхъ литературныхъ опытахъ творчество Альмквиста поражаетъ чрезвычайнымъ богатствомъ красочнаго воображенія, яркостью и мѣткостью образовъ и возвышеннымъ напряженіемъ лирическаго подъема. Въ отношеніи формы, его романтическій геній не признавалъ никакихъ иныхъ законовъ, кромѣ тѣхъ, которые вытекали изъ его собственной сущности, предоставляя поэту полную свободу выбирать для своихъ сокровенныхъ мыслей и чувствъ наиболѣе подходящее въ каждомъ данномъ случаѣ выраженіе. Въ отношеніи же содержанія Альмквистъ прежде всего тяготѣлъ къ глубочайшимъ движеніямъ человѣческаго духа, къ бессознательному, ко всему, въ чемъ наиболѣе неисповѣдимымъ образомъ кроется роковая тайна жизни и смерти. Кромѣ этихъ психологическихъ глубинъ, Альмквистъ упорно искалъ выраженія своимъ завѣтнымъ мечтамъ объ уничтоженіи граней между тѣломъ и душою, между чувствен-

нымъ и духовнымъ, между языческимъ и христіанскимъ, между земнымъ и небеснымъ. И все его творчество является одною мистическою молитвою возвышеннаго пантеиста объ этой единой цѣльности...

Нужно ли говорить, насколько такая душа была чужда окружающей жизни! И чѣмъ больше поэтъ вдумывался въ эту жизнь, тѣмъ глубже обнаруживалась смертельная вражда между нимъ и всѣмъ существующимъ обществомъ, тѣмъ упорнѣе становилось его стремленіе вызвать революцію въ религіозной, социальной и нравственной области. И изъ всѣхъ страстей, которыми томилось сердце Альмквиста, одною изъ наиболѣе глубокихъ была его непримиримая ненависть ко всему общепринятому, ко всѣмъ взглядамъ и заповѣдямъ, основаннымъ исключительно на наследственныхъ предразсудкахъ, на обветшалыхъ привычкахъ и черствомъ эгоизмъ, не коренящихся въ самомъ существѣ чловѣка со всей его чистотою и добротой. Это его отношеніе къ жизни и положеніе въ ней совершенно тождественно съ положеніемъ другого шведа, его духовнаго брата Августа Стриндберга.

Своимъ внутреннимъ складомъ и общимъ духомъ своего міросозерцанія Альмквистъ, на нѣсколько десятковъ лѣтъ, пророчески опередилъ свое время. Даже при поверхностномъ знакомствѣ съ его произведеніями то и дѣло поражаешься современности его изысканныхъ образовъ, буквальному совпаденію отдѣльныхъ выраженій и цѣлыхъ страницъ съ тѣмъ, что теперь проповѣдуется, какъ самая послѣдняя мудрость дня. Его демократическій пантеизмъ, его мистицизмъ, символическій характеръ его творчества, его пассивный анархизмъ и его мечты о *великой цѣльности*, — все это тѣсно сближаетъ его душу съ порывами искусства нашихъ дней, какъ вечерняя и утренняя заря безпереходно сливаются въ мечтательной и загадочной полумглѣ сѣверной лѣтней ночи.

Альмквистъ, пусть и бессознательно, не разъ и не разъ примѣялъ въ своемъ творествѣ методъ Метерлинка, задолго до Вагнера онъ мечталъ объ искусствѣ Будущаго, какъ молитвенномъ синтезѣ всѣхъ видовъ творчества, — за много лѣтъ до Нитше ему пророчески чудился величавый образъ Сверхчеловѣка, что, вмѣстѣ съ вышеуказаннымъ, даетъ его соотечественницѣ Эленъ Кей безусловное право называть его „самымъ современнымъ поэтомъ Швеціи“.

Ю. Балтрушайтиса.

Мельница въ Шельнурѣ.

Гдѣ ты возьмешь *ярко-красной* пряжи, я знаю. Но—ты же еще хотѣла *синей*? Не такъ ли? Послушай —

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, молодой и веселый человѣкъ, крѣпкій и высокаго роста, живущій въ Стокгольмѣ, но любящій ходить пѣшкомъ, совершилъ однажды подобное путешествіе по Упланду и Руслагену, въ непритязательномъ платьѣ пѣшехода, разумѣется. Онъ оставилъ письменный рассказъ о замѣчательномъ приключеніи, встрѣтившемъ его въ пути; и такъ какъ г. Гуго, конечно, будетъ радъ ознакомиться съ этими столь отдаленными отъ Нерике мѣстами и ихъ жителями, то сегодня вечеромъ я и прочту рассказъ пѣшехода. Онъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ. Писаніе обращено къ какому-то *брату Адаму*, лично мнѣ незнакомому.

* * *

Дорога изъ Стокгольма въ Руслагенъ, минуя Энсту, извиается по ряду лѣсныхъ участковъ, гдѣ красуется прелестная Левсѣтра и, близъ дороги, расположена корчма, подъ названіемъ Розовый Ключъ. Но не доходя до столь отдаленнаго пункта, я свернулъ съ большой дороги налѣво и направился по усѣянной березами и елями мѣстности, лежащей на сѣверо-западъ—къ Тэбю и Валлентунѣ. Не знаю, братъ Адамъ, приводилось ли тебѣ когда-нибудь бывать въ этихъ мѣстахъ. Говорятъ, что Упландъ—некрасивая область и что ея жители—столь же некрасивый народъ; въ такомъ случаѣ, пожалуй, знаютъ лишь нѣсколько усѣянныхъ небольшими каменистыми пригорками равнинъ около Альсике или Мэрсты и ихъ обитателей. Между тѣмъ въ этой древнѣйшей части Швеціи много уголковъ, замѣчательныхъ не только своимъ плодородіемъ, но и очаровательныхъ, благодаря обилію воды, кручамъ, церквямъ и колокольнямъ, ясному небу и темнымъ лѣсамъ.

Я приближался къ Лѣвбруннѣ. Пріятная сторона хожденія пѣшкомъ—возможность не встрѣчать преградъ въ видѣ забора и избѣгать необходимости держаться проторенной дороги. Когда, послѣ часового пути, я оставилъ позади церковь въ Тэбю и подходилъ къ покрытому лѣсомъ пригорку, то, по ряду сѣрыхъ извилинъ налѣво, я замѣтилъ, что тамъ проходитъ проселочная до-

рога; и хотя мнѣ не было видно никого, кто бы ѣхалъ, но издали я услышалъ звукъ, похожій на понуканіе лошади. Очевидно, бѣдняжкѣ тяжело было тащиться въ гору среди деревьевъ впереди меня. Но понуканія были странныя. Разумѣется, они состояли главнымъ образомъ изъ чмоканья, на ряду съ отдѣльными криками. По содраганію воздуха, казалось, я отличилъ нѣсколько ударовъ кнутомъ, что въ богатой эхо мѣстности звучитъ весьма недурно. Вообще же, у того, кто понукалъ лошадь, голосъ былъ не такъ грубъ, какъ я могъ ожидать отъ батрака. Напротивъ, онъ звучалъ такъ, будто старался стать очень грубымъ, чтобы подѣйствовать на животное, но что въ дѣйствительности это былъ нѣжный голосъ—ясный, похожій на женскій. Должно быть какой-нибудь мальчуганъ везетъ тяжелую кладь, подумалъ я; и рѣшилъ пойти помочь ему.

Я пробирался на звукъ и скоро очутился у крутой дороги, по которой лошадка, изо всѣхъ силъ, старалась втащить вверхъ заваленную мѣшками съ рожью телѣжку. Двуколки, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, отличаются тѣмъ недостаткомъ, что у нихъ всего два колеса: при движеніи подъ гору, оглобли давятъ лошадь внизъ, при крутомъ же подъемѣ въ гору, онѣ какъ бы готовы поднять ее отъ земли, подпруга врѣзается въ животъ, и лошадь, нуждаясь въ твердой опорѣ,

чтобы двигаться по крутому пути, дѣлаетъ крайнія усилия, лишь бы остаться на землѣ. Но теперь я не сталъ разсуждать объ этомъ, а схватилъ лежавшій подъ кустами коль, и пошелъ не бить имъ лошадь, но тотчасъ же направился къ правому колесу, просунулъ коль между спицами и нажалъ такъ, что колесо повернулось и двуколка двинулась вверхъ. Возница находился по другую сторону высоко нагруженной повозки, и я не видѣлъ его, пока мой шестъ не сломался одинъ, два, три раза и двуколка не начала дѣйствительно двигаться, какъ слѣдуетъ; возчикъ разразился при этомъ короткимъ, но вполне веселымъ смѣхомъ, выступилъ впередъ, и, что же, это была дѣвушка.

Безъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ—на это совсѣмъ не было времени, потому что, когда коль сорвался и лошадь вдругъ лишилась его помощи, двуколка начала подаваться назадъ, грозя окончательно скатиться подъ гору,—безъ взаимныхъ привѣтствій, мы съ возницей ухватились за углы повозки и изо всѣхъ силъ начали толкать ее. Скоро мы остановили ее и по крайней мѣрѣ не давали ей скатываться; но тяжелыя и большія оглобли толкали лошадь, повидимому, худую скотину, то налѣво, то направо, и ей трудно было держаться на ногахъ. „Ступай“, сказалъ я моему незнакомому товарищу, „ступай, возьми за уздечку; веди свою клячу, а я въ это время буду толкать“.

Дѣвушка быстро пошла къ лошади, взяла ее подъ уздцы, и повела ее прямо по дорогѣ, при чемъ было видно, какую большую помощь лошадь нашла въ самой уздечкѣ, потому что, работая и влача повозку, она упиралась мордою въ плечо дѣвушки, почерпая отсюда крѣпость въ затылкѣ, что замѣтно передавалось безпре- станно изгибавшейся шеѣ, отсюда плечамъ и, наконецъ, всему тѣлу. Я, позади двуколки, тоже не дремалъ. Я толкалъ руками и порою упирался головою въ мѣшки. Наши соединенныя усилія имѣли тотъ счастливый результатъ, что черезъ минуту мы достигли самой вершины холма. Брунте остановилась и тяжело дышала. Казалось, будетъ не такъ-то легко доставить ее безопасно внизъ, по другую сторону пригорка. Дѣвушка остановилась и откинула на бокъ чолку на лбу лошади, которая, отъ пота, стала теперь бурю, хотя сама по себѣ она была рыжеватой масти.

Тутъ я подошелъ къ ней и поздоровался, она же сдѣлала незамѣтное движеніе, нѣсколько похожее на поклонъ, который я истолковалъ, какъ благодарность за помощь, оказанную мною при трудномъ подъемѣ. „Почему же ты ѣдешь одна?“ замѣтилъ я, „это скорѣе дѣло батрака, чѣмъ твое?“ — Она была настолько учтива, что не отвѣтила мнѣ ни слова, но разнуздала Брунте и, крѣпко схвативъ ее за морду, заставила ее сперва за-

дохнутья, а потомъ пыхтѣть, и такъ крѣпко, что я изумился. Пока дѣвушка смотрѣла на косматую голову лошади, на высокое темя которой снова упала длинная, неподрѣзанная чолка, ея губы шевельнулись, и мой хорошій слухъ, казалось, разобралъ нѣчто въ родѣ: „бѣдняжка!“—Потомъ она достала кусокъ сѣрой твердой лепешки и сунула въ ротъ своему другу, и тотъ сталъ жадно разжевывать его.

Дѣвушка разговаривала съ лошадей своими отрывочными слогами, смотрѣла только на нее и не обращала вниманія больше ни на кого; все же, когда я—изъ желанія услужить и отъ нечего дѣлать—сталъ вправлять покривившуюся подкладину, я замѣтилъ, что она бросила въ мою сторону быстрый взглядъ глазъ, которыхъ я раньше не видѣлъ. Но она тотчасъ же опять отвернулась, старательно кормила лошадь, и держала одну руку подъ мордою, чтобы ни одной крошки хлѣба не упало даромъ на землю.

Лепестокъ трехцвѣтной фіалки переливается цвѣтами, которыхъ нельзя различить, такъ и взглядъ порою играетъ смѣшаннымъ, очень сильнымъ блескомъ. Была ли въ ея быстромъ взглядѣ просьба, чтобы я ушелъ съ Богомъ или чтобы я остался?

Не слѣдуетъ думать, будто у меня отбило охоту говорить то обстоятельство, что моя первая по-

пытка—вопросъ, почему выѣхала она, а не ба-тракъ—осталась безъ отвѣта. Она была не такая молчаливая фея, чтобы человѣческая рѣчь внушала ей полное отвращеніе, какъ ты сейчасъ же и услышишь, братъ Адамъ. Пока же, я долженъ просить у тебя извиненія за упландское нарѣчіе, на которомъ я говорилъ съ милымъ возницей, и которое мнѣ приходится повторять; ты долженъ простить и то, что, вопреки обычному правописанію, во многихъ случаяхъ мнѣ приходится прибѣгать къ начертанію словъ, какъ онѣ звучать, чтобы дать тебѣ понятіе объ ея діалектѣ.

„Мнѣ очень хотѣлось бы знать, ведетъ ли эта дорога къ Хагбю“, сказалъ я, повернувшись умышленно къ двуколкѣ и всматриваясь въ даль.

Товарищъ у головы лошади въ свою очередь повернулся ко мнѣ и отвѣтилъ: „Что вы говорите?“

„Это—дорога въ Хагбю?“

„Не знаю“.

„Да, да, мой сумрачный другъ“, подумалъ я, „мы вотъ опять попрежнему осторожны.— „Но, чортъ возьми, эта дорога должна же вести куда-нибудь?“ прибавилъ я, смѣясь.

„Конечно, ведетъ. Мнѣ нужно въ Шельнуру, если моя Брунте захочетъ. Бѣдняжка! Ты сыта?“

„Значить, ты ѣдешь на мельницу съ зерномъ?“ продолжалъ я. „Но кто же будетъ таскать эти огромные мѣшки? Положимъ, тебѣ уже семнадцать

лѣтъ, но... Дѣвушкѣ не благоразумно развѣзжать такъ-то вотъ одной—“

„Таскать мѣшки? Разумѣется, могу“.

„Какъ же это?“

„У нихъ же тамъ воротъ, видите ли“.

„Въ самомъ дѣлѣ“, отвѣтилъ я.

„Вамъ тоже нужно въ Шельнуру?“

„А почему бы и нѣтъ. Я, собственно, имѣлъ въ виду отправиться въ Хагбю повидаться со старухой Коллиандеръ, но я съ такимъ же удовольствіемъ—“

„И, пожалуй, повидать старую мамзель, которую они тамъ называютъ теткой?“

„Мамзель Вильгельми... Разъ ты такъ хорошо знаешь тамошнихъ людей, то ты должна знать, туда ли ведетъ эта дорога?“—Молчаніе—во время котораго я старался разглядѣть ее. „Но все равно, я помогу тебѣ спуститься съ холма, что твоей Брунте, пожалуй, будетъ трудно“.

„Она устала, бѣдняжка; сегодня ночью она возила почту“.

„Теперь намъ придется удерживать двуколку съ тою же силой, съ какою раньше подталкивали“.

„Стой! Брунте, стой!“ сказала дѣвушка и осадила лошадь, которая, казалось, была готова двинуться подъ гору, точно мои замѣчанія тронули ее. „Да, да, ты, вижу,—труженица. Ишь ты, назадъ! Стой! Лучше было Іеркеру выѣхать

съ тобой, онъ умѣетъ управлять такой дикой скотиной. Ну, что? Да—стой же! Но отецъ такъ спѣшилъ съ уборкой ржи, что батракамъ было совсѣмъ некогда отпрапляться на мельницу. Да—ну—же—ты—“

Такимъ образомъ, я всетаки (какъ бы вскользь) получилъ отвѣтъ на мой первый вопросъ. „Неужели отецъ отпускаетъ дочь въ такую дальнюю поѣздку?“ сказалъ я.

„Дочь— —?“

„Да“, повторилъ я.

„Отецъ-то дочери не посылаетъ“.

Въ выраженіи ея большихъ глазъ было нѣчто странное, когда она произносила это незначительное слово. Завистливое, нѣсколько печальное, и въ то же время плутоватое. Бѣлки ея глазъ были прозрачные, хотя они, какъ голубоватое стекло, рѣзко оттѣняли зрачки, цвѣта которыхъ я между тѣмъ не могъ опредѣлить, такъ неуловимо переливали они отъ темнаго до синяго. Я улыбнулся, но не могъ разгадать ея мысли. „Но ему же пришлось послать свою дочь“, возразилъ я, „разъ ты здѣсь?“—Или можетъ быть мать послала тебя?“

„Да нѣтъ же. Мать умерла“.

„Бѣдная дѣвушка, твоя мать умерла? Я такъ и думалъ, разъ твой отецъ послалъ тебя по такому неподходящему дѣлу?“

„Вы говорите, мой отецъ?“

„Ну, да, твой отецъ“.

„Мой отецъ давнымъ давно умеръ, видите ли. Постой же, Брунте. Намъ еще рано. Стой же, говорю“.

„Твой отецъ умеръ, и онъ же послалъ тебя на мельницу“?

„Мой отецъ? Да нѣтъ. Сто-ой! Отецъ изъ Висинге, хозяинъ лошади и двуколки, вотъ кто послалъ меня въ Шельнуру—если только мнѣ добраться туда съ этой упрямою клячей“!

Теперь я замѣтилъ, что ошибся, и что она не была дочерью того, кто послалъ ее—что ея родители умерли, а сама она простая служанка, которая, по мѣстному обычаю, называла своего хозяина отцомъ.

Брунте уже отдохнула и, повидимому, хотѣла направиться подъ гору. „Послушай“, сказалъ я, „лошадь слаба на ноги и нужно быть осторожнѣе. Мы помѣняемся мѣстами. Я, какъ болѣе сильный, буду держать ее за поводъ и тихо, мало-по-малу, провожать внизъ. Ты же ступай вотъ съ этимъ шестомъ къ колесу, и отъ поры до времени подкладывай его, чтобы повозка не могла катиться“. Съ этими словами я направился къ головѣ лошади и отвязалъ ее. „Спасибо, это хорошо!“ еле слышно сказала она и передала мнѣ поводья. Я улыбнулся рыцарскому отгѣнку этого приключенія.

Здѣсь же не было „дамы“ временъ Ричарда Львиного Сердца, и я не былъ закованъ въ сталь и латы, а вокругъ насъ подавно не было ни язычниковъ, ни прочей страшной сволочи. Но тѣмъ не менѣе предстояла довольно большая опасность.

Брунте была неописуемо слаба на ноги. По видимому, она была стара или плоховата по другой причинѣ. Въ началѣ спуска дѣло шло сносно. Я позволялъ ей подвигаться впередъ лишь шагъ за шагомъ: она пыхтѣла, потому что телѣга насѣдала. Вдругъ она—бацъ—упала на переднія ноги. Дѣвушка при этомъ вскрикнула. „Ахъ, зачѣмъ онъ послалъ меня съ этакой клячей!“ воскликнула она. „Не лучше ли мнѣ было отправиться въ Норсетру и взять буланого у Яна Карлсона! Эдакій грубиянъ, разъ онъ можетъ такъ долго пользоваться чужою лошадейю, лишь бы—лишь бы—“

Противъ этого я не могъ ничего возразить. Но—кромѣ шутокъ—я освободилъ оглобли и поднялъ нашу Брунте. И вмѣсто того, чтобы помогать нашему слабѣйшему товарищу, держа за уздечку, я самъ сталъ лошадейю и взялъ двигавшуюся повозку за одну изъ оглоблей, такъ что Брунте оставалось только идти смирно. Это она могла. Грузъ былъ дѣйствительно тяжелый, такъ какъ на двуколкѣ лежали три или четыре мѣшка.

Когда мы приблизились къ концу длиннаго спуска, лошадь начала подпрыгивать. За нею и

двуколка. И чтобы поспѣвать, и намъ остальнымъ неизбежно было прибавить шагу. Въ концѣ концовъ это стало забавно. Потѣхи ради или по необходимости—не знаю—Брунте наконецъ пустилась галопомъ. Я думаю, что такимъ-то путемъ она надѣялась избавиться отъ клади. Но потомъ она стала скакать слишкомъ рѣзво. Дорога внизу холма круто поворачивала и въ то же время подходила къ мосту. Чего же другого можно было теперь ожидать отъ скакавшаго галопомъ мельничнаго груза, какъ не того, что разбѣжавшаяся повозка, на поворотѣ, потеряетъ равновѣсіе, опрокинется и свалитъ свои мѣшки въ пробѣгавшій мимо ручей, правда, не глубокой и не быстрый, но всетаки ручей. Мостъ былъ снабженъ маленькими и низкими перилами, но что въ нихъ было пользы? Они едва доходили до ступицы. Я уже видѣлъ передъ глазами большую катастрофу обвала—А дѣвушка находилась какъ разъ съ той стороны клади, куда она должна была свалиться, такъ что ей предстояло или быть раздавленной или, по меньшей мѣрѣ, сброшенной въ ручей.

Въ эти опасныя мгновенія и мнѣ пришлось бѣжать со своего мѣста. Мы очутились на мосту. Двуколка уже покачнулася—будь у меня время, право, въ глазахъ потемнѣло бы,—но, въ одинъ мигъ, бѣжавшая по другую сторону дѣвушка вскочила на перила, благодаря чему она могла достать

до верхняго мѣшка и, пока уклонъ не сталъ значительнѣе, дать ему достаточный отпоръ и удержать его наверху. Но это ей не удалось бы, еслибъ она въ то же время не бѣжала вдоль периль и не поддерживала мѣшка руками. Все это совершилось въ одинъ мигъ,—такъ стремительно пронеслась двуколка. Ей удалось—кладъ дѣйствительно осталась на мѣстѣ; и когда она наконецъ соскочила съ периль, все получило видъ прогулки.

Это мое путешествіе по деревнямъ, какъ и мои остальные путешествія, имѣло въ виду одно наслажденіе имъ самимъ, и я получалъ его въ большой мѣрѣ, куда бы ни приходилъ. И то, что я теперь, повидимому, оказался далеко отъ Хагбю, ни мало не тревожило меня. У старухи К* я могъ всегда побывать. Образъ дѣвушки, съ такой поразительной находчивостью спасшей грузъ, при тысячѣ мѣняющихся и тотчасъ же исчезающихъ движеній, предсталъ въ такомъ стройномъ, свободномъ и прелестномъ видѣ, что я пришелъ въ восхищеніе. Мужской отваги въ этомъ не было. Наоборотъ—трепетъ и все же рѣшимость; женскій испугъ и въ то же время присутствіе духа.

Если говорить о томъ, что меня особенно тронуло въ этомъ приключеніи, такъ это зрѣлище преданности служанки своему хозяину. Впопыхахъ, она не думала, чѣмъ она рисковала изъ-за его мѣшковъ ржи, а рисковала она немногимъ

меньше жизни. Въ семнадцать лѣтъ это не такъ мало. Лицо, которое я началъ разсматривать теперь, было нѣсколько смуглое; но заливъ его своими лучами, солнце обнаружило большую разборчивость.

Время для моихъ наблюденій оказалось потому, что, когда повозка наконецъ остановилась, бѣдная лошадь была совершенно измучена, и дѣвушка заявила, что намъ необходимо сдѣлать привалъ и перевести духъ. Она отвела лошадь къ краю дороги, разнуздала ее, привязала за поводья къ забору и принялась рвать траву, которую она клала передъ нею. Придорожная трава—собственность всѣхъ. Не знаю, о чемъ я думалъ, но не помогаль ей. Хотя мнѣ слѣдовало выпрячь Брунте, чтобы во время отдыха ей стало легче. Вмѣсто этого я стоялъ на дорогѣ и разсматривалъ мохъ на кольяхъ въ заборѣ: я, кажется, открылъ нѣсколько видовъ излюбленныхъ Вестрингомъ мховъ. Дѣвушка быстро удалилась. Я забылъ про Вестринга и вспомнилъ, что мнѣ было бы благоразумнѣе нарвать побольше травы ея четвереногому другу; я такъ и сдѣлалъ. Брунте начала смотрѣть на меня дружелюбными глазами и хватала мою траву вытянутыми, черными губами и большими, широкими и бѣлыми лошадиными зубами. Я подкладывалъ ей еще и еще. Наконецъ, нагнувшись къ землѣ за ромашкой, я взглянулъ въ сторону, подъ мостъ. Я замѣтилъ тамъ нашего

возницу, омывавшего свои ноги въ маленькомъ ручейкѣ. (Я забылъ сказать, что она была босая, какъ обыкновенно ходятъ служанки въ деревнѣ лѣтомъ и осенью). Очевидно, она запылилась—и въ этомъ могло сказаться желаніе быть миловиднѣе, можетъ быть кокетство? Она была непохожа на многихъ равныхъ ей уже тѣмъ, что была совсѣмъ опрятно одѣта. Но въ то же время я замѣтилъ, что тутъ дѣло далеко не въ туалетѣ. Въ водѣ было немного крови. Я бросилъ взгляды на перила, на которыя она вскочила раньше. Перила были неостроганы.

Вернувшись назадъ и увидѣвъ, какъ я ухаживалъ за ея Брунте, и всю лежавшую тамъ траву, которая быстро убывала, дѣвушка нѣжно и какъ бы вопросительно взглянула на меня, но не сказала ничего, ни „спасибо“, ни другого.

„Теперь до Шельнуры ровная дорога и недалеко“, сказала она, весело кивнувъ на прощанье, вскочила на возъ, обычнымъ движеніемъ натянула на волосы и лобъ платокъ, стегнула Брунте возжей (кнута у нея не было) и поѣхала; оглянулась еще разъ—чтобы убѣдиться, на мѣстѣ ли колесные болты, и укатила.

Я сорвалъ лѣтній цвѣтокъ одного изъ тѣхъ невзрачныхъ видовъ, какіе повсемѣстно растутъ въ Тѣбу, и для собственнаго обихода сунулъ его въ петлицу. Потомъ запѣлъ свою пѣсенку и нѣ-

которое время смотрѣлъ по всѣмъ направленіямъ съ цѣлью рѣшить, куда мнѣ теперь направиться, чтобы встрѣтить новое приключеніе.

„Рѣшительно все равно“, думалъ я, „я хочу осмотрѣть королевскую усадьбу въ Шельнуръ“.

Стало быть, я отправился по той же дорогѣ. То здѣсь, то тамъ я находилъ слѣды колесъ. Колея была неровная, признакъ того, что колеса были расшатаны. Вся повозка, хомутъ, возжи, лошадь, имѣли—насколько я помню—совершенно жалкій и неисправный видъ. *Отецъ* въ Висинге былъ или совершенный бѣднякъ или же большой разгильдяй.

Черезъ часъ я подошелъ къ воротамъ, у которыхъ стояла избушка, и маленькій мальчикъ, безъ шапки и въ одной рубашонкѣ, со щеками болѣе смуглыми, чѣмъ волосы, сперва очень старался закрыть ворота передо мной, но потомъ тотчасъ же отворилъ ихъ. Такая ненужная вѣжливость не заслуживала никакого поощренія, но я былъ въ такомъ хорошемъ настроеніи, что далъ мальчику цѣлую крону, при чемъ онъ вытаращилъ на меня свои чрезвычайно ясные, сѣрые глаза. Вскорѣ послѣ этого онъ сталъ кланяться, что главнымъ образомъ было замѣтно по движеніямъ рубашонки. При этомъ изъ его волосъ выпало нѣсколько колосьевъ, что объяснялось кипѣвшей теперь жатвой.

Я заставилъ его показать мнѣ, куда идти, чтобы добраться до королевской усадьбы въ Шельнурфъ. Я удалился въ указанномъ имъ направленіи и черезъ часъ достигъ большой усадьбы. Но дорога не кончалась, а шла мимо ряда строеній, одно изъ которыхъ, довольно высокое, съ черными отверстіями въ стѣнѣ, очевидно, была мельница. Оттуда доносился глухой гулъ множества работавшихъ жернововъ, и я увидѣлъ нѣсколько покрытыхъ мукою батраковъ, бродившихъ вокругъ. Безъ сомнѣнія, я оказался у мельницы въ Шельнурфъ. Мой взглядъ упалъ на нѣсколько деревенскихъ повозокъ; сама Брунтѣ, выпряженная и довольная, стояла въ сторонѣ у колеса, и, по видимому, съ извѣстной предосторожностью была поставлена такъ, чтобы надолго защитить ее самоѣ, ея сѣно и ея двуколку отъ посягательствъ менѣе трезвыхъ посѣтителей мельницы.

Не имѣя никакого дѣла на мельницѣ, я не продолжалъ своего пути, но вернулся на мостъ, подъ которымъ со значительнымъ шумомъ протекала вода, вертѣвшая мельничное колесо. Пройдя немного дальше, направо отъ дороги, я очутился у густыхъ пышныхъ лиственныхъ зарослей, не столь, по видимому, дикихъ, чтобы относиться къ обыкновенному шведскому лѣсу; я догадался, что это былъ королевскій паркъ. Я былъ правъ. И направился туда.

Королевская усадьба въ Шельнурѣ, съ садомъ и паркомъ, расположена на широкомъ полуостровѣ, омываемомъ озеромъ Норвикеномъ. Само главное строеніе, куда я скоро пришелъ, было довольно большое и красивое. Какъ я узналъ отъ какой-то женщины у воротъ, въ немъ жилъ капитанъ Б*, который недавно взялъ въ аренду королевскую усадьбу послѣ лейтенанта Кр.*—Я представился у крыльца, какъ вольный шведскій пѣшеходъ, былъ дружелюбно принятъ самимъ хозяиномъ, г. Б*, краснощекимъ и, судя по внѣшности, добродушнымъ господиномъ. Я сказалъ, что у меня нѣтъ другого дѣла, кромѣ желанія, ради собственнаго удовольствія, осмотрѣть мѣстность и познакомиться съ ея жителями. Хозяинъ, радуясь, что наконецъ-то встрѣтилъ посторонняго человѣка, которому, собственно, ничего не нужно, и который пришелъ не по дѣлу, и отнюдь не по долговымъ обязательствамъ, просилъ меня пожаловать въ комнаты. Я сказалъ, что я былъ бы очень радъ осмотрѣть садъ. „Хорошо!—но раньше рюмку тодди и трубку! Будьте любезны“. Я недолго задумывался. Было шесть, половина седьмого вечера, почему бы и не рюмку тодди и трубку? Я вошелъ, увидѣлъ хозяйку, поклонился и пошелъ дальше. Войдя въ кабинетъ самого капитана, послѣ того какъ трескъ тупого кремня кончился и трубка наконецъ задымилась, я рѣшилъ, что мое посѣщеніе

не должно быть продолжительно, такъ какъ мнѣ предстояло еще перебраться черезъ Норвикенъ въ расположенный на другомъ берегу Большансъ и далѣе въ Эдскій приходъ. Между тѣмъ явилось тодди и, между друзьями, хорошее. Въ то же время мы курили. Капитанъ говорилъ о плачевномъ состояніи посѣвовъ въ этомъ году и очень расхваливалъ свою прежнюю морскую жизнь (теперь я узналъ, что Б* былъ капитаномъ купческаго парохода). Но почему онъ бросилъ несравненное море, гдѣ онъ наживалъ деньги, и теперь основался на жалкой землѣ, гдѣ онъ, не взирая на потъ и трудъ, терялъ ихъ, онъ мнѣ не сказалъ, да это и не касалось меня. Онъ былъ очень обходительный человѣкъ, и носилъ голубой сюртукъ съ желтыми пуговицами, которыя почти всѣ были на лицо. Когда же тодди кончилось, но трубки еще дымились, мы отправились вмѣстѣ осматривать Шельнурскій садъ. Тамъ оказались парники и остатки оранжереи, которые можетъ быть видѣли болѣе счастливые дни, но все это было запущено. Аллея изъ вѣтвистыхъ кленовъ, смѣшанныхъ съ каштанами, привела насъ къ берегу озера. Узнавъ что, я, хотя и „пѣшеходъ спокойствія ради“, но прихожу изъ Стокгольма, и при этомъ въ хорошемъ видѣ, мой хозяинъ, не безъ удовольствія, сообщилъ мнѣ многое, какъ на примѣръ, то, что мельникъ или арендаторъ

мельницы зависѣлъ отъ него (капитана) и платилъ сто пятьдесятъ мѣръ зерна, что было совсѣмъ не мало и должно было повыситься съ окончаніемъ „привилегіи“. Я не возражалъ. Затѣмъ капитанъ подѣлился со мною нѣсколькими тайнами вышеупомянутаго мельника: какой отчаянный пьяница онъ былъ, какъ плохо велъ мельницу, аренду же выплачивалъ еще хуже и скоро долженъ былъ убраться. Я ничего не имѣлъ и противъ этого. Капитанъ еще прибавилъ, что было бы гораздо лучше нанять на мельницу „настоящаго“ мужика, чѣмъ этихъ „господъ мельниковъ“, этихъ „арендаторовъ“, которые, какъ „паразиты“ садятся на поселянъ, грабятъ ихъ несправедливыми мельничными поборами, перемѣшиваютъ ихъ мѣшки, потомъ напаиваютъ ихъ до-пьяна и превращаются въ позорную смѣсь господина и бродяги. Я удивлялся всѣмъ этимъ откровенностямъ и замѣтилъ про себя, какой честный народъ бываютъ часто эти господа въ деревнѣ, разъ они даже при первомъ посѣщеніи открываютъ почти все свое положеніе; наоборотъ, я нашелъ, что сами крестьяне, даже въ своемъ кругу, совершенно скрытны, да, почти лукавы. Между тѣмъ мои мысли снова вернулись къ Шельнурской мельницѣ, мимо которой я недавно прошелъ, и, чтобы въ свою очередь отплатить моему хозяину откровенностью, сообщилъ ему, что считаю количество воды, приводящей

въ движеніе мельницу, совершенно недостаточнымъ, по крайней мѣрѣ судя по тому, сколько ея протекало на моихъ глазахъ. Капитанъ со вздохомъ согласился съ моимъ дѣльнымъ замѣчаніемъ и началъ разглагольствовать о томъ, какъ незаконно прежній владѣлецъ луговъ въ Альбю воспротивился очисткѣ потока, который долженъ былъ впадать у Шельнуры. „Ахъ!“ воскликнулъ онъ, „но такъ-то все у насъ въ Швеціи! Никто не хочетъ поступиться чѣмъ-нибудь во имя общаго блага; и этотъ народъ въ Альбю могъ бы сухими глазами смотрѣть на развалины мельницы въ Шельнурѣ, лишь бы сохранить свои луга въ хорошемъ состояніи. А что было бы естественнѣе, какъ выстроить плотину, которая для надобностей мельницы въ половодье удержала бы излишекъ воды, и наоборотъ во время засухи могла бы освободить ее, и мельница могла бы работать ровнѣе, но вѣдь такъ то все у насъ въ Швеціи!“—Не зная, каково было положеніе мельницъ за границею, я жаловался на нашу Шельнурскую, но замѣтилъ, что луга Альбю, пожалуй, могли пострадать отъ стоячихъ за дамбой водъ?—„Ага, они такъ и говорятъ—я только это всюду и слышу!“ воскликнулъ капитанъ, вынулъ трубку изъ рта, судя по лицу, нѣсколько смутился и выпустилъ длинную струю дыма. На этомъ разговоръ объ Альбю кончился, и мы отправились осматривать капусту,

которая была очень хорошая и общала богатый урожай. „Словъ нѣтъ“, выразился онъ при этомъ, „кочни-то большіе, но, увѣряю васъ, слишкомъ пышные, излишекъ дождя помѣшалъ имъ завязаться“. И чтобы показать это, онъ любезно сорвалъ одинъ кочанъ, снялъ большіе, полуувядшіе верхніе листья, потомъ перешелъ къ меньшимъ и болѣе свѣжимъ и на моихъ глазахъ „ощипалъ“ весь кочанъ, у котораго, къ моему изумленію, почти не оказалось сердцевины. Я былъ пораженъ, а онъ съ серьезнымъ и озабоченнымъ видомъ швырнулъ кочерыгу. Что оставалось дѣлать? Мы снова набили наши трубки и дважды плюнули. „Да, такъ - то вотъ все у насъ въ Швеціи“, сказалъ капитанъ, то ли дѣло въ Средиземномъ морѣ“.

Такъ какъ солнце замѣтно опустилось, я сталъ откланиваться, хотя новая трубка была выкурена лишь наполовину. Мой любезный хозяинъ заставилъ меня еще разъ зайти въ домъ, что не обошлось безъ стакана свѣжаго, домашняго пива. Я же рѣшилъ не пить ничего, кромѣ стакана превосходной воды, поклонился супругѣ капитана и вышелъ въ сѣни.

Теперь я сказалъ капитану, что вечеромъ я собирался переправиться черезъ Норвикенъ въ Больстанэсъ, и самое подходящее было взять лодку для переѣзда у Шельнурскаго моста. Съ крыльца

я видѣлъ, что у самаго берега стоитъ челнокъ. Но со временемъ мое первое намѣреніе измѣнилось. Въ Больстанэсѣ, конечно, у меня не было никакого дѣла—вѣдь я же бродилъ и любовался разными мѣстностями.

Поэтому, при прощаніи, я не просилъ хозяина дать мнѣ челнокъ. Мы разстались. Я ушелъ изъ королевской усадьбы тою же дорогой, какъ пришелъ: мнѣ хотѣлось осмотрѣть мельницу.

Начинало смеркаться. Послѣ ряда изгибовъ по парку вдоль Норвикена, дорога привела меня назадъ къ мельницѣ. Строенія стояли совсѣмъ сѣрыя, некрасивыя и безобразныя, когда я подошелъ.

Мои глаза искали Брунте, и она дѣйствительно оказалась въ своемъ углу у колеса. И двуколка, пустая.

„Рѣшивъ осмотрѣть мѣстность, неужели я долженъ принять во вниманіе и ея мельницы? Конечно“, отвѣтилъ я самому себѣ и направился къ сумрачному, большому дому.

Я положительно недоумѣвалъ, что я буду дѣлать тамъ такъ поздно вечеромъ, или что я скажу мельнику, если встрѣчу его. Что я не привезъ съ собою зерна, было очевидно.

Но—пустяки. Я приблизился къ двери и вошелъ. Въ мельницѣ было отчаянно темно, такъ какъ всѣ отверстія, черезъ которыя днемъ получается свѣтъ, теперь были заперты на ночь. Я

слышалъ, какъ жернова въ верхнемъ помѣщеніи вѣчно вращались со своимъ неугомоннымъ, сильнымъ, но глухимъ, грохотомъ и шумомъ. И въ то же время дальше, направо, я слышалъ непрерывное шлепанье и плескъ, признаковъ, что тамъ вертѣлось водяное колесо, и было опасно приближаться. „Но неужели здѣсь нѣтъ ни души?“ спрашивалъ я себя, „неужели мельница предоставлена самой себѣ? Развѣ можно пускать мельницу безъ свѣта? Да, повидимому, мельникъ—дѣйствительно отъявленный пьяница“.

Я тутъ же вздрогнулъ, замѣтивъ въ одномъ изъ дальнихъ угловъ мерцающій свѣтъ свѣчи въ фонарѣ, съ которымъ кто-то пробирался осторожно; онъ скоро поставилъ его на груды мѣшковъ. Такъ неосторожно приносить огонь на мельницу!

Я на цыпочкахъ отошелъ въ сторону. Я чуть было не споткнулся о первую ступень лѣстницы, которая вела въ верхнее помѣщеніе или чердакъ, гдѣ зерно ссыпалось собственно въ „воронку“ и питало жернова. Теперь я не сталъ подниматься по лѣстницѣ, но тихо проскользнулъ мимо. За кучами мѣшковъ, наконецъ, я незамѣтно подошелъ къ мѣсту, гдѣ мерцалъ свѣтъ въ фонарѣ. Это было въ области мельничнаго барабана, по которому во время перемола мука направлялась изъ жернововъ въ верхнемъ помѣщеніи и теперь ссы-

палась въ висѣвшіе подъ нимъ открытые мѣшки. Здѣсь я увидѣлъ двѣ мужскихъ фигуры.

Одинъ, постарше, съ желтыми, сальными, съ красными пятнами, глазами на широкомъ изрытомъ лицѣ, хриплымъ голосомъ разговаривалъ съ другимъ, одѣтымъ въ черную запыленную мукою сермягу. „Этотъ краснорожій, что приглаживаетъ волосы за ухомъ и щурится на своего собесѣдника, очевидно,—самъ господинъ мельникъ“, подумалъ я и стоялъ молча, какъ мѣшокъ.

„Вотъ какъ?“ сказала крестьянинъ, кивнувъ головой, и подобралъ свою отвислую нижнюю губу. „Но видишь ли—я знаю дѣло“, шипя, прибавилъ онъ и оглянулся кругомъ.

Мнѣ, совсѣмъ не знавшему дѣла, стало любопытно. Къ моему огорченію, дальше произошло только то, что одинъ изъ нихъ своими узловатыми, грязными пальцами сталъ трогать выпавшую изъ барабана мелкую бѣлую муку; другой же вынулъ изъ кармана низкую, но широкую бутылку и предложилъ ему подкрѣпиться. Безъ сомнѣнія, тамъ была водка. Ну, было уже поздно; и для меня вся эта пантомима была крайне неинтересна.

„Нѣтъ, Янъ Карлсонъ, это—враки“, продолжалъ краснорожій мельникъ. „Матсъ изъ Висинге на такія штуки неспособенъ. Но намъ лучше красть по гарнцу изъ каждаго мѣшка. Выпей гло-

токъ, и ты протрезвишься, Янъ, и скажешь мнѣ правду“.

Глотокъ былъ сдѣланъ, и Янъ пробормоталъ длинный рядъ крѣпкихъ ругательствъ. Мнѣ тотчасъ же вспомнилось, что сегодня я уже слышалъ имя Яна Карлсона. А Висинге—постойте—хозяинъ дѣвушки жилъ въ Висинге, какъ я слышалъ; а объ Янѣ Карлсонѣ при нашей встрѣчѣ она говорила, какъ о человѣкѣ, который долго не возвращалъ ея хозяину „буланаго“. И этотъ Матсъ изъ Висинге, о которомъ зашла рѣчь, пожалуй, и есть ея хозяинъ!

„Да, г. Оттергрень, говорю вамъ, я остаюсь при своемъ“, замѣтилъ крестьянинъ, наклоня голову ближе къ мельнику, „вы знаете, что я настаиваю на томъ—на томъ—что Матсъ—чистѣйшій плуть, мошенникъ,—право, господинъ, продувная тварь—кому же знать, какъ не мнѣ, на то я зять его; онъ же былъ женатъ на моей сестрѣ, прохвость—вы только чуточку потерпите, г. Оттергрень—“

Мельникъ строго посмотрѣлъ крестьянину въ лицо и сказалъ: „Но чѣмъ же онъ отравилъ ее? Очень жаль бѣдняги“.

„Ахъ, не знаю. Но тутъ дѣло нечисто. Право“.

„Вы говорите, подъ самое Благовѣщеніе, прошлой весною, Янъ? Но говорите тише. Здѣсь никого нѣтъ изъ Ландснуръ? Нѣтъ, они легли спать.“

Отлично. Вы говорите, накануне Благовѣщенія Брита пробыла цѣлый вечеръ у Матсовъ? Это точно?»

„Да, господинъ, накажи меня Богъ, если это не сущая правда. Она была у Матсовъ и—правильнѣе говоря—непотребная дѣвка и была причиною смерти моей сестры. Еслибъ не Брита, Матсъ не ходилъ бы теперь вдовцомъ, и я не остался бы безъ сестры—здѣсь-то на мельницѣ ея нѣтъ?—Гм.! Кажется, я слышу кого-то. Дрянная свѣчонка, господинъ, у васъ въ фонарь—поверните-ка сюда—“

Мельникъ и Янъ, вытянувъ шею, стали осматриваться кругомъ, оба въ одну сторону. „Брита“, тихо повторялъ я про себя: „должно быть, ее зовутъ такъ“.

„Такъ вотъ, почему“, продолжалъ мельникъ и снялъ нагаръ со свѣчки большимъ и указательнымъ пальцами, послѣ чего онъ тѣми же пальцами высморкался, вымазавъ сажей свой широкій носъ— „такъ вотъ, почему она—почему—она—“

„Поэтому“, продолжалъ Янъ,—„она такъ дьявольски тужить обо всѣхъ вещахъ Матса, ходитъ за его скотиной, обшиваетъ мошеника. Вѣдь она думаетъ стать его женою осенью. Но увидите, они оба раньше попадутъ къ судѣ въ Энстѣ, ужъ я вамъ ручаюсь,—лишь бы мнѣ собрать свидѣтелей. Моя сестра умерла въ Благовѣщенье, въ семь ча-

совъ утра, и у нея были синяки подъ глазами. И никто какъ Матсъ съ Бритой отравили ее; они же заранѣе сговорились. Јеркеръ наканунѣ вечеромъ стоялъ за угломъ дома, на дворѣ, и видѣлъ въ окно, какъ Матсъ и его служанка разговаривали. А Брита размахивала во всѣ стороны руками и горячо разговаривала съ Матсомъ,—какъ я сказала, все это видѣлъ Јеркеръ наканунѣ вечеромъ. Јеркеръ даже подкрался къ окошку, только ему не было слышно ихъ, но онъ видѣлъ, что они разговаривали, и, наконецъ, Матсъ подошелъ къ шкафу въ углу,—Јеркеръ видѣлъ это,—и досталъ оттуда бутылку или коробку, помнится; а Брита ушла въ каморку, гдѣ лежала больная хозяйка, моя-то сестра, и это было наканунѣ Благовѣщенія вечеромъ, чортъ бы ее дралъ, дѣвченку-то, потому что Матсъ изъ Висинге былъ влюбленъ въ нее и хотѣлъ спровадить мою сестру“.

„Послушайте, Янъ, уговорите же Јеркера отправиться въ судъ въ качествѣ свидѣтеля. И ладно—“

„Ахъ, г. Оттергрень, вамъ бы тоже пойти, господинъ, и быть моимъ вторымъ свидѣтелемъ, тогда дѣло въ шляпѣ“. „Мнѣ-то—Янъ!—Да въ своемъ ли ты умѣ? Меня же тамъ не было и я ничего не видѣлъ наканунѣ Благовѣщенія!“

„Нѣтъ-нѣтъ—господинъ, вы же теперь знаете, какъ было дѣло, а тамъ можно и присягнуть“.

„Но показывать на судъ“, перебилъ мельникъ,
„это же—Выпей Янь! Гдѣ твоя посудина?“

„Какъ тутъ не выпить“, прошепелявилъ Янь Карлсонъ и осушилъ бутылку, не закусывая, какъ раньше, и только лизнувъ немного муки.

„Вздоръ“, сказалъ мельникъ.

„Мука, что тутъ мелется, видите ли,—зерно Матса, и взять половину или третью часть мѣшка или двухъ—не грѣхъ, разъ онъ лишилъ жизни мою сестру. Онъ бѣденъ, Матсъ-то, но такъ ему и надо, канальѣ; я взять у него клячу на время, и онъ еще подождетъ, пока получить обратно, потому что онъ у меня не пикни, онъ мнѣ ни слова не посмѣетъ сказать, онъ отлично знаетъ, что я могу сдѣлать съ нимъ. Въ наслѣдство отъ моей сестры онъ получилъ все хозяйство, и не будь у нихъ дочери, Матсу пришлось бы уйти со двора и вернуть женину долю роднѣ, и она досталась бы мнѣ, какъ ей брату. Но теперь онъ сидитъ на участкѣ, благодаря дочери, какъ бы въ качествѣ опекуна; и потому-то, говорю, онъ такъ дрожитъ надъ дочерью, что не позволяетъ ей даже носа высунуть, такъ какъ, случись съ ней что-нибудь, онъ лишится усадьбы. Но я знаю, что, если Матсъ и Брита попадутъ подъ судъ и будутъ осуждены за дѣла въ Благо-вѣщеніе и угодятъ, какъ оно и слѣдуетъ, на ка-торгу, то усадьба достанется мнѣ, какъ опекуну

моей племянницы,—вѣдь я же въ самомъ дѣлѣ ея ближайшій родственникъ. И вы, г. Оттергрень, должны быть моимъ свидѣтелемъ. Возьмите изъ этихъ мѣшковъ половину или третью часть, я на это согласенъ, и—видите ли—въ осеннюю сессию суда въ Энгстѣ, осенью, ихъ засудятъ; берите! Мы развяжемъ мѣшокъ—“

„Погоди развязывать“, сказалъ мельникъ. „Если я буду первымъ свидѣтелемъ, то кто же будетъ вторымъ?“

„Јеркеръ“.

„Јеркеръ? Нѣтъ, онъ служитъ у Матса; онъ не годится, ему нельзя быть свидѣтелемъ противъ хозяина“.

„Нельзя показывать на судѣ, что онъ видѣлъ въ окно своими собственными глазами?“

„Да, еслибъ онъ не былъ на службѣ у своего хозяина—“

„Ахъ, это дѣло судьи. Служащій, кажись, не можетъ давать показаній въ пользу челяди своего хозяина, или какъ тамъ; но противъ него онъ можетъ свидѣтельствовать, разъ дѣло касается жизни. Иначе никогда не узнаешь правды, господинъ. Чортова свѣча!“

„Тс! тс!“ шепталъ мельникъ. „Гдѣ Брита?“

„Она наверху, насыпаетъ зерно, кажется. Или еще гдѣ-нибудь, только здѣсь ея нѣтъ“.

„Подумай, если она слышала насъ! Она могла

бы отправить насъ туда, куда свою хозяйку отправила. Янъ Карлсонъ, посмотри—“

Внезапный страхъ овладѣлъ обоими мужчинами. Они взяли фонарь и пошли къ лѣстницѣ, очевидно, желая подняться въ верхнее помѣщеніе и поискать Бриты. Я потихоньку отошелъ въ уголь и, къ счастью, не былъ замѣченъ. Они ушли наверхъ и оставили меня внизу въ темнотѣ.

„Такія адскія исторіи въ Швеціи не рѣдкость“ замѣтилъ я, стоя въ своемъ углу.

„Но тс!“ Они снова спускались по лѣстницѣ. Они опять направились съ фонаремъ къ мельничному барабану. „Хорошо, что дѣвушка уснула“, прошепталъ мельникъ.

„Эге, она, очевидно, устала, если могла уснуть среди такого шума. Еще бы, во время жатвы хлопотъ по горло, а въ Висинге она не лѣнилась; все, что она дѣлаетъ въ домѣ, по ея расчетамъ осенью должно достаться ей—но это еще бабушка на-двое сказала—“

„Развяжика-ка вонъ тотъ узелъ, Янъ. Ты увѣренъ, что это мѣшокъ Матса?“

„Разумѣется. Развѣ мы не видѣли, что Брита расположилась спать на немолотыхъ мѣшкахъ, для охраны, конечно. Они лежатъ тамъ, на самомъ верху, у дыры, которой вы еще не задѣлали, господинъ; у самага отверстія, гдѣ прохо-

дить большое водяное колесо. Какъ только она не скатится,—она спитъ столь же крѣпко, какъ въ воскресеніе въ церкви въ Тэбю,—ну, бѣда была бы не велика—чортъ бы ее побралъ, убійцу,—еслибъ она она попала въ колесо и ее изорвало бы въ куски. Кто виноватъ, что она легла какъ разъ тамъ? Вѣдь можно спать и на другихъ подушкахъ, кромѣ биткомъ набитыхъ мѣшковъ Матса, ха-ха—я не сталъ бы плакать, еслибъ такъ и вышло—вѣдь Брита лишилась бы жизни всего-то на полгода раньше,—по ней только тюрьма да палачъ и плакали бы, но взамѣнъ къ нимъ пожалуетъ Матсъ—а это же все равно“.

„Но разъ она лежитъ наверху на мѣшкахъ, Янъ, то какъ же здѣсь можетъ оказаться мѣшокъ Матса?“

„Чортъ возьми; она же лежитъ на не-моло-тыхъ, говорю. А послѣдній засыпанный мѣшокъ, который теперь въ жерновахъ, былъ тоже Матса, и теперь сыплется его мука—и пустой мѣшокъ, который вы, господинъ, держите въ рукахъ,—порожній мѣшокъ Матса, и его-то зерно и мелется. Хотѣлъ бы я знать, зачѣмъ Матсъ послалъ на мельницу задолго до осени четыре мѣры только что вымолоченнаго зерна, вѣдь онъ долженъ былъ продать ихъ для уплаты податей; если онъ этого не сдѣлаетъ, господинъ, то съ него взыщутъ судомъ,—потому-то онъ такъ дорожить

этимъ зерномъ—и что за бѣда, если мы поубавимъ его, тѣмъ ему труднѣе будетъ съ платежомъ“. И еще о многомъ перешептывались они, но я уже не помню.

Я принялъ быстрое рѣшеніе. Мнѣ представилось, что она именно теперь рискуетъ жизнью изъ-за этихъ мѣшковъ, на которые она легла, чтобы, уснувъ отъ усталости, охранять ихъ отъ воровъ. Проворно и тихо, я пробрался вдоль стѣны къ лѣстницѣ. Оба вора теперь оставили фонарь въ сторону, встали на колѣни и наполнили мукою—не знаю, который мѣшокъ—я же и лѣстница остались въ темнотѣ. Грохотъ вращающихся жернововъ наверху былъ еще сильнѣе, и я не боялся, что они услышатъ мои шаги. Но здѣсь была непроглядная тьма? Какъ мнѣ было найти дорогу—

И хотя бы я и отыскалъ мѣсто, гдѣ она лежала, отъ моего появленія или малѣйшаго неосторожнаго движенія она могла бы скатиться съ круглыхъ мѣшковъ—

Я прислушивался къ большому водяному колесу, чтобы по его плеску опредѣлить, куда мнѣ направить свои шаги. Я ступалъ осторожно.

Особенную живописность придавало этому шествію то обстоятельство, что, какъ часто бываетъ въ двухъэтажныхъ мельницахъ, полъ здѣсь разохся и далъ трещины, такъ что длинныя по-

лосы свѣта отъ фонаря внизу проходили черезъ полъ и дѣлали все остальное кругомъ вдвойнѣ темнѣе. Темнота была пронизана длинными, узкими кровавокрасными полосами.

Между тѣмъ я рѣшительно, но осторожно пробирался впередъ. Я такъ близко подошелъ къ отверстію, что отчетливо слышалъ, какъ гигантское колесо своими огромными подпорками бросало внизъ массы воды совсѣмъ рядомъ со мною. Такого отверстія между верхнимъ отдѣленіемъ мельницы и самымъ колесомъ вообще-то не бываетъ; но здѣсь тонкая дощатая стѣна, повидимому, была пробита и не задѣлана. Подъ ногами, стропила дрожали отъ чудовищной работы и стука, производимаго внутреннимъ механизмомъ мельницы и меньшими колесами; точно меня самого захватило зубцами и немилосердно разрываетъ на куски.

Вдругъ я подскочилъ и остановился. Фонарь внизу былъ переставленъ и повернутъ такъ, что бросалъ свѣтъ иначе. Тутъ же подлѣ меня, скоро показалась болѣе широкая щель, чѣмъ между другими досками, по которымъ я шелъ раньше, и въ эту щель проникала болѣе широкая полоса свѣта. Она освѣтила, хотя лишь отчасти и наполовину, группу: три мѣшка и спящую надъ ними дѣвушку. Такъ неосторожно, такъ беззаботно она расположилась здѣсь. Неужели убійца можетъ

уснуть въ такомъ своеобразномъ положеніи, можетъ быть такъ забывчивъ — такъ неопытенъ — да еще лежать такъ граціозно—?

Движеніе мельницы заставило дрожать даже ложе Бриты, нѣсколько холодныхъ капель воды брызнуло въ нее и упало даже на мое лицо. Все ея тѣло тряслось и мнѣ показалось, что сама эта однообразная тряска, вмѣстѣ съ непрерывнымъ монотоннымъ гуломъ, способна была глубоко усыпить человѣка, разъ онъ уже впалъ въ дремоту. Вѣки у нея были закрыты, но блѣдны.

Будить ее было страшно. Отъ малѣйшаго ложнаго движенія, отъ изумленія при видѣ меня, проснувшись, она въ тотъ же мигъ могла бы скатиться внизъ, стать добычею подпорокъ большаго колеса. Я искалъ ея маленькаго шейнаго платка, но его не было. Тихонько и осторожно я взялъ ее, какъ она лежала, поднялъ ее и перенесъ въ болѣе безопасное мѣсто. Я уложилъ ее на широкую деревянную надстройку, подъ которымъ находятся жернова, Адамъ, и воронка для зерна. Тамъ было совершенно темно, и я не могъ видѣть, проснулась ли она. Они снова повернули фонарь, и свѣтъ исчезъ.

Очевидно, она крайне устала, по крайней мѣрѣ она такъ глубоко спала, что не владела своимъ тѣломъ. Ея голова, какъ мертвая, упала на мою руку или вѣрнѣе на мою грудь. Теперь я могъ

бы безъ труда и всякой опасности разбудить ее, но мнѣ пришло въ голову другое, о чемъ рѣчь ниже.

Я усѣлся на срубъ самъ, чувствовалъ на своей рукѣ ея теплое легкое дыханіе, на другой же рукѣ лежали ея волосы. Ея лица я не могъ видѣть, даже въ воспоминаніи: вся остальная фигура ея лежала тоже въ такой темнотѣ, что я не зналъ, сидитъ она или лежитъ. Въ то же время она была совершенно неподвижна. Я теперь могъ бы предпринять что-нибудь смѣлое, что еще никому не приходило въ голову.

„На мои колѣни“—думалъ я—„склонилась преступница, и шепнувъ ей на ухо то или другое слово, я могъ бы испугать ее“. Я все бы отдалъ, лишь бы узнать имя ея покойной хозяйки, жены Матса.

Но я не зналъ этого имени; что же мнѣ было шепнуть вмѣсто него? Да, подумалъ я—приникъ къ ней ртомъ и—

„Благовѣщеніе!“ сказалъ я глухимъ голосомъ у самага ея уха.

Глубокій—глубокій вздохъ дрогнулъ въ ея груди при этомъ, вырвался изъ ея усть, и я почувствовалъ на своей рукѣ большую струю теплаго и въ высшей степени пріятнаго воздуха. Этотъ воздухъ готовъ былъ заморозить мою кровь. Что могъ означать этотъ вздохъ, этотъ неясный

отвѣтъ на мой шепотъ? Въ это время я почувствовалъ движеніе ея губъ, почившихъ на моей рукѣ. Она цѣловала мою руку.

Этотъ совершенно безсознательный для нея самой поцѣлуй произвелъ на меня странное впечатлѣніе: точно имъ она умоляла меня не думать о ней дурно.

Я убѣдился, что она продолжала спать. Но я сталъ напряженно прислушиваться; насколько позволялъ мельничныи грохотъ, казалось, я слышалъ, какъ она пробормотала нѣсколько особенныхъ, отрывистыхъ звуковъ. Можетъ быть, она обыкновенно разговариваетъ во снѣ? Я попытаюсь еще разъ произнести:

„Благовѣщеніе!

Какъ только я, рѣзко и отчетливо, сказалъ ей на ухо это слово, я услышалъ слѣдующее:

„Нѣтъ—нѣтъ—только не въ Благовѣщеніе—въ ту же ночь—въ два часа—два—“

„Что же?“ подумалъ я. „Должно же было случиться что нибудь? Нѣчто темное—гнусное—дьявольское—“

Вдругъ я почувствовалъ въ высшей степени пріятный запахъ ея дыханія. Должно быть, она лежала на спинѣ. Хотя миѣ не было видно ея, но было ясно, что она повернулась лицомъ вверхъ. Еслибъ она теперь начала говорить сквозь сонъ! При этомъ положеніи ея головы, я уже не могъ до-

стать ей ушей. Но я почти не зналъ, что мнѣ шептать ей дальше. Въ дыханіи здоровыхъ молодыхъ людей, въ особенности въ деревнѣ, есть нѣчто весеннее; это—благоуханіе, котораго почти не чувствуешь. Но насколько чувствуешь, Адамъ, какъ тебѣ извѣстно, оно очень пріятно.

За неимѣніемъ ушей я приникъ къ ея рту и сказалъ: „Матсъ! Матсъ!“.

При этомъ она вздрогнула, но не проснулась. Проклятая мельница! Грохоть помѣшалъ мнѣ слышать сказанное шепотомъ начало ея отвѣта, но что она заговорила, я точно замѣтилъ. Что-то совсѣмъ отрывистое и неясное.

Я нагнулся совсѣмъ внизъ. И, казалось, я разборчиво слышалъ слѣдующія, едва расчлененныя слова: „Бѣдняга—стой—Брунте—мой отецъ уже умеръ, бѣдняга—но хозяинъ похоронилъ его—такъ хорошо—хорошо, въ бѣлой рубашкѣ—прощай, отецъ—и мать—Матсъ хочеть—стой!—я хочу служить—онъ далъ такой дорогой саванъ—прощайте, отецъ и мать—спасибо вамъ—нѣтъ, нѣтъ—не надо, Матсъ—“.

Наступило молчаніе. Чтобы снова коснуться самаго чувствительнаго для ея совѣсти вопроса, дѣйствительно ли было совершено упомянутое преступленіе, я снова нагнулся къ ней и сказалъ очень отчетливо и громко:

„Матсъ!—Отравить! —Жену!“

При этомъ у нея не было замѣтно ни малѣйшаго трепета. Но можетъ быть она спала уже такимъ глубокимъ сномъ, что не слышала меня? Я повторилъ:

„Отравить—жену—“

„Нѣтъ — нѣтъ — хозяинъ — не надо — зачѣмъ эта травля — не хочу — вамъ жены — вы не должны — жениться — на мнѣ —“

На этомъ ея загадочный отвѣтъ оборвался. Я прислушивался, но теперь все было тихо.

Я нагнулся, чтобы снова заставить ее говорить и выдать себя какимъ-нибудь словомъ— Вдругъ мнѣ почудилось, что кто-то дважды громко стукнулъ совсѣмъ рядомъ со мною.

Прости меня, Адамъ, но я испугался. Неужели здѣсь въ темнотѣ былъ еще и кто-то третій? Звукъ былъ похожъ на стукъ тяжелыхъ грубыхъ башмаковъ, деревянныхъ. Башмаковъ дѣвушки? Я вспомнилъ, что народъ любитъ носить ихъ, какъ бы мала порою ни была нога. Я тотчасъ же вспомнилъ, что на ней днемъ вовсе не было обуви. Какъ же мнѣ было разрѣшить эту загадку? Мнѣ нужно было во что бы то ни стало знать, что или кто стучалъ, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли здѣсь свидѣтелей. Но я былъ далекъ отъ мысли будить ее. Выводъ изъ допроса и раскрытіе истины въ этомъ важномъ дѣлѣ зави-

сѣли отъ того, нельзя ли вызвать ее, спящую, на откровенность и заставить ее сказать то, чего она боится на яву: она по крайней мѣрѣ испугалась бы меня — совершенно неизвѣстнаго человека —, о которомъ она не знала ничего. И такъ какъ мнѣ нужно было знать, обута ли она, а будить ее я не рѣшался, то мнѣ ничего не оставалось, какъ добиться нужнаго мнѣ объясненія самому.

Наконецъ, обшаривъ ее въ темнотѣ, я убѣдился, что на ней не было многоаго, не только башмаковъ — Но что же тогда стучало?

Не успѣлъ я подумать это, какъ снова дважды стукнуло, и, какъ мнѣ показалось, на полу, еще ближе къ намъ. Сердце у меня дрогнуло — передъ глазами забѣгали искры — ужъ не фурия ли незримая была по сосѣдству съ нами? Передъ нами, надъ нами, сзади насъ? Я быстро и крѣпко, для защиты, прижалъ ее къ себѣ, точно кто-то стоялъ рядомъ и готовъ былъ сбросить ее въ бездну.

Дѣвушка застонала сквозь сонъ: „Прочь — прочь, прочь, Матсъ — хозяинъ — только не въ Благовѣщеніе — я все же буду вѣрна —“

Ужъ не самъ ли Матсъ невидимымъ образомъ очутился здѣсь и стучалъ? Я старался смѣяться этой моей нелѣпой мысли.

Вдругъ во мнѣ проснулась древняя шведская храбрость; я не хуже другихъ, и рѣшилъ, въ

знакъ негодованія, стучать самому. Что я и сдѣлалъ, дважды хорошенько стукнулъ о полъ подъ моими ногами, пристально смотрѣлъ передъ собою въ темноту и сказала: „Стыдись“! Не знаю, кто принялъ это на свой счетъ, но кто-то шмыгнулъ, въ однихъ носкахъ — въ уголъ мельницы, гдѣ работало большое водяное колесо; кто - то направился къ мѣшкамъ, откуда я снялъ раньше милую Бриту,—и тотчасъ же,—если только мельничный грохотъ не оглушилъ меня,—мнѣ почудилось, что нѣчто съ тяжелымъ и чудовищнымъ стукомъ свалилось подъ колесо и шумъ падающей воды удвоился. Теперь наступило долгое молчаніе, и на мельницѣ стало совершенно тихо.

„Ха, ха, ха, ха!“ спустя нѣкоторое время донеслось до меня черезъ отверстіе лѣстницы снизу, гдѣ орудовало двое воровъ. Надъ чѣмъ они такъ раскатисто смѣялись, я не зналъ: можетъ быть они нашли наконецъ самый вѣрный способъ для привлеченія обвиняемыхъ къ суду. Что они говорили, несмотря на все мое вниманіе, я не могъ слышать. Дѣвушка должно быть въ это время видѣла дурной сонъ; она вздрагивала и трепетала и изо всѣхъ силъ обвивалась вокругъ меня своими руками. Конечно, во снѣ она думала, что она такъ крѣпко, такъ плотно прикидается къ своему отцу или къ своей матери, какъ къ своей единственной защитѣ.

Я самъ съ трудомъ дышалъ, не могъ шевельнуть ни руками, ни ногами, такъ крѣпко она обхватила меня. Жалобныя слова безъ значенія—кошмаръ—

Но я долженъ освободиться, во что бы то ни стало. Я вскочилъ и съ большимъ трудомъ вырвался. Ея продолжительный сонъ начиналъ казаться мнѣ неестественнымъ, по меньшей мѣрѣ чрезвычайно страннымъ. Неужели она не могла проснуться, когда я съ такою силой разжималъ ея руки? Все это не совсѣмъ просто. Но мнѣ было некогда разбираться въ этомъ. Прежде всего необходимо было разстроить планы бездѣльниковъ. Нужно было спасти ее отъ суда. Я твердо порѣшилъ на этомъ.

Нельзя ли мнѣ испугать негодяевъ?

Я оставилъ мою незнакомку на мѣстѣ. Но не успѣлъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ наступилъ на что-то на полу. Я поднялъ; оказалась юбка.

Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что, обративъ въ бѣгство неизвѣстное существо, я могу попытаться сдѣлать то же самое съ мельникомъ и его пріятелемъ. Мошенники всегда трусы. Смѣйся же, дорогой Адамъ, надъ тѣмъ, что послѣдовало.

Я надѣлъ подобранную юбку на голову такимъ образомъ, что завязалъ ее на макушкѣ, и у меня долженъ былъ получиться видъ долговя-

зой женщины безъ головы. При чемъ моимъ глазамъ стало нѣсколько темнѣе прежняго. Я направился къ лѣстницѣ, взялся за перила, сдѣлалъ четыре, пять тяжелыхъ шаговъ внизъ и крикнулъ:

„Воры“!

Съ двойнымъ крикомъ охъ! и чортъ! мельникъ и Янъ Карлсонъ, отскочили отъ мѣшка, откуда они крали муку.

„Моя покойная сестра!“—воскликнулъ Янъ.— „Видитъ Богъ—я узнаю синюю юбку, которую Брита получила въ наслѣдство отъ тебя.—Что тебѣ нужно? Ты все такая же безобразно-долговязая, какъ всегда, и безъ головы!“

„Оставьте мою муку и не смущайте вашимъ лукавствомъ моего покоя въ гробу“,—сказалъ я.

„Янъ, тутъ что-нибудь не такъ“, шепнулъ мельникъ. „Что-нибудь неладно. Соберись съ духомъ, дахвати по уху—вотъ мои клещи“.

Отъ этого зависитъ побѣда и, пожалуй, жизнь, подумалъ я.—„Что, мошенники?“—закричалъ я— „вы думаете, я не знаю вашихъ гнусныхъ замысловъ? Вы замышляете несправедливый судъ? Развѣ ты, злой мельникъ, не собираешься лже-свидѣтельствовать? А ты, братъ, не думаешь довести моего живущаго мужа до висѣлицы и получить усадьбу въ качествѣ опекуна моей маленькой дочери и Матса! Послушай! Развѣ я не

знаю, что ты незаконно и безо всякаго основанія удерживаешь у себя Буланаго? Что тебѣ до моей смерти и какъ я разсталась съ жизнью? Негодяй, я умерла на своемъ собственномъ ложѣ, и довольно съ тебя. Становись сейчасъ же на колѣни, и клянись своимъ спасеніемъ, что ни пальцемъ не шевельнешь въ этомъ безбожномъ искѣ, иначе я прежде всего натравлю на тебя Буланаго, и онъ убьетъ тебя копытомъ, когда ты вернешься домой, а потомъ я въ эту же ночь пойду въ земскую канцелярію, явлюсь черезъ запертую дверь къ самому предсѣдателю и прикажу ему сейчасъ же послать за тобой полицію и арестовать тебя за твое лукавство; а самъ г. судья понимаетъ призывъ духа и, какъ вѣрно то, что я твоя сестра, онъ научить тебя держать языкъ за зубами, братъ Янъ Карлсонъ!“

Это произвело впечатлѣніе, и, очевидно, совѣсть зазрѣла мошенниковъ. Въ отверстіе платья ко мнѣ проникало немного свѣта и я могъ видѣть происходившее. Блѣдный и заикаясь, Янъ Карлсонъ опустилсѣ на полъ.

Желая поссорить враждебную сторону, я продолжалъ:— „Какъ могъ ты, дорогой братъ, поступить столь дурно, что хотѣлъ обмануть честнаго мельника, г. Оттергрена изъ Шельнуры? Развѣ ты не сказалъ ему, что хочешь дать ему муки изъ мѣшка Матса изъ Висинге? А это —

ложь. Я знаю, что Брита выѣхала сюда изъ Висинге только съ четырьмя мѣшками; и они лежатъ еще, полнехонькіе и въ цѣлости, на чердакѣ. А мѣшокъ съ рожью, которая теперь засыпана и мелется, и изъ которой ты крадешь муку,—признайся сейчасъ же, чей это мѣшокъ—“

Самъ я не хотѣлъ говорить, чей былъ мѣшокъ, потому что не зналъ. Мой планъ отлично удался. Я замѣтилъ, что на мои слова Янъ Карлсонъ перемѣнился въ лицѣ, подался сначала въ одну, потомъ въ другую сторону; запинался, и бормоталъ, и велъ себя, какъ пойманный на горячемъ преступленіи мошенникъ.

„Что же это значитъ?—Этакая сволочь!“—зарычалъ мельникъ и полуиспуганно и косо посмотрѣлъ въ сторону привидѣнія (меня), но, очевидно, онъ лучше осмотрѣлся, потому что принялъ сторону привидѣнія. — „Этакая сволочь“—продолжалъ онъ, подбоченясь обѣими руками, и близко подошелъ къ Яну Карлсону.—„Никакъ ты вздумалъ водить меня за носъ? Это же мѣшокъ не Матса, это,—дай-ка посмотрю—да проститъ меня Богъ!—Мой собственный!—Мой собственный!—И ты хотѣлъ подкупить меня на ложное свидѣтельство, задобрить меня, нанять, моей собственной рожью, чортъ тебя дери! Неужели я былъ такъ пьянъ“?

„Господи—Боже мой!“ — закричалъ крестья-

нинъ, когда широкоплечій мельникъ налетѣлъ на него и надавалъ ему, ужъ и не знаю, сколько тумаконъ. И Янъ Карлсонъ ожилъ. Онъ былъ очень худъ, какъ всѣ крестьяне на крошечныхъ усадьбахъ, но жилы у него были въ хорошемъ состояніи, потому что онъ встрѣтилъ мельника, какъ мужчина, и тотъ чуть было не грохнулся о перегородку. Много проклятій раздалось теперь, которыя, сливаясь съ глухимъ шумомъ самой мельницы, образовали героическую симфонію. Судя по всему, предстояла жаркая схватка. Первымъ слѣдствіемъ ихъ подвиговъ было то, что фонарь опрокинулся, и вся мельница, какъ въ нижнемъ, такъ и въ верхнемъ отдѣленіи, погрузилась въ полную темноту. Оба борца придвигались все ближе къ выходу — Я полагаю, что имъ нуженъ былъ слабый свѣтъ вечерняго неба, чтобы видѣть лица другъ друга и попадать кулакомъ. И при этомъ было сказано столько словъ, что уже нечего было бояться суда въ Энстѣ или вышеупомянутой жалобы. „Я отлично знаю, какая ты хитрая сволочь“, — сказалъ мельникъ своему бывшему другу, теперь противнику. — „И какъ умерла твоя сестра, самъ чортъ вѣдаетъ; и самъ ты ничуть не горюешь объ этомъ. Тебѣ нужно только добраться до Матса, чертова отродья, но если ты потянешь его въ судъ, то, клянусь, я буду его защитникомъ, а ежели ты сейчасъ же не ото-

шлешь ему Буланого, то я раскрою всѣ твои адскія продѣлки“.

„Мои продѣлки не хуже вашихъ!“ закричалъ Янъ Карлсонъ; „и на судѣ я могу пересчитать все, что вы украли, сверхъ помола, господинъ! А моя сестра могла умереть, какъ ей угодно—Господь съ ней—но тише, господинъ, она же осталась на лѣстницѣ—или гдѣ?“

„Эхъ, ты, трусь, получай вотъ это, станешь храбрѣ“, сказалъ мельникъ.

Дѣйствительно, Янъ Карлсонъ получилъ пощечину, которая придала ему храбрости. Потому что, совершенно забывъ про свою сестру (меня) на лѣстницѣ, онъ, какъ тигръ, бросился на мельника, причемъ они оба, спотыкаясь, въ бѣшенствѣ выбрались въ мельничную дверь, и я, внутри, слышалъ часть дальнѣйшаго, и въ томъ числѣ слѣдующія отрывочныя слова: „Матса-то я раздавлю, я его искрошу, какъ васъ, господинъ—Матсъ, Матсъ, Матсъ! И я могу положить ему въ рубашку то же, что было положено въ ея рубашку“.—Затѣмъ они исчезли и я больше ничего не слышалъ.

Внутри мельницы стало совершенно тихо. Первое, что я сдѣлалъ, снялъ таинственную одежду съ головы; но при этомъ я не могъ упустить изъ виду замѣчаніе, что, по утверженію Яна Карлсона, она принадлежала покойницѣ и теперь

перешла къ Бритѣ. Я взялъ юбку на руку и сталъ подниматься по лѣстницѣ, чтобы возвратить ей то, что ей очень важно было получить обратно. Незъяснимое ощущеніе! Когда я поднялся наверхъ—хотя я принялъ всѣ мѣры предосторожности—казалось, что все завертѣлось передъ моими глазами. Я замѣтилъ это не по предметамъ, потому что ихъ не было видно; но я почувствовалъ какъ бы головокруженіе. Я приписывалъ это тому, что нѣкоторое время моя голова была завернута, но — все равно, разсуждать не приходилось. Придя въ себя, я почувствовалъ, что стою на полу въ верхнемъ отдѣленіи, и сталъ прислушиваться, не проснулась ли она. Но нѣтъ. Долгій сонъ! Точно она приняла опія, или по меньшей мѣрѣ была усыплена сосѣдствомъ наркотическихъ средствъ. Я пошелъ впередъ, наугадъ, къ мѣсту, гдѣ я оставилъ ее. Но я почувствовалъ себя такъ странно, точно я самъ подпалъ подъ вліяніе чего-то наркотическаго. Это не можетъ зависѣть отъ зрѣлища большой драки,—думалъ я, овладѣлъ собою и довольно бодро пошелъ впередъ. Скоро я пришелъ, куда нужно, и положилъ платье. Я запутался во что-то, вздрогнулъ и быстро отступилъ назадъ; опять наткнулся и снова отступилъ. Улыбаясь, снова быстро пошелъ назадъ. Я многое отдалъ бы, лишь бы остановить мельницу и угадать, куда итти. Но

мнѣ становилось все труднѣе и труднѣе отойти отъ нея. Мое головокруженіе возрастало, я былъ изумленъ. Я началъ бояться, какъ бы со мною не случилось того же, что съ бѣдною дѣвушкой. Вдругъ, какъ молнія, что-то осѣнило мои граничившіе съ бредомъ мысли—мнѣ вспомнилось нѣсколько отрывочныхъ словъ, сказанныхъ Яномъ Карлсономъ, когда онъ уже вышелъ на мельничный дворъ. Подумай, представилось мнѣ—не было ли положено, зашито, въ это странное одѣяніе чего-нибудь усыпляющаго, снотворнаго? Если правда, что хозяйка Бриты сначала заснула, а потомъ умерла отъ дѣйствія чего-то зашитаго въ ея платье, то жизни Бриты грозить та же опасность? Она же могла и раньше носить это платье, не испытавъ его опасности, потому что, можетъ быть, она никогда не засыпала такъ глубоко, какъ теперь, и стало быть не подвергалась его дѣйствию такъ сильно или такъ продолжительно, что оно могло бы убить. Но теперь? Было необходимо во что бы то ни стало разбудить спящую; пускай потомъ она думаетъ обо мнѣ, что хочетъ. Но чтобы попытка увѣнчалась успѣхомъ, нужно было сперва удалить фатальное одѣяніе; потому что оно, безъ сомнѣнія, только увеличивало глубокую летаргію, въ которую впала дѣвушка. Въ одинъ мигъ я поднялъ юбку и бросилъ ее далеко въ сторону—куда упала проклятая вещь, я не могъ видѣть.

Я схватилъ милостивое лицо спящей и сталъ будить ее; мнѣ ея не было видно. Когда я поднялъ ее, то голова свалилась мнѣ на руку, точно ея шея утратила всякую силу. Я зналъ, что примѣсь опія усыпляла очень пріятнымъ сномъ. Какъ странно было для меня представленіе, что она, ослѣпленная сномъ, теперь уже не робкая, съ ея тонкой гибкостью въ тѣлѣ, которую я замѣтилъ въ ней еще въ лѣсу, очутилась передъ незнакомымъ! Мнѣ представилось чрезвычайно трогательнымъ, что это неимовѣрно чуткое существо безпомощно лишено силы своихъ собственныхъ нервовъ, разъ она не могла убѣжать—далеко—далеко—

Какъ мнѣ слѣдовало разбудить ее? Обычное, хотя нѣсколько неблагородное, — трепать за волосы,—было бы самое естественное; но это дѣлало больно. Все таки я попробовалъ. Я взялъ ее за длинные, рассыпавшіеся волосы и дернулъ—хотя совсѣмъ слегка. Это не оказало никакого дѣйствія. Теперь я старался отыскать въ темнотѣ ея брови и подъ ними вѣки. Я хотѣлъ бережно приподнять ихъ въ надеждѣ, что открытые глаза должны сколько нибудь способствовать пробужденію. Видишь самъ, какой я плохой анатомъ, братъ Адамъ. Между тѣмъ я поступилъ, какъ подсказывало мнѣ мое воображеніе. Нѣжнѣйшимъ движеніемъ пальцевъ я водилъ по лицу и коснулся рѣсницы на одномъ изъ глазъ. Я очень тихо по-

тянулъ ее вверхъ. Она не просыпалась; но—было ли то одно воображеніе, или нѣтъ—мнѣ показалось, что вижу быстро исчезающую свѣтлую точку прямо передъ собой. Блескъ былъ нѣжный, слабый, похожій на мерцаніе звѣзды въ самыхъ далекихъ небесахъ, и я не знаю, возникъ ли онъ въ глазу; весьма обыкновенное дѣло, что люди, пристально, какъ я, смотрящіе въ темноту, скоро начинаютъ видѣть искры, которыя суть не что иное, какъ оптическая игра въ ихъ собственныхъ глазахъ. Нѣсколько испугавшись—если уже признаваться во всемъ—я снова опустилъ вѣко. Теперь я указательнымъ пальцемъ искалъ на лбу дороги къ другому глазу. И его вѣко я открылъ тихо и бережно. Но при этомъ не было замѣтно никакого сіянія въ темномъ строеніи. Какъ же мнѣ разбудить ее? Она была положительно заколдована. Тогда я позволилъ себѣ одну вещь, которую ты долженъ простить мнѣ, братъ Адамъ. Я поцѣловалъ ее въ глазъ, въ дѣтской надеждѣ, что это какъ-нибудь поможетъ ей проснуться. Ничуть не бывало. Нужны болѣе сильныя средства.

Но я долженъ былъ — Я схватилъ и сталъ трясти, и весьма сильно, ея милое тѣло. Безъ послѣдствій. Боже милосердый! Чѣмъ же это кончится? Сначала мнѣ пришло въ голову просто назвать ее громко по имени,—самое обыкновенное

и дѣйствительное средство разбудить уснувшего. „Брита, проснись!“ сказалъ я. Неожиданно и крайне быстро, она обхватила меня обѣими руками и воскликнула: „Матсъ! Матсъ! Ради Бога! Не здѣсь! Я не хочу!—Ахъ, ахъ!“

„Матса здѣсь нѣтъ—Брита!“ отвѣтилъ я. Но ея голова откинулась на спину и я заключилъ, что она кричала во снѣ. Непонятно упорное состояніе—смѣшное—Нужно кончить! Не вынуть ли мнѣ ножъ и не оцарапать ли ей руку?—Если мнѣ даже придется ранить ее, то это все же лучше, чѣмъ оставить это продолжаться до смерти. Къ несчастію, я замѣтилъ, что мои руки были въ плѣну и я ничего не могъ сдѣлать. Она конвульсивно обхватила меня. Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ—мнѣ не хотѣлось бы говорить тебѣ, Адамъ—укусить ее куда-нибудь; потому что, кромѣ рта, въ моемъ распоряженіи не было больше ничего. Право, это было жестоко, но было крайне необходимо. Я наклонилъ голову къ ея лицу; я ничего не видѣлъ, но что-нибудь должно было попасться моимъ зубамъ. Если у нея окажется даже маленькая рана, то все же лучше—Не бѣда! Я провелъ ртомъ внизъ и поймалъ губами нѣчто, похожее на шпильку. Кусать ее не стоило. Я искалъ чего-нибудь другого. Совсѣмъ близко, я слышалъ сильное и частое бѣненіе. Кусать сюда было невозможно. Я искалъ дальше, и — Богъ

знаеть, благодаря какой случайности, въ этотъ самый мигъ она выпустила меня изъ рукъ и, такъ какъ я не держалъ ея, она упала на полъ. Можетъ быть это послѣднй часъ ея—она лежитъ тамъ, умираеть? Немыслимо было, Адамъ, оставить ее такъ. Я нагнулся. Я самъ всталъ на колѣни. Когда я протянулъ руки, я наткнулся—признаться—я не скажу, на что—Мнѣ показалось это круглымъ, но твердымъ, и какъ бы зашитымъ въ платье. Находка — безошибочно! Я вынулъ изъ кармана мой ножъ. У меня хватило смѣлости сунуться съ ножемъ въ темнотѣ туда, гдѣ я держалъ что-то. Адамъ! Я нашелъ подушечку, прикрѣпленную или пришитую къ чему-то. Не теряя ни мгновенія, я отпоролъ ее, всталъ и держалъ въ рукѣ подушечку, издававшую запахъ мускуса и пернамбука, и мнѣ представилось, что она-то и была главной причиной или—по меньшей мѣрѣ вмѣстѣ съ платьемъ—въ высшей степени дѣятельнымъ основанiемъ этой непонятной дремоты. Правъ я былъ или нѣтъ—еще бы нѣтъ—я швырнулъ эту адскую вещь далеко, въ тотъ уголъ комнаты, гдѣ пуще всего шумѣло колесо. Тикъ, такъ, тикъ, такъ,—отозвалась она у стѣны, когда я бросилъ ее туда—Вскорѣ послѣ этого она скатилась въ отверстiе, гдѣ вертѣлось большое водяное колесо и шлепъ, шлепъ, шлепъ!—послышалось въ водопадѣ.

„Теперь дѣвушка, конечно, совершенно освободилась отъ усыпленія“, надѣялся я—нагнулся случайно нашель ея руку и поднялъ ее. Кто можетъ опредѣлить мое чувство, когда въ то же самое мгновеніе въ темнотѣ раздался передо мною звукъ, точно она получила очень сильный ударъ по щекѣ? „Ай!“ вскрикнула Брита—выпрямилась, и я опредѣленно замѣтилъ, что она могла стоять сама. „Ты проснулась?“ воскликнулъ я.

„Господи! Гдѣ я?“ сказала она голосомъ, выдававшимъ крайнее изумленіе и страхъ. Она быстро высвободила руку, и хотя мнѣ ничего не было видно, я чувствовалъ, что передо мною стояло существо, дрожавшее всѣмъ своимъ тѣломъ.

„Господи! Гдѣ же я?“ услышалъ я новый возгласъ.

Я дѣйствительно растерялся. Выдай я малѣйшимъ шорохомъ свое присутствіе, я подвергался опасности, какъ совершенно незнакомый, окончательно испугать ее. Еслибъ она могла притти въ себя — еслибъ она могла сойти съ мѣста, совсѣмъ не замѣтивъ меня или не зная, что я былъ здѣсь, я избавилъ бы ее отъ большого смущенія. Будь, что будетъ, я рѣшилъ вести себя какъ можно тише, не двигаясь.

Я слышалъ, какъ дѣвушка легкими, но безпкойными шагами, круто поворачивая, ходила то сюда, то туда.

Между тѣмъ ей было не легко разыскать всѣ свои вещи. Нѣсколько глубокихъ вздоховъ вырвалось у нея, пока она бродила по полу, но въ началѣ она сказала только слѣдующее: „Это же чудовищно—вотъ такъ человѣкъ!—Ухъ!“—Страшнѣе всего было то, что въ темнотѣ она могла приблизиться къ колесу и свалиться; но я слышалъ, что она бродила вокругъ одного сруба. „Ахъ!“ сказала она вдругъ и съ выраженіемъ начинающейся радости въ голосѣ—„очень мило съ вашей стороны!“—При этомъ, гдѣ-то въ воздухѣ, мнѣ послышался легкій шорохъ, и я понялъ, что наконецъ она нашла свой платокъ, надѣла его на голову и приводила въ порядокъ свои длинные волосы. Потомъ я услышалъ, какъ она усѣлась возлѣ воронки.

„Боже мой!“ шутя, заговорила она, „гдѣ же это моя — ахъ, ея нѣтъ! — Гдѣ же? Премилая исторія! Что? Тс—Судя по грохоту, я теперь въ Шельнурѣ? Этакія дѣла — Господи! Никакъ я опять спала? Ну, конечно“.

Молчаніе.

„Вотъ уже четвертый разъ со смерти хозяйки, и почему это бываетъ со мною всегда, когда я не дома? Господи—но гдѣ же—“

Молчаніе.

„Четвертый разъ?“ подумалъ я про себя— и стоялъ, какъ на иголкахъ.

„Да, забавно. Должна сказать; и если я не брошу служить у Матса, и какъ можно скорѣе— Я пойду къ моей сестрѣ въ Мичеле. Что мнѣ за удовольствіе отъ этого платья, которое я получила и въ которое рядилась? То же было и въ Ивановъ день, когда я плясала въ хороводѣ въ Альбю — уснула — то же было и въ Эрсмессѣ. Очень мило. А въ церкви въ Тэбю? Въ третій разъ; какой стыдъ. Точно я такая ужъ соня? А теперь вотъ въ четвертый разъ. Нѣтъ, покорнѣйше благодаримъ — надо покончить съ этимъ; самое правильное. Нѣтъ—странное дѣло—стану я сидѣть здѣсь и слушать, какъ мелютъ рожь—ну нѣтъ. Спать-то можно и безъ—но—нѣтъ, нѣтъ—“

„Теперь ключъ у меня“, думалъ я,—„эта расторопная дѣвушка жалуется про себя на то, что она нѣсколько разъ впадала въ эту странную летаргію и въ то же время носила платье своей хозяйки; теперь остается только узнать—“ Но мои разсужденія были прерваны двумя громкими ударами о полъ, совершенно похожими на зѣвки, которые мнѣ почудились раньше.

Топъ, топъ!

„Лежите тамъ, вы, отвратительные толстые лапти.—Зачѣмъ только я взяла васъ съ собой на мельницу? Вы отлично могли оставаться дома. Разъ я шла босикомъ всю дорогу, я могла обойтись безъ васъ и здѣсь. Вещи хозяина счастья

не приносятъ и еще менѣе—вещи хозяйки. Боже мой! Погодите же—“

Молчаніе.

„Никогда не слѣдуетъ носить платья покойниковъ—будь только у меня самой что-нибудь поцѣлѣе—неужели я не могу имѣть своей собственной тряпки! Но я уйду въ Мичеле, у меня будетъ платье, какъ у всѣхъ другихъ. Осенью я буду свободна и поселюсь на зиму у сестры въ Розовомъ Ключѣ, и буду ткать всю зиму, вотъ я и буду на рѣдкость одѣта къ веснѣ. Но гдѣ я возьму нитокъ? Да, если Матсъ не лжетъ, то осенью я получу отъ него мою шерсть, этого хватить—Я уже не стану вязать чупокъ зимою, потому что, если я буду жить у сестры и ткать, то на зиму мнѣ ничего не надо—Много пряжи получится—вотъ у меня и будетъ основа—только сѣрая и некрасивая. Мнѣ бы еще прибавить турецкаго краснаго, но это такъ дорого, что прямо мочи нѣтъ. Но я все-таки раздобуду себѣ—и синяго, индиго зовутъ—продамъ свое золотое кольцо—что мнѣ съ нимъ дѣлать?—вотъ и одѣнусь къ веснѣ. И тогда я пойду къ моей теткѣ въ Валлентупу-Грану, потому что крестьяне въ Гранѣ—настоящіе люди. И возьму себѣ мѣсто, тогда берегись—Господи, Боже мой, какъ здѣсь холодно—неужели я такъ и не найду—“

Молчаніе.

„Ага—вотъ какъ—“ быстро воскликнула она— „я слышу этого чорта Яна Карлсона на дворѣ— Пріѣхавъ въ Шельнуру, я не видѣла его—вотъ такъ хозяины! Вы увидите, что онъ былъ здѣсь наверху и укралъ мои вещи, когда меня одолѣлъ этотъ мерзкій сонъ—слышь, какъ мельникъ божится и ругается съ нимъ—чортъ—бы—ихъ— И пусть ихъ, одинъ другого стоятъ, хотя бы они сожрали другъ друга, я буду только смѣяться—этакій подлець! Но въ Тэбю всѣ такіе—нѣтъ, я отправляюсь къ теткѣ въ Валлентупу, тамъ хорошо, и тамъ—Матсъ пускай сватается, за кого хочетъ, мое дѣло сторона. Ха, ха, ха! Слышь, какъ они тамъ бранятся—тс—они говорятъ о Матсѣ въ Висинге, кажись?.. Тс—тс!—О чемъ они тамъ говорятъ? Кажется, о смерти хозяйки—да, еслибъ Янъ Карлсонъ вздумалъ по настоящему заговорить объ этомъ—“

Я замѣтилъ, что дѣвушка встала. Я слышалъ ея шаги то здѣсь, то тамъ; и совершенно неожиданно, и ничего не подозрѣвая, она подошла прямо ко мнѣ. „Господи—ухъ! Кто здѣсь?“ закричала она и съ крикомъ бросилась назадъ.

Ея глубокой испугъ былъ вполне простителенъ. Я рѣшилъ хранить молчаніе и стоять тихо, потому что я боялся, какъ бы незнакомый голосъ не испугалъ ее еще больше.

„Что же это значитъ?“ продолжала она, отры-

висто дыша—, конечно въ темнотѣ я наткнулась на колоду. Какъ бы мнѣ не попасть въ колесо, одна каша получится. Этакая картина!—Будь ты въ живыхъ, отецъ, ты бы заплакалъ, и мать не стала бы смѣяться, и — Но пасторъ Вальманъ правду говоритъ, Божьихъ дѣтокъ Божьи ангелы берегутъ — а дома у меня — одни домовые — Поди, и здѣсь на мельницѣ вѣдьма прячется — развѣ я не получила здоровую пощечину, но она-то и разбудила меня, слава Богу. Не думаю, чтобы я сама ударила себя во снѣ, хотя пасторъ Вальманъ и говорилъ, что, когда я уснула возлѣ церкви въ Тэбю, то до тѣхъ поръ не просыпалась, пока не стала бить себя своей собственной рукой. Право, здѣсь страшно“!

Молчаніе.

„И это несчастіе стало случаться со мной только послѣ смерти тетки Анны. Ахъ, хозяйка, что я тебѣ сдѣлала дурного? Дорогая Анна, моя Анна, развѣ ты не собственной смертью умерла, что бы тамъ ни болтали въ Висинге, только хозяинъ тутъ ровно ни при чемъ—но если что и было — какъ бы кто не подслушалъ — то тутъ скорѣе всего дѣло родного братца, Яна Карлсона, который зарился на усадьбу, насколько я могу судить—Но онъ ничего не получитъ сверхъ Буланаго, котораго, скверный человекъ, онъ не вернетъ никогда—А мать Анна, разумѣется, бродитъ при-

видѣніемъ здѣсь на мельницѣ, ужь это вѣрно—потому что я уже давно не знаю покоя—И холодно же! Лишь бы мнѣ выбраться отсюда! Но я не могу оставить хозяйскихъ мѣшковъ и моихъ собственныхъ вещей.

„Слушай, слушай!“ воскликнула она.—Но она слышала только меня, такъ какъ я началъ ходить по полу. Я рѣшилъ разыскать и бросить ей ея платье самому, потому что иного выхода изъ этого положенія не представлялось. Но я не говорилъ ни слова. Повозившись немного, я нашелъ, чего искалъ. Гдѣ была Брита, я слышалъ по ея частымъ испуганнымъ крикамъ на мои шаги. Я не хотѣлъ подходить къ ней, но—дурно ли это, хорошо ли, дорогой Адамъ,—бросалъ къ ней платье.

„О—уфъ—уфъ!“

По этому короткому отвѣту я заключилъ, что бросаемое долетало до нея.

Теперь я сталъ искать лѣстницы и тихо направился внизъ, чтобы выбраться наружу.

Я спустился внизъ и вышелъ на дворъ. Драка собрала здѣсь большую толпу народа. Многіе съ фонарями, другіе просто со свѣчками въ рукахъ. По ихъ залачканнымъ мукою спинамъ и краснымъ лицамъ я понималъ, что это—посѣтители мельницы, оставившіе на время мельницу, чтобы побыть въ обществѣ бутылки. Я увидѣлъ также

и нѣсколько трезвыхъ долгоязыхъ парней съ кожаными передниками до самаго подбородка; у нихъ были топоры и, повидимому, они явились съ какой-нибудь стройки въ этой мѣстности. Картина была въ высшей степени оживленная, пестрая, довольно грубая, иного и нельзя было ожидать—но не безъ интереса. Толстый, широкоплечій, низенькій мельникъ боролся съ долгоязымъ, жилистымъ, среднихъ лѣтъ, Яномъ Карлсонъ, и это составляло центръ всѣхъ взглядовъ и вниманія. Маленькая дряхлая старушонка или жена—если судить по чепчику съ развѣвающимися на вѣтру широкими краями у обоихъ ушей—стояла совсѣмъ близко у толпы, куда она хотѣла войти; у нея была самая толстая сальная свѣча въ рукахъ, и это была—если я не ошибаюсь—сама супруга мельничнаго князя. Она старалась стать поближе къ борцамъ, свѣтила имъ своей свѣчой и громко читала молитву: Господи, Владыко, помилуй и спаси насъ—и такъ до самаго аминь, не разъ принимаясь сначала, все время съ явнымъ и трогательнымъ намѣреніемъ подавить этимъ лютую радость драки. Ея слова, сказанныя пискливымъ и рѣзкимъ голосомъ, порою заглушались отборнѣйшей бранью съ обѣихъ сторонъ, на ряду съ неоднократными указаніями и замѣчаніями, которыя отъ поры до времени дѣлали стоявшіе кругомъ.

Воспользовавшись однимъ перерывомъ, мельникъ перевелъ духъ, оглянулся кругомъ и сказалъ: „Перъ изъ Граны, гдѣ ты? Кажется, ты только что прѣхалъ?—Высокій, красивый, молодой парень, самый опрятный на видъ, выступилъ впередъ. „Перъ“, продолжалъ мельникъ, „мы долго колодили другъ друга, но нельзя же совсѣмъ бросить мельницу—возьми свѣчу и фонарь и посмотри, не пора ли засыпать еще зерна, и посмотри муку, а то жернова, пожалуй, ходятъ порожнемъ и могутъ загорѣться въ концѣ концовъ. Все изъ-за этого мерзавца, проклятаго“, при чемъ онъ закатилъ зѣвающему Яну Карлсону самую рѣшительную оплеуху, о какихъ говорятъ въ Руслагенѣ. Само собой разумѣется, это не осталось безъ отвѣта.—Крики стали еще пуще и попытки окружающихъ вмѣшаться были всякій разъ безуспѣшны. Но я не интересовался ими. Я обратилъ свое вниманіе на Пера изъ Граны, который поразительнымъ образомъ отличался отъ всѣхъ остальныхъ. Въ высшей степени бойкой, почти важной походкой онъ пошелъ черезъ дворъ, взявъ фонарь и направился въ мельницу, чтобы исполнить желаніе мельника. Такое большое вниманіе я обратилъ на него потому, что, какъ я слышалъ, онъ былъ изъ тѣхъ мѣстъ, куда дѣвушка собиралась переселиться ближайшею весною. Направляясь къ мельничной двери, Перъ долженъ

быль пройти какъ разъ мимо меня. Онъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, и я самъ могъ при этомъ лучше разсмотрѣть его лицо. Я давно не видѣлъ лица, которое произвело бы на меня такое пріятное впечатлѣніе. Что такъ рѣдко сочетается, его наружность была и правильная и характерная. Я могъ бы, конечно, говорить объ его большихъ темныхъ глазахъ и необыкновенно пышныхъ волосахъ, но это же бываетъ у многихъ, а особеннаго значенія все-таки не получается. На что я обратилъ вниманіе и что у крестьянъ ближе къ Стокгольму встрѣчается рѣдко, это была его прямая и въ то же время непринужденная, пріятная походка. Въ этомъ его фигура очень напоминала движеніе дѣвушки, въ чьемъ обществѣ я провелъ нѣкоторое время въ лѣсу. „Ужъ не родня ли онъ ей?“ — подумалъ я сейчасъ же, — „разъ она такъ хочетъ отправиться въ Грану, а то онъ—пожалуй—“

На этомъ онъ самъ прервалъ меня, проходя мимо и такъ строго взглянувъ мнѣ въ лицо. Я остался въ дверяхъ. Онъ вошелъ въ мельницу. У него были свѣча и фонарь.

Онъ пошелъ вверхъ по лѣстницѣ. Было очевидно, что онъ застанетъ наверху Бриту. Я теперь вышелъ изъ воротъ, на самый дворъ, такъ какъ считалъ неприличнымъ подслушивать, что говорятъ между собой благородные люди.

Крики на мельничномъ дворѣ въ Шельнурѣ достигли высшей точки, и такъ какъ мѣсяць уже поднялся надъ лѣсомъ, свѣтъ свѣчей померкъ, и земля, платья, ноги, руки и лица, все облеклось въ голубоватый оттѣнокъ—въ однихъ случаяхъ красноватосиній — въ другихъ изжелта-голубой. Отъ удара кулака мельника въ самый носъ, у Яна Карисона хлынула кровь, которая темно-красной извилистой струей потекла на рукавъ его рубашки и при лунномъ свѣтѣ придавала ему живописный видъ. Никто изъ присутствовавшихъ не очень стоялъ за Яна Карлсона, пока изъ носу у него не потекла кровь. По многимъ предыдущимъ замѣчаніямъ я могъ судить, что Яна Карлсона въ сущности считали, если и не мошенникомъ, то все же дурнымъ человѣкомъ — и гораздо хуже его зятя Матса изъ Висинге, про котораго тоже говорилось разное.—Когда же показалась упомянутая кровь, то сейчасъ же появилась шведская симпатія къ праву и справедливости; и одинъ грубіянь, по имени Долговязый — Эрикъ изъ Уйольна, сказалъ: „Чортъ вселился въ васъ—это вамъ даромъ не пройдетъ—далеконько зашли, Янъ въ крови, и за безчинство васъ отдадутъ подъ судъ, и всѣхъ, кто здѣсь собрался; если вы не кончите, какъ я вамъ говорю—“ И потомъ, при этой его внушительной фигурѣ, онъ дважды прошелъ между врагами, но больше ихъ

не трогать. Это произвело известное впечатлѣніе. Всѣ рѣшили, что это законно и что драка не должна продолжаться.

Вдругъ во дворъ вкатилась телѣжка съ парой веселыхъ, легкихъ колесъ и нѣсколько тощей, рѣзвой лошадкой впереди. Приѣхавшій привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе, и его появленіе, пожалуй, больше всего способствовало прекращенію драки. Въ кучерѣ мельникъ узналъ своего посланнаго въ Стокгольмъ и теперь возвращавшагося батрака и тотчасъ же бросился къ нему разузнать о своихъ порученіяхъ и дѣлахъ на Сѣнномъ рынкѣ. Теперь я понялъ, почему ему пришлось послать смотрѣть за мельницей чужого, Пера изъ Граны.

Расхаживая въ сторонѣ, я не могъ слышать, какія новости привезъ батракъ изъ Стокгольма. Но, очевидно, онѣ вызвали общее любопытство, потому что вся толпа быстро и весело обступила телѣгу, и возницѣ нельзя было даже вылѣзть, и онѣ, сидя въ двуколкѣ, рассказывалъ о большихъ событіяхъ, которыя недавно произошли въ столицѣ.

Этихъ большихъ событій, конечно, было не мало. Онѣ были близъ тюрьмы и видѣлъ, какъ пресловутый * * * получилъ свои сорокъ паръ розогъ. Такъ какъ знаменитый мошенникъ незадолго до этого судился въ Рутебру, то жители Шельнуры и Тэбю случайно узнали о человѣкѣ,

игравшемъ столько ролей и наговорившемъ столько веселыхъ вещей председателю и членамъ суда.

Разсказчикъ „распространялся о движеніяхъ преступника подъ ударами розогъ и легко разбирался въ уловкахъ прохвоста.

„И каналья же экзекуторъ“,—сказаль мельничный батракъ,—„насколько я знаю законы и уложеніе, онъ долженъ ограничиться одной спиной и не больше. Но когда кожа сошла со спины, онъ сталъ бить поперекъ, такъ что тонкіе концы розогъ огибали поясницу и царапали животъ, потому, что передникъ былъ плохо застегнуть. А это, чортъ возьми, неправильно,—такимъ то путемъ ни одинъ порядочный человекъ не выдержитъ восьмидесяти ударовъ, не захворавъ— Я знаваль одного несчастнаго воришку въ прошломъ году, у котораго такъ-то выпала пара кишекъ—и это неправильно, потому что такъ не должно быть, а законъ одинаково писанъ какъ для воровъ, такъ и для прочаго люда,—и я, чортъ возьми, не люблю подобныхъ вещей“.

„А что онъ дѣлалъ самъ, отойдя отъ позорнаго столба?“—спросиль одинъ изъ присутствующихъ.

„Ахъ, онъ былъ въ прекрасномъ настроеніи, и сказаль рѣдкостную рѣчь народу“.

„Этакій удалой малый! Что же онъ сказаль народу?—Говори—слушайте, слушайте, друзья!“

„Да, онъ ловко говорилъ“, заявилъ батракъ въ двукolkъ и самодовольно пригладилъ хохоль за ухомъ. „Но это зависитъ отъ того, что онъ—“

„Ну—что же онъ сказалъ?—Онъ потребовалъ лѣкарствъ и снадобій для смазки спины, чтобы опять зажила?“

„Ну, нѣтъ“, возразилъ работникъ и замолчалъ. Но тутъ толпа вокругъ двуколки подошла еще ближе и всячески заставляла сидящаго рассказывать. Кашлянувъ, онъ сказалъ: „Да будетъ вамъ извѣстно, что онъ—большой мастеръ говорить, воръ-то, и когда палачъ отпустилъ его, онъ былъ на свободѣ. И вотъ окинулъ всѣхъ глазами и сказалъ: Развѣ я не получилъ свою порцію? Да, и подѣломъ, потому что я бралъ скарбъ у многихъ хорошихъ людей, и все тутъ. Вы торжественно пришли сюда оказать мнѣ честь, за что я всѣмъ вамъ благодаренъ; но, помните, по дорогѣ сюда вамъ попалось похоронное шествіе, отъ котораго вы отвернулись, и правильно, потому что тотъ, передъ которымъ вы посторонились, былъ гораздо болѣе великъ, чѣмъ когда-нибудь стану я. При жизни онъ былъ важный господинъ—не то ассистентъ, не то президентъ, не то референтъ (не помню, какъ выразился воръ); и вы всѣ видѣли, съ какимъ великолѣпіемъ провожали его во-свояси. Это было куда пышнѣе моего шествія сюда. Но онъ и натво-

рилъ гораздо больше моего—За весь мой вѣкъ я укралъ только половину всего, что онъ способенъ былъ взять въ четверть года. И поэтому я и не могъ получить больше сорока паръ, въ спину—нѣсколько лѣвъ не бѣда.—(при этомъ онъ вытеръ кровь ниже груди); но теперь этому важному господину предстоитъ получить добрыхъ четырехста сорокъ паръ, да еще по самой душѣ, которая куда чувствительнѣе къ тонкому и гибкому острію, чѣмъ какой-нибудь животъ—ха, ха, ха!“ Народъ на рынкѣ широко разинулъ рты во время этой рѣчи, но я видѣлъ по ихъ лицамъ, какъ имъ нравилось все, что онъ говорилъ, хотя они не могли одобрять, такъ какъ тутъ же была полиція. А потомъ я пошелъ по своимъ дѣламъ, и уѣхалъ домой; но и мнѣ понравилось, что говорилъ разбойникъ; вѣдь правда, что всѣ эти господа крадутъ да крадутъ — Это мнѣ лучше знать, потому что до моего перехода сюда я служилъ у мясника въ Лестмакаргрэндѣ, и онъ часто толковалъ со своимъ писцомъ про то, сколько загибаютъ эти большіе господа, я-то былъ въ сараѣ и рубилъ дрова, но я слышалъ все, что они говорили, и запомнилъ, хотя и дѣлалъ видъ, что колю сухія дрова“.

„Ты въ духѣ сегодня вечеромъ, Андерсъ, выльзай изъ двуколки да приходи въ избу, получишь чарку“, сказалъ мельникъ.

„Спасибо“, отвѣтилъ онъ, снялъ шляпу и сдѣлалъ видъ, будто вылѣзаетъ изъ двуколки. Но онъ снова сѣлъ, съ важнымъ лицомъ оглянулся кругомъ и сказалъ вполголоса: „А главнаго то вы и не знаете—Этого разбойника скоро буду судить здѣсь еще разъ“.

„Что! Что? Онъ опять укралъ?“

„Не знаю—но, прежде чѣмъ уйти съ площади, онъ сказалъ, что въ свое время будетъ судъ, и я услышу объ этомъ судѣ“.

„Господи, что же это? Поджогъ?“

„Громко онъ не сталъ говорить объ этомъ—онъ этого и раньше избѣгалъ, и я слышалъ не отъ него самого. Но тамъ они шептались, будто въ минуту откровенности онъ сказалъ, что нѣкоторое время онъ снова намѣренъ заняться старымъ ремесломъ и самому добывать себѣ пропитаніе, но какъ только онъ соскучится по крышѣ надъ головою и снова захочетъ ѣсть казенный хлѣбъ безъ личнаго труда, то у него есть одна маленькая вещь въ запасѣ, о которой онъ предполагаетъ донести“.

„Что же именно?“

„Да, объ этомъ они говорили неясно и разное. Будто онъ сказалъ, что иногда принимался за дѣла мелкихъ разносчиковъ, но что онъ не ходилъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изъ нихъ, съ бѣленькимъ порошкомъ, мышьякомъ, что ли, а

вмѣсто этого носилъ съ собой опій и инбирь— одинъ чортъ вѣдаетъ, какъ все это называется“, прибавилъ работникъ— „бразильское дерево— фернамбукъ—багоново сѣмя—и продавалъ ихъ многимъ, кто иногда хотѣлъ угостить друга хмельнымъ—не водкой, конечно,—но такимъ питьемъ, чтобъ уснуть, на долго и глубоко, судя по обстоятельствамъ—И оно, молъ, дѣйстви- тельно не только внутрь, но и какъ наружное— стоитъ только зашить, въ жилетъ ли, въ юбку ли—всегда съ вѣрнымъ дѣйствиемъ, разумѣется. Будто онъ продавалъ это во многихъ мѣстахъ и не такъ еще давно—но это, пожалуй, враки—И если дѣло дойдетъ до суда, то онъ еще поразска- жетъ столько веселыхъ вещей, что всѣ судьи за- хохочутъ, и только одинъ предсѣдатель разсер- дится“.

Тутъ говорливый работникъ соскочилъ съ двуколки въ самую толпу окружавшихъ его прия- телей и знакомыхъ и отправился со своимъ хо- зяиномъ, толстымъ мельникомъ, въ домъ отда- вать ему отчетъ и выпить свою чарку.

Я отошелъ въ сторону, къ маленькой рѣчкѣ. Кругомъ всюду росли прелестныя и стройныя ольхи, и августовскій мѣсяцъ, поднявшійся те- перь выше, струилъ серебро на ихъ листву, со- вершенно свѣжую на видъ. Не доходя до воды, за большимъ камнемъ, я замѣтилъ, блѣдную, скор-

ченную фигуру, вытиравшую лицо своимъ равнымъ рукавомъ. Это былъ знакомый Янъ Карлсонъ. Онъ, собственно, вытиралъ кровь, но слышалъ отъ работника то же, что и я, стало быть имѣлъ основаніе принять кое-что къ свѣдѣнію на свой собственный счетъ.

Вся эта чудовищная исторія съ „хозяйкою и ея смертью“, казалось мнѣ, была теперь достаточно ясна. Конечно, я находилъ, что въ ней, какъ и во всякомъ происшествіи, остается еще нѣсколько темныхъ пунктовъ, но возражать не приходилось. Странно, на примѣръ, о чемъ могли хлопотать Матсъ и Брита наканунѣ Благовѣщенія и что было вынуто изъ шкафа, какъ видѣлъ Јеркеръ въ окно. Но это же просто могло относиться къ хозяйству; или же они могли стараться помочь больной немного—или Богъ вѣсть, что— Это меня не интересуетъ. Многихъ звуковъ и шороха въ темномъ мельничномъ зданіи я также не могу объяснить. Но кто можетъ объяснить все? Да и къ чему оно. Развѣ невозможно, что тетка Анна просто-на-просто умерла? А въ случаѣ преступленія—я не могу установить, Матсъ ли виновенъ или Янъ Карлсонъ, хотя теперь мнѣ начинало казаться, что противъ Яна Карлсона куда больше уликъ. Въ то же время я радовался рѣшенію Бриты послать къ лѣшему все Висинге и ткать себѣ новое платье зимою. Хотя бы ей

удалось соткать одно лишь сѣрое, безо всѣхъ этихъ красивыхъ и пестрыхъ узоровъ—все же платье.

Съ моими полуэкономическими, полудициплическими мыслями я шель внизъ по теченію извиистой маленькой рѣчки и совершенно забыль, что мнѣ нужно провести гдѣ-нибудь ночь. Но развѣ нельзя провести ее подъ прекраснымъ августовскимъ небомъ?

Побродивъ въ разныхъ направленіяхъ, немного спустя, я вернулся къ сараямъ, гдѣ стояли лошади и телѣги. Всѣ люди были теперь въ домѣ. Я бродиль подъ пустыннымъ навѣсомъ и скоро увидѣль моего друга Брунте. Я похлопаль ее и погладиль по гривѣ и по шеѣ. Она смотрѣла на меня и, казалось, узнавала. Мой единственный знакомый здѣсь. Кажется, я даже былъ настолько смѣшонъ, что поцѣловаль ее въ черную, но все же — что обыкновенно бываетъ у лошадей—чистую морду.

Скоро я отошелъ за сарай, такъ какъ увидѣль двоихъ идущихъ. Они тоже направились подъ навѣсъ къ Брунте и двуколкѣ, гдѣ я только что стояль. Они меня не видѣли.

Я слышалъ, что они говорили, а сказали они немного. Наконецъ, онъ спросиль: „осенью?“ — „Нѣтъ“, отвѣтила она, „не раньше *весны*“. — „Вотъ что“, прибавиль онъ тише и досталь изъ платья какую-то вещь, вѣроятно, деньги. — „На это ты

купишь себѣ турецкаго краснаго для узоровъ; вспоминай, что это отъ меня“.

Противъ воли я подслушалъ и уловилъ еще нѣсколько словъ. Но я скоро ушелъ, и сказали ли они другъ другу еще что-нибудь, говорили они о Гранѣ или нѣтъ, я не знаю.

Я пошелъ по большой дорогѣ изъ Шельнуры. Я рѣшилъ бродить всю ночь.

Можешь отгадать, о комъ я думалъ, Адамъ? О Янѣ Карлсонѣ, дорогой. Онъ показался мнѣ такимъ страннымъ у камня, гдѣ онъ сидѣлъ. Какимъ бы грубымъ и чудовищнымъ ни представлялся онъ мнѣ раньше, казалось, я все же замѣтилъ въ немъ много человѣческаго: горе, самозащиту, смущеніе, раскаяніе—Богъ вѣсть, что.

Что онъ не былъ вполне опытный юристъ, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ свѣдущій въ уложеніи о наслѣдствахъ, хотя онъ пронюхалъ кое-что, я убѣдился раньше по его выраженіямъ въ разговорѣ съ „г. Оттергреномъ“, касающимся Матса. Но вообще онъ былъ крѣпокъ въ своей юриспруденціи; потому что, спровадивъ свою сестру, и потомъ устранивъ Матса, онъ, конечно, получилъ бы усадьбу, какъ „опекунъ своей племянницы“. Теперь онъ сидѣлъ, озабоченный и растерянный.

Я все больше подходилъ къ незнакомымъ мнѣ мѣстностямъ. Ночь прибывала, и я не встрѣчалъ ни души. Я старательно искалъ дороги, ведущей

черезъ лѣса, и, наконецъ, наткнулся на тропинку въ сторону отъ проѣзжей дороги.

Въ своемъ созерцаніи—то забавномъ, то грубокомысленномъ—я много разъ пересѣкалъ проселки, пастбища и небольшія вспаханныя полосы. Когда я встрѣчалъ избушки, то все въ нихъ было безмолвно, потому что ласковый геній сна замѣтно коснулся своей благодатной рукой всякой человѣческой дѣятельности. Одинъ я бродилъ тамъ. Мяукающая кошка, забытая за дверью избушки поселянина, была единственнымъ живымъ, что я встрѣчалъ. Но замѣтивъ меня, она сейчасъ же, безмолвно и проворно, исчезала въ сосѣднюю маленькую овчарню, и мы разставались.

Когда я прошелъ еще полмили, человѣческія жилища кончились, и возможно, что я очутился среди общественныхъ полей. При свѣтѣ высоко поднявшейся луны, я приближался къ небольшому строенію безъ стѣнъ, я вошелъ въ него и увидѣлъ, что это—лѣсопильная мельница. Такія мельницы часто встрѣчаются совсѣмъ далеко отъ городовъ и жилищъ, въ наиболѣе подходящихъ для тесоваго лѣса мѣстахъ, и близъ проточной воды. Мельница стояла безъ дѣла и все въ ней было тихо. Длинное, нераспиленное, толстое и прекрасное сосновое бревно тѣмъ не менѣе было положено въ пильную раму и одинъ конецъ его уже вошелъ между пилами настолько глубоко, что около

четверти фута его превратилось въ начинающіяся доски и было настолько распилено, что можно было видѣть, какъ широки будутъ доски. Мнѣ было очень любопытно осмотрѣть механизмъ этого простаго приспособленія.

Нѣжный и пріятный запахъ еловыхъ вѣтокъ и сухого дерева—и главнымъ образомъ смолы сложенныхъ тутъ же рядомъ новыхъ досокъ—такъ живительно разливался въ ночномъ воздухѣ. И сама мѣстность была красивая. Близъ мельницы, круто, съ высоты тридцати или сорока футовъ, низвергался водопадъ, и груда острыхъ камней на днѣ ручья принимала падающую воду, которая превращалась въ бѣлую пѣну, отливавшую въ лунномъ свѣтѣ зеленовато-синимъ оттѣнкомъ. Надъ этимъ водопадомъ проходило нѣсколько досокъ и стояли на столбахъ очень тонкія деревянные подставки. Мнѣ показалось, что вся постройка была еще не вполне закончена,—все было шатко и неприлажено.

Отсюда я пошелъ еловою рощей, вдоль рѣчки, которая была узка, но глубоко врѣзалась въ землю между скаль. Здѣсь я сѣлъ на мягкій густой мохъ, прислонился головой къ камню, ушелъ въ веселыя воспоминанія и задремалъ.

Не знаю, долго ли я сидѣлъ, пока сонъ не овладѣлъ мною. Въ лѣсу было холодно, и это, пожалуй, вызвало въ моей душѣ блѣдныя, зябкіе,

безжизненные образы. Въ особенности представился мнѣ длинный, худой Янъ Карлсонъ, со страшнымъ лицомъ, озиравшійся кругомъ. Это было воспоминаніе фигуры, видѣнной мною у камня возлѣ сарая въ Шельнурѣ, когда онъ выслушалъ рассказъ только что вернувшагося изъ Стокгольма работника, и страхъ навлечь на себя чудовищное обвиненіе, очевидно, овладѣлъ имъ. Въ своемъ снѣ я видѣлъ, какъ онъ бродилъ въ разныя стороны и вынималъ изъ кармана одни порошки за другими, которые онъ, морщась, осматривалъ и бросалъ. Онъ улыбался, то съ презрѣніемъ, то со страхомъ, но всякій разъ крайне отвратительной улыбкой. Разъ онъ просунулъ свою большую, грубую, узловатую руку глубоко въ карманъ и вытащилъ цѣлую горсть маленькихъ подушечекъ—похожихъ на ту, которую я недавно отпоролъ отъ платья Бриты. Красными и глубоко задумчивыми глазами онъ смотрѣлъ на нихъ, въ отчаяніи качалъ головой, бросалъ ихъ на землю и топталъ.

Теперь я началъ слышать во снѣ крикъ—очень отдаленный, но такой мучительный, что мнѣ самому было трудно дышать. Видѣніе Яна Карлсона исчезло, и я больше не различалъ никакихъ предметовъ; все погрузилось въ свѣтлосѣрый хаосъ, и только отдаленный крикъ слышалъ я, точно зовъ челоуѣка съ заткнутымъ ртомъ, котораго подвергаютъ смертельной пыткѣ.

Мое чувство при этомъ неопиcуемо. Это уже не былъ сонъ, но скорѣе какое-то переходное состояніе, когда стараешься проснуться, когда болѣе ясные образы сна исчезли, но глазъ все еще не раскрылся для обычнаго, внѣшняго міра.

Страшные крики съ пробужденіемъ не затихли. Напротивъ—когда я тотчасъ же устремилъ глаза со своего ложа изъ моха, то въ самомъ дѣлѣ, на незначительномъ разстояніи, я слышалъ самые страшные звуки. Я вскочилъ. Что же это? Но звуки доносились съ противоположнаго берега ручья, а моста туда не было.

Мѣсяцъ стоялъ высоко, и, несмотря на густыя тѣни деревьевъ, я могъ видѣть далеко среди ихъ вѣтвей. Я услышалъ слабое ржаніе лошади, очень далекое, и рѣшилъ, что гдѣ-то проходила дорога. Не напали ли разбойники на проѣзжаго?

Шорохъ по правую руку отвлекъ все мое вниманіе отъ ржанія, и я увидѣлъ высокаго мужчину ведущаго или влекущаго кого-то. Другой былъ убитъ? Я слышалъ все возрастающее продолженіе прежнихъ глухихъ и мучительныхъ звуковъ.

Они подошли ближе. Когда они вышли на ярко освѣщенную луною поляну въ лѣсу, я отчетливо увидѣлъ проклятаго Яна. „Вотъ какъ!“ подумалъ я—„но кто же былъ другой?“ Они снова вошли въ тѣнь.

Мое первое движеніе было броситься туда, вооружившись коломъ. Но меня отдѣлялъ ручей, и вбродъ нельзя было перейти его, онъ такъ глубоко врѣзался въ скалы, что черезъ него нельзя было переправиться безъ перекладины.

Пока я соображалъ, какъ мнѣ перейти, Янъ Карлсонъ, со своей жертвой, приближался къ потоку— „Теперь твой послѣдній часъ пробить!“ сердитымъ голосомъ кричалъ онъ, „если ты сама добровольно не свалишь всю вину на Матса и не расскажешь на судѣ, что я передавалъ тебѣ о немъ. Сдѣлаешь такъ, тогда не бойся, я не стану обвинять тебя, сама ты не пострадаешь—иначе ты—“ Тутъ Янъ поднялъ правую руку, какъ бы желая нанести смертельный ударъ.

„Стой, негодяй! Здѣсь есть кому обуздать тебя“, закричалъ я со своего мѣста. При этомъ движеніи я открылъ то, о чемъ уже догадывался: съ нимъ была Брита.

Онъ измѣрилъ меня изумленнымъ, но не смущеннымъ взглядомъ. „Что ты за проклятый воръ здѣсь въ лѣсу? Я тебѣ щелкну—“ При этомъ онъ прицѣлился въ меня изъ маленькаго охотничьяго ружья, котораго я раньше не замѣтилъ.

Вскрикъ дѣвушки, громко говорить которой мѣшала завязанная вокругъ нижней части лица тряпка, свидѣтельствовала, какъ мучительно она боролась между ужасомъ и надеждой на помощь

при видѣ меня. Руки у нея были связаны, но я видѣлъ, съ какимъ пронизательнымъ напряженіемъ, пока Янъ цѣлился въ меня, она встала такъ, что ея плечо приходилось противъ приклада его ружья. Прикладъ быстро опустился внизъ и дуло тотчасъ жъ вскинулось вверхъ—и такъ удачно, что курокъ въ одинъ мигъ зацѣпился за одну изъ большихъ мѣдныхъ пуговицъ Яна, и грянулъ выстрѣлъ, шипя между верхушками елей.

„Чортово отродье!“ закричалъ Янъ Карлсонъ и бросилъ дѣвушку на землю. „Я просто хотѣлъ испугать его—да онъ и не можетъ перебраться сюда, къ намъ—но ты-то—ты—ты!—“

Мнѣ показалось, что онъ хочетъ ногами убить ее насмерть. Самъ я бѣгалъ кругомъ, въ бѣшенствѣ, что не могу перейти черезъ потокъ. Читая нравоученіе этой скотинѣ, стоя на противоположномъ берегу,—не привело бы ни къ чему. Крики дѣвушки прерывались хохотомъ, угрозами, и ругательствами Яна. „Видишь, этому храброму чорту нечего предпринять. Мнѣ не зачѣмъ подстрѣливать его за болтовню, да и съ тобой я ничего не сдѣлаю. Вставай и дѣлай, какъ говорю, и все будетъ ладно—не думай дурно про меня—скажи только на судъ—“

Я могъ различить мелодичное, но глухое „никогда“. Тогда онъ поднялъ ее и сказалъ: „Вотъ что. Тогда я для начала опять заряджу вотъ

эту подружку“ (онъ насыпаль свѣжаго пороха въ ружье); „тогда этотъ молодчикъ на той сторонѣ оставить насъ въ покоѣ—а потомъ—пойдемъ, Брита! Я знаю, что—поможетъ—что—пойдемъ—“

Я видѣлъ, какъ онъ, насильственно и дико, своею длинною рукою обхватилъ ея гибкую, тонкую талію, и она наклонилась къ землѣ, какъ стебель подъ большою косою. Онъ повелъ ее вдоль ручья, и я подумаль, что онъ хочетъ напугать ее угрозою бросить въ воду.

Между тѣмъ я перебралъ всѣ средства перейти на другой берегъ. Вдругъ я вспомнилъ о лѣсопильной мельницѣ. Тамъ же долженъ былъ быть мостъ или перекладина. Я поспѣшилъ туда, едва владѣя собою—прости, Адамъ.

До мельницы было не далеко. Изъ всѣхъ силъ и ничего не различая, я бросился туда—скоро достигъ сложенныхъ досокъ и строенія—стрѣлою пронесся мимо нихъ, къ рѣчкѣ—вся моя цѣль была перейти на другой берегъ—я почти ничего не различаль—вдругъ, я очутился на очень высокихъ лѣсахъ, по чѣмъ доскамъ я надѣялся перебраться черезъ водопадъ.

Вдругъ что-то съ громкимъ трескомъ рухнуло вокругъ меня—я оглянулся—всѣ доски позади меня, по которымъ я шель, отъ моего стремительнаго движенія полетѣли внизъ, такъ что всякое отступленіе было отрѣзано, и самъ я очу-

тился на самомъ верху чрезвычайно высокаго столба, вертикальной сваей вбитаго въ водопадъ, и отъ него-то до противоположнаго берега уже не было ни дощечки,

Въ виду моего быстрого бѣга, было особенное счастье, что я не свалился стремглавъ съ конца столба, на двадцать локтей торчавшаго надъ водою. Но я собрался съ духомъ и удержался, гдѣ былъ. Въ такое чрезвычайное положеніе не попадалъ еще ни одинъ смертный. Въ одно мгновеніе я превратился въ статую на столбообразномъ пьедесталѣ, по срединѣ водопада, окруженномъ у своего основанія столь острыми камнями, что, упавъ туда со своего мѣста, я разбился бы въ куски. Бревно было слишкомъ толстое, чтобы обнять его руками или ногами. И вотъ я стоялъ наверху, дѣйствительно въ почетномъ положеніи, и на первыхъ порахъ было хорошо, что у меня не закружилась голова.

Но мнѣ было не до шутокъ. Доносившіеся шаги предвѣщали приближеніе Яна Карлсона. Онъ тоже направился къ лѣсопильной мельницѣ—съ какимъ умысломъ, я еще не зналъ—но—

Представь ощущенія человѣка, который, не въ силахъ двинуться съ мѣста, долженъ увидѣть все, чему я былъ свидѣтелемъ. Одна уже порядочная комичность и беспомощность моего положеніе дѣлала мою досаду крайне невыносимой.

Нѣсколько разъ я готовъ былъ броситься въ водопадъ. Но много ли пользы, что я разобьюсь?

Я громко укорялъ мошенника, чѣмъ могъ. На мои слова онъ взглянулъ вверхъ, и неистовый хохотъ раздался мнѣ въ отвѣтъ. „Ахъ, ты, высокій баринъ—ахъ, ты, сволочь!“ говорилъ онъ—„ты грозишь привлечь меня къ суду за то, что я дѣлаю? А ты знаешь, что я дѣлаю, или собираюсь дѣлать? Ничего дурного. Но какъ только дѣвчонка рѣшится наконецъ отправиться къ судѣ, то я постараюсь, чтобы и ты не больно-то языкъ распускалъ. А покуда что ты можешь торчать тамъ, въ воздухъ“. Потомъ онъ многозначительно поставилъ свое ружье у столба передъ собою, какъ бы имѣя въ виду меня. Прелюбезное намѣреніе!

„Послушай, Янъ Карлсонъ!“ воскликнулъ я „прежде чѣмъ совершить позорное дѣло, скажи, что могло побудить тебя къ такому подлому своему волю? Что ты убилъ свою сестру, пока еще тайча—я не стану доносить объ этомъ. Чего же больше? Бездѣльникъ, снабдившій тебя ядомъ, пожалуй, никогда не явится сюда выдавать—“

Тутъ онъ прервалъ меня потокомъ самой громкой брани. Когда я заговорилъ съ нимъ, я замѣтилъ, что имъ овладѣло невольное смущеніе и онъ смотрѣлъ на меня, какъ на—какъ, не знаю, на что. Но теперь онъ опредѣленно сознавалъ свое превосходство и кричалъ: „Кто ты,

чортовъ сынъ, болтунъ и дуракъ? Со своего мѣста тебѣ не убраться живымъ, и тебѣ не придется сплетничать ни о чемъ. Кто тебѣ рассказывалъ про смерть моей сестры? Какіе у тебя доводы, и кто такой этотъ человекъ съ ядомъ, и кто тебѣ сказалъ, песь, что меня зовутъ Яномъ Карлсономъ?”

„Напрасно ты стараешься скрыть свое лукавство, Янъ! Я вижу все насквозь“, отвѣтилъ я. „Я приказываю тебѣ сейчасъ же развязать руки дѣвушкѣ и отпустить ее—иначе я—“

„И горазды же вы говорить, господинъ, но, ха-ха-ха—знаете, хозяинъ, сколько бы вы ни орали и ни звали, на цѣлую милю кругомъ васъ никто не услышитъ—Чортова болтовня—Но“, говорилъ онъ, соображая про себя—„мнѣ ничто не помѣшаетъ— Да -- да — ничего не подѣлаешь — вы знаете слишкомъ много!—Нельзя такъ оставить— я долженъ его—“ онъ взялъ ружье и прицѣлился—„Но постой, сперва я долженъ“— онъ снова отставилъ ружье—„послушай, Брита, еще разъ, и въ послѣдній разъ, поклянись мнѣ всѣмъ святымъ, что ты отправишься въ судъ и скажешь про Матса все, что я тебѣ передавалъ?“

„Какъ Богъ святъ—нѣтъ!“

„Вотъ какъ—чортъ возьми, тогда я заставлю тебя.“ На губахъ у него появилась пѣна. Онъ схватилъ дѣвушку и положилъ ее на бревно, по-

ставленное на мельницѣ противъ самой пилы, и такъ крѣпко привязалъ ее, что она не могла шевельнуть ни рукой, ни головой, ни ногой. Затѣмъ я видѣлъ, какъ онъ подбѣжалъ къ затвору и откинулъ его, хлынула вода и въ тотъ же мигъ мельница пришла въ движеніе. Возможно, что онъ имѣлъ въ виду только напугать связанную дѣвушку, но болѣе дьявольской штуки нельзя было бы и придумать. Пила тотчасъ же начала свою визгливую работу надъ бревномъ, которое благодаря устройству механизма, съ каждымъ взмахомъ пододвигалось къ лезвею. Янъ Карлсонъ привязалъ дѣвушку къ бревну такъ, что между ея ногами и пилой оставалось еще поларшина, но—съ каждой секундой она замѣтно приближалась къ ней.

Мои слова на него не дѣйствовали. Кромѣ насъ, во всей мѣстности не было никого, кто бы слышалъ или видѣлъ. Пустивъ мельницу въ ходъ, Янъ Карлсонъ бросился къ Бритъ и, обезумѣвъ, кричалъ, какъ фурія: „Ну, теперь ты согласна? Согласна?“ Мучительный, неясный крикъ изъ подъ платка былъ ея единственнымъ отвѣтомъ. „Ты шепчешь — нѣтъ? Хорошо же, черезъ нѣсколько минутъ ты превратишься въ доски, клянусь тебѣ“.

Я врядъ ли счелъ бы кого-нибудь способнымъ на такія вещи. Онъ же просто грозилъ, онъ же

самъ не станеть доводить это до конца. Но давно доказано, что, когда несвѣдущіе люди, съ преступной ли цѣлью или въ видахъ собственнаго спасенія, увлекаются такими ужасными замыслами, они менѣе образованныхъ людей могутъ рассчитать чудовищныя послѣдствія своихъ затѣй, потому что за неимѣніемъ сравненія не могутъ хорошенько представить ихъ. Къ чести чело-вѣчества я замѣтилъ, что съ началомъ движенія пилы Янъ Карлсонъ былъ далекъ отъ спокойствія и хладнокровія. Онъ то громко уговаривалъ ее, то бѣжалъ присматривать за машиною. Онъ бѣгалъ, какъ сумасшедшій, бросался взадъ и впередъ, какъ пьяный—то исчезалъ, то опять появлялся—какъ вдругъ я услышалъ громкій трескъ, обвалъ. Я взглянулъ направо, самъ Янъ Карлсонъ споткнулся о доску, упалъ между двумя подпорами мельницы — его голова была раздроблена. Онъ теперь висѣлъ, нѣсколько покачиваясь на торчащемъ бревнѣ близъ большого колеса, которое онъ пустилъ въ ходъ при жизни.

Тутъ, Адамъ, въ глазахъ у меня потемнѣло, потому что пила продолжала работать, а единственнаго, кто могъ остановить ее, не стало. Я видѣлъ, какъ мертвая, безчувственная машина, пущенная въ ходъ разбившимся чело-вѣкомъ, безпрепятственно все дальше подвигалась въ своей

работѣ, и съ каждымъ взмахомъ подходила къ связанной дѣвушкѣ все ближе и ближе.

„Брита!“ кричалъ я, „ты, пожалуй, не видишь, что тебя ждетъ—освободись—напряги всѣ свои силы—хотя бы ты сломала руки, не бѣда—не щади своихъ пальцевъ—торопись—торопись—ты быстро и неминуемо приближаешься къ пилѣ“.

Я замѣтилъ, какъ она конвульсивно рвала веревку, связывавшую ее по рукамъ и ногамъ—напрасно. Ея платокъ сбился на бокъ—она могла шевелить только головой—все напрасно. Пила продолжала двигаться, спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало. Я слышалъ, какъ ея глухой голосъ звалъ самого Яна Карлсона на помощь.

„Янъ Карлсонъ свалился и погибъ—спасайся сама! Вырвись—вырвись прочь какъ—нибудь—пила захватитъ тебя—ты уже всего на четверть локтя отъ нея“.

Мои глаза должны были неусыпно смотрѣть на это зрѣлище, и я отдалъ бы все, лишь бы не видѣть его. Небо и лѣсъ заходили кругомъ. Я чувствовалъ, что у меня готова закружиться голова. Моя участь тогда была очевидна. Мнѣ предстояло свалиться внизъ и погибнуть тѣмъ же образомъ, какъ тотъ, чье тѣло, вверхъ и внизъ, бросала волна налѣво отъ моего пьедестала и разрывала объ острые концы нѣсколькихъ досокъ.

Мои удвоенные крики, которыми я надѣялся призвать на помощь какого-нибудь человѣка, могущаго случайно оказаться по близости, были бесполезны.

Вся картина теперь была такъ четко освѣщена луной, что я видѣлъ ясно малѣйшій предметъ. Дѣвушкѣ оставалось не болѣе одного дюйма до зубьевъ пилы. Какая смерть! Она была бы не дѣломъ мгновенія — вѣдь это не то, что быть незамѣтно обезглавленнымъ, легко разбиться — милосердно быть исковерканнымъ въ двадцать минутъ — легко и кротко быть разорваннымъ четырьмя лошадьми — нѣтъ, прошелъ бы часъ или полтора, пока это нѣжное, невинное, прелестное тѣло — мало - по - малу — преспокойно — хладнокровно —

Мимо моей головы пролетѣла лѣсная птица. Отъ ея согнутаго клюва и всей ея головы, нѣсколько похожей на самого Яна Карлсона, бросило меня въ дрожь. И все же я взмолился.

Птица была единственнымъ существомъ во всей этой мѣстности, которое могло двигаться свободно. Я взглянулъ на серебристо-прозрачное облачко, которое томно плыло подѣ луной.

Внезапный пронзительный крикъ внизу привлекъ мой взглядъ — это былъ голосъ Бриты — это былъ знакъ, что пила захватила ее.

Если ты можешь объяснить что-нибудь на

омъ свѣтъ, мой другъ, то займись одной тайной. Черная птица—ворона, сорока или воронъ—не знаю—

Молча и быстро, она летала взадъ и впередъ по мельницѣ. На крикъ Бриты она бросилась въ сторону, и—

Все, что я расскажу теперь, произошло съ быстротой молніи; но, чтобы было понятно, я раньше долженъ напомнить тебѣ устройство лѣсопильной мельницы, тѣмъ болѣе, что оно находится во взаимной связи съ остальнымъ. Ты знаешь, что внутри водяного колеса находится шестерня, маленькимъ, тонкимъ зубцамъ которой соотвѣтствуетъ совсѣмъ маленькое колесо, называемое колесцомъ, расположенное въ самой мельницѣ и приводимое въ движеніе вторымъ колесомъ. Колесо вращаетъ валь, на другомъ концѣ котораго находится рукоять, двигающая въ свою очередь вверхъ и внизъ раму съ самою пилой. Что же случилось? Когда птица бросилась въ сторону, ея крылья или ноги задѣли щепку или кусокъ доски, лежавшей у второго колеса, близъ отверстія, внизу мельницы. Щепка упала въ отверстіе, отскочила отъ вала и попала между колесцомъ и вторымъ колесомъ. Слѣдствіе было несомнѣнное и мгновенное: зубцы не могли захватить другъ друга—вся механика остановилась.

Въ то мгновеніе, когда я увидѣлъ, что пила

вдругъ остановилась, я не могъ объяснить, какъ это случилось. Я только потомъ замѣтилъ все.

Что же было со мной? Ты слышалъ, Адамъ, объ узникахъ, которыхъ послѣ долгаго заключенія въ тюрьмахъ инквизиціи вели наконецъ на костерь, но по дорогѣ объявляли о помилованіи? Радость убивала ихъ: при вѣсти о жизни они падали замертво.

Какъ видишь, я не умеръ, Адамъ. Но какъ раньше ужасъ настолько сковалъ меня, что моего напряженія было достаточно, чтобы удержаться на трудномъ мѣстѣ, гдѣ я стоялъ, такъ восторгъ при видѣ спасителя, птицы, способствовалъ тому, что я потерялъ равновѣсіе. Смѣйся, но слушай дальше.

Въ одинъ мигъ—когда я почувствовалъ, что я все равно долженъ упасть—я рѣшилъ лучше самому сдѣлать прыжокъ, какъ можно дальше и сильнѣе, чтобы по возможности миновать русла.

Я прыгнулъ—одинъ Богъ знаетъ, какъ это вышло, но въ потокъ не попалъ. Я очутился на качающихся толстыхъ еловыхъ вѣтвяхъ, за которыя я ухватился во время большого прыжка. Отсюда потомъ было уже не трудно спуститься на землю.

Я подошелъ къ связанной дѣвушкѣ и развязалъ узлы, крѣпко затянутые Яномъ Карлсономъ. Дѣвушка встала. Ее не очень поцарапало; она

озиралась кругомъ, въ изумленіи, точно тутъ же проснулась!

„Я вижу, что ты не узнаешь меня, но это не бѣда, здѣсь некогда медлить—пойдемъ—твоя лошадь и двуколка стоятъ не у дороги?“

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, но неровныхъ и мучительныхъ. Съ тихимъ вздохомъ и возгласомъ „охъ!“ она стала дышать глубже.

„Гдѣ же онъ? Куда онъ ушелъ?“ сказала она.
„Янъ Карлсонъ?“

„Онъ скоро вернется?“

„Нѣтъ, Брита, не бойся, не вернется. Не хочешь ли взглянуть на него? Его разорванное тѣло еще не уплыло“.

Она взглянула на меня внимательными глазами. „Я узнаю васъ“, прошептала она, подразумевая меня. Поразительнѣйшій оттѣнокъ, какъ бы радости, окрасилъ при этомъ сумрачный въ другое время блескъ ея глазъ.

„Намъ нужно разыскать твою лошадь,“ отвѣтилъ я, „пойдемъ!“

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мы замѣтили трупъ Яна Карлсона, который снова застрялъ въ водѣ между двумя досками. Едва слышное: „бѣдняга“—совершенно тѣмъ же тономъ, съ какимъ она днемъ разнуздала свою Брунте—прошептала она при этомъ, и сейчасъ же громко прибавила: „Намъ нужно вытащить его“.

Признаться, по многимъ причинамъ мнѣ это не понравилось. Во-первыхъ, я былъ слишкомъ взбѣшенъ и разгнѣванъ на этого плута, чтобы его смерть могла уже примирить меня съ нимъ. Во-вторыхъ, я предвидѣлъ, что пошли бы неприятныя исторіи, объясненія и допросы, еслибъ о мертвецѣ узнали люди—и въ то же время было бы установлено, что служанка Брита съ неизвѣстной особой присутствовала при этой смерти.

„Вы не хотите помочь мнѣ?“ сказала она, когда я остановился, а сама она уже начала вытаскивать изъ воды отяжелѣвшую, омерзительную фигуру.

„Берегись этого чудовища,“ отвѣтилъ я; „садись вонъ туда на пень—видишь, твоя нога въ крови—садись. Я сдѣлаю по-твоему и вытащу его“.

Она ушла. Черезъ нѣсколько минутъ работы я вытащилъ на берегъ это злое обезображенное существо. Онъ лежалъ, вытянутый на песокъ. Услышавъ всклипываніе, я обернулся. Брита сидѣла, стиснувъ руки, и крупныя слезы сверкали у нея на щекахъ и губахъ. „Господи, Боже мой! Боже, въ какомъ Янъ видѣ! Господи, Боже мой!“ повторяла она. „Что теперь будетъ, Боже мой—“

„У него остались жена и дѣти?“ спросилъ я.

Она не отвѣчала, и продолжала тихо плакать. Вдругъ она посмотрѣла въ сторону, встала и

крикнула: „Нужно закрыть его“. И взяла большую еловую вѣтвь.

Я вмѣстѣ съ нею взглянулъ въ сторону и замѣтилъ на камнѣ, наверху, сѣрую птицу, которая сидѣла и смотрѣла на мертвое тѣло и отъ поры до времени, по привычкѣ птицъ, какъ бы слегка кивала головой—въ нашу сторону. Ея кивки были похожи на благодарность. Воронъ ждалъ хорошей пищи—или какъ тамъ ему казалось—и поэтому Брита хотѣла для защиты и предохраненія закрыть покойника.

Для этой же цѣли принесъ и я нѣсколько еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. Мы скоро закрыли Яна Карлсона, такъ что его стало почти невидно, и онъ лежалъ, какъ бы похороненный подъ зелеными вѣтвями. Когда это было сдѣлано, птица улетѣла на западъ, въ прямомъ направленіи черезъ лѣсъ. Я стоялъ и недоумѣвалъ, не эта ли самая птица была на мельницѣ? „Спасибо тебѣ!“ сказалъ я вполголоса и смотрѣлъ ей во слѣдъ. При этомъ воспоминаніи я почувствовалъ такую кротость, что, возложивъ на лобъ покойника послѣднюю, молодую, яркозеленую вѣтку, я бережно и не безъ старанія пригладилъ его всклокоченные волосы и пожелалъ ему всего хорошаго, что онъ еще можетъ снискать.

Въ это время Брита сошла внизъ къ водѣ, и когда она вернулась, ея ноги были вымыты, бѣлы

и красивы, какъ прежде. Печальное выраженіе совершенно исчезло. Она весело и бойко озиралась кругомъ. „Воображаю, какъ удивляется Брунте“, сказала она.

И я не такъ ужъ мало удивлялся. Какъ природа легко забываетъ свои слезы! Какъ плохо помнить недавній ужасъ!—„Брунте? Ну, разумеется“, отвѣтилъ я громко, и съ трудомъ могъ и самъ удержаться отъ смѣха.

Прежде чѣмъ уйти, я быстро обернулся и кивнулъ въ знакъ мучительнаго прощанія тому, кто лежалъ тутъ подъ вѣтками. Бритъ же и въ голову не пришло сдѣлать это. А вѣдь раньше она сама заставила меня убрать и прикрыть его; когда же это было сдѣлано, она удалилась безъ малѣйшаго замѣтнаго сожалѣнія.

Пока мы шли вмѣстѣ отыскивать дорогу, немного помолчавъ, я сказалъ: „Послушай, Брита, скажи мнѣ чистосердечно, я никому не выдамъ твоихъ словъ—что ты сама думаешь о смерти твоей хозяйки? Матсъ или ея братъ Янъ Карлсонъ повиненъ въ ней?“

„Что вы говорите?“ При этомъ она изумленно взглянула на меня.

„Не удивляйся“, продолжалъ я. „Намъ некогда долго объясняться; обо всемъ этомъ я знаю больше, чѣмъ ты думаешь. Скажи мнѣ, не колеблясь—возможно ли въ этихъ краяхъ, чтобы братъ убилъ сестру?“

„Вы говорите про Яна Карлсона?“

„Да“.

„Нѣтъ, не думаю“.

„Что? Неужели же тогда Матсъ—ея мужъ—
твой хозяинъ—“

„Хозяинъ, бѣдняга—да нѣтъ же“.

„Брита, что же значить все это? Зачѣмъ же
Янъ Карлсонъ такъ добивался, чтобы ты взва-
лила всю эту чудовищную исторію на Матса? Дол-
женъ же кто-нибудь изъ нихъ быть виновень?“

„Хозяйка умерла, да, и въ этомъ не было ни-
чего особеннаго, она же всегда прихварывала“.

„Стало быть она умерла своею собственною
смертью?“

На это Брита смотрѣла въ сторону и не
отвѣчала.

Я выпустилъ ея руку, вся моя грудь сжалась.
Я строго взглянулъ на нее: „Отвѣчай—Матсъ или
Янъ Карлсонъ—кто же, во имя Создателя—“

„Да, Янъ Карлсонъ всегда горько бѣдство-
валъ, но я все-таки не думаю—“

„Хорошо, но—кто же тогда?“

„Видите ли, я должна сказать вамъ, что ни-
кто, какъ Господь Батюшка вѣдаетъ, какъ все
было. А потомъ — хозяинъ не больно горевалъ,
что она умерла, не горевалъ, потому что она была
гадкая, хозяйка-то — такая скупая, и скаредная,
всегда недовольная и упрямая“.

„Въ концѣ-то концовъ, значить, Матсъ — или —“

„Матсъ дѣлалъ, что могъ, когда же хозяйка умерла, то онъ успокоился, и все тутъ“.

„Стало быть, онъ не виновенъ въ ея смерти?“

„Ну, конечно. Матсъ — большой трусъ. И Янъ Карлсонъ былъ тоже трусъ, пока не загорѣлся. Но раньше я скажу, какъ все было. Янъ Карлсонъ взялъ да вбилъ себѣ въ голову, что онъ извелъ свою сестру, и поэтому онъ не находилъ себѣ покоя и хотѣлъ непременно взвалить вину на другихъ — то на Матса — то на — на — (она посмотрѣла въ сторону). Этакій человекъ! — Гадкій! — Но это совсѣмъ не такъ опасно. Конечно, онъ желалъ сестрѣ смерти, я это хорошо знаю — потому что она была неровная и тяжелая — но онъ не убивалъ ея, Янъ-то, такъ же мало, какъ и Матсъ, ужъ это точно. Но я раньше скажу вамъ, какъ было дѣло. Хозяйка-то была хворая и все принимала лѣкарства — Вотъ Янъ Карлсонъ какъ-то возьми и купи чего-то въ городѣ, думая, что отъ этого ей будетъ лучше — Возможно — Но этого у нея не осталось, такъ что, по моему, отъ этого она не могла умереть. А Янъ Карлсонъ былъ твердо убѣжденъ, что онъ лишилъ ее жизни, какъ можетъ быть и собирался. Поэтому онъ такъ усердно старался свалить вину на другихъ; и, думаю, онъ даже хотѣлъ подкупить Јеркера на ложную присягу и тащить хозяина въ судъ — вѣдь

вотъ онъ какой! Нѣтъ, разъ ужъ человѣкъ вбилъ себѣ въ голову, что сдѣлалъ дурное, то сперва онъ начинаетъ бѣситься, а потомъ начинаетъ дѣлать все, что называется дурнымъ, одно за другимъ—“

Я больше не спрашивалъ ни слова. Я снова взялъ руку Бриты, и возможно, что слегка пожалъ ее, такъ какъ я былъ радъ объясненію, которое разсѣяло всю эту ужасную исторію, какъ дымъ. Точно пелена упала съ глазъ моихъ. Станный, смѣшной, горестно-интересный человѣкъ! Ты замышляешь — самаго преступленія ты не совершаешь—но думаешь, что совершилъ его, и одно это предположеніе заставляетъ тебя перевернуть вверхъ дномъ все твореніе, тебя, твоихъ близкихъ, всѣхъ людей. Ахъ, Адамъ!

Брита, очевидно, прониклась довѣріемъ ко мнѣ, потому что она начала пѣть на своемъ упландскомъ нарѣчій и возиться съ моей рукой, которую она держала, пока мы шли. Я хотѣлъ было заставитьъ ее сообщить что-нибудь, касающееся Пера изъ Граны, котораго я разъ навсегда, совершенно произвольно, сталъ считать будущей опорой дикаго нарциса.

Но я удержался и не сталъ спрашивать. У цвѣтка, пока онъ еще растетъ, есть бархатистый незримый налетъ на лепесткахъ. Даже при малѣйшемъ и осторожнѣйшемъ прикосновеніи, этотъ налетъ исчезаетъ. Невозможно опредѣлить, изъ

чего состояло то, что утрачено, только убѣждаешься, что нѣчто утрачено. Прекрасное свое-нравно. И только когда оно увяло, начинаешь чувствовать исчезнувшее небо. Я молчалъ съ моимъ вопросомъ.

Все же не могу отрицать, что я удивлялся на моего милаго Пера изъ Граны, позволившаго своей Бритѣ ѣхать съ мельницы домой такъ поздно—ночью, хотя и при лунномъ свѣтѣ. И какъ могли быть такъ скоро перемолоты ея четыре мѣры ржи?

Тутъ послышалось знакомое ржаніе поблизости. Брита подскочила, бросила меня и побѣжала къ дорогѣ, точно она хотѣла броситься Брунте въ объятія. До такого безумія дѣло не дошло; но было не далеко до этого.

„Но гдѣ же всѣ твои мѣшки? Ты уѣхала безъ нихъ?“ воскликнулъ я, подойдя за нею къ телѣгѣ и увидѣвъ, что она пуста.

„Они остались въ Шельнурѣ, пока не начнутъ молоть“, сказала она нараспѣвъ.

„Развѣ ты такъ ужъ довѣряешь мельнику? Онъ возьмѣ ихъ на храненіе?“

„Ахъ, тамъ есть, кому смотрѣть за ними“.

„Есть? А послѣ онъ тоже поѣдетъ домой въ Висинге?“ продолжалъ я.

„Когда кончатъ молоть, за ними съѣздитъ Јеркеръ“.

„А сама ты больше не захотѣла оставаться въ Шельнурѣ, послѣ столькихъ неприятностей?“

Она подняла на меня пару прекрасныхъ глазъ, но тотчасъ же опустила ихъ. „Да нѣтъ же, никакихъ неприятностей—“

Говоря это, она оправила ситцевую юбку, которую она, безъ сомнѣнія, одолжила въ Шельнурѣ, потому что, насколько я помню, по дорогѣ туда у нея ея не было. И такъ какъ при этомъ она смотрѣла въ сторону, то я не могу сообщить тебѣ, милѣйшей Адамъ, появилась ли у нея краска на щекахъ, когда она говорила это.

Такъ поспѣшно и быстро ѣхать домой—подумалъ я—въ другихъ случаяхъ такъ не дѣлается.

Совершенно неожиданно, она повернулась, держа вожжи въ одной рукѣ, подошла прямо ко мнѣ съ яснымъ и веселымъ лицомъ и спросила: „Куда же вы думаете направиться теперь? Не хотите ли поѣхать со мной? Поѣдемте. Вы же незнакомы съ мѣстностью, я это слышу по выговору—и вамъ самимъ не выбратъся. Если же — Я могу подвезти васъ до самой Энсты, если хотите, а тамъ вы можете взять лошадь и хорошую коляску, тамъ ѣздятъ въ кабриолетахъ. Тутъ вотъ—просто скверная старая двуколка—и вамъ, конечно, не нравится“.

„Садись раньше сама въ свою телѣжку, ми-

лая Брита, а потомъ я отвѣчу на твое приглашеніе“. Она весело и проворно вскочила, и, право, я рыцарски помогъ ей.

Я соображалъ, какъ мнѣ поступить; но предпочелъ продолжать мое путешествіе пѣшкомъ. „Послушай, Брита“, сказалъ я, „я очень и очень благодаренъ тебѣ за твое предложеніе подвезти меня. Мой путь не въ Энсту; теперь мы расстаемся. Но разъ ты желаешь мнѣ добра—то не откажись исполнить одну мою просьбу. Никогда больше не надѣвай платья твоей покойной хозяйки, которое, повидимому, тебѣ пришлось подшить, чтобы не было слишкомъ длинно. Ты собираешься ткать зимой—не смотри на меня съ такимъ изумленіемъ—не спрашивай, откуда я знаю это—И ты сама должна соткать себѣ новое платье, и такъ-то лучше. И мнѣ будетъ очень пріятно думать, что весной, когда зацвѣтутъ бѣлыя анемоны, и ты нарядишься въ свое новое платье. Гдѣ ты возьмешь *ярко-красной* пряжи, я знаю. Но ты же хотѣла еще и *синей*? Не такъ ли? Послушай—возьми и купи себѣ на это пряжи самага прекраснаго синяго цвѣта, и вспоминай, что это отъ меня“.

„Какъ васъ зовутъ?“ обратилась ко мнѣ Брита въ высшей степени мелодичнымъ голосомъ, съ легкой благодарностью принимая отъ меня маленькій подарокъ.

„Не все ли равно, какъ меня зовутъ. Прощай“. Кивнувъ на прощанье, я направился въ лѣсъ. Ея двуколка покатила по дорогѣ, въ лунномъ свѣтѣ. Среди деревьевъ, она нѣсколько разъ оглянулась назадъ, на неизвѣстнаго, очевидно, не вполне зная, что ей думать о немъ.

Я направился на сѣверъ, въ другія мѣста, искать новыхъ приключеній, которыя не относятся къ этой исторіи. Пиши мнѣ въ Ронэсъ, и прежде всего заботься о своемъ здоровьѣ, дорогой Адамъ.

АВГУСТЪ СТРИНДБЕРГЪ

р. 1849 г.

I. ВЫСШАЯ ЦѢЛЬ

II. СКАЗКА о С.-ГОТАРДЪ

III. ПОЛЪ-ЛИСТА БУМАГИ

Переводъ со шведскаго

Ю. БАЛТРУШАЙТИСА

Высшая цѣль

Въ маленькой сельской церкви было такъ холодно, что дыханіе вырывалось, какъ дымъ, изъ устъ священника и мальчиковъ, пѣвшихъ на клиросѣ. Прихожанамъ, слушавшимъ обѣдню стоя, пришлось постлатъ солому на полу, чтобы не слишкомъ мерзнуть, становясь на колѣни, что дѣлалось всякій разъ, когда мальчики звонили въ маленькій колокольчикъ. За обѣдней было много народа въ этотъ день, потому что предстояло чрезвычайное зрѣлище по окончаніи богослуженія. Священникъ долженъ былъ уговаривать двухъ несогласныхъ супруговъ, которые не могли жить въ мирѣ, но не могли и развестись, потому что ничьей вины не было и никто изъ нихъ не хотѣлъ бросать домъ и ребенка и принять на себя позоръ бѣглеца. Обѣдня кончилась и молебень звучалъ надорванно, такъ какъ голоса у всѣхъ дрожали отъ холода. Солнце освѣщало замерзшія окна краснымъ свѣтомъ и зажженные восковыя свѣчи совсѣмъ не свѣтили, но казались желтыми пятнами, надъ которыми согрѣтый воздухъ дрожалъ, какъ мерцаніе на пашнѣ весною.

Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, пѣль священникъ, и мальчики отвѣчали miserere, и присутствующіе вторили имъ, низкіе, рѣзкіе мужскіе голоса и высокіе, нѣжные женскіе голоса, miserere, помилуй насъ.

Послѣднее *помилуй насъ* прозвучало, какъ вопль отчаянья, потому что въ это самое мгновеніе мужъ и жена вышли изъ закрытаго угла у дверей, гдѣ они стояли, и направились по срединной дорожкѣ къ алтарю. Мужъ былъ долговязый, неуклюжій человѣкъ, съ темной бородою, и слегка прихрамывалъ; жена—маленькая, хрупкая фигура съ мягкими линиями и плавными пріятными движеніями. Ея лицо было до половины закрыто, такъ что была видна лишь пара блѣдноглубурыхъ глазъ со страдальческимъ выраженіемъ и верхняя часть бѣлыхъ щекъ.

Священникъ сотворилъ тихую молитву и потомъ повернулся лицомъ къ прихожанамъ. Онъ былъ молодой человѣкъ, неполныхъ тридцати лѣтъ, и его здоровое, добродушное лицо, казалось, не соответствовало длинному облаченію и величавымъ, жестокимъ словамъ, которыя онъ говорилъ. Онъ уже исповѣдывалъ обоихъ супруговъ, и только по приказанію епископа говорилъ теперь свою суровую проповѣдь. Несогласная чета была какъ разъ у епископа и просила его расторгнуть бракъ, но онъ не нашелъ возможности исполнить

ихъ желаніе, потому что каноническое право и папскія буллы допускали разводъ только при наличности вины, безплодія въ извѣстныхъ случаяхъ или бѣгства одного изъ супруговъ отъ семейнаго очага.

Священникъ началъ свою рѣчь сухимъ, беззвучнымъ голосомъ, какъ если бы онъ самъ не вѣрилъ тому, что говорилъ.

Бракъ, говорилъ онъ, установленъ самимъ Богомъ, создавшимъ женщину изъ ребра мужчины, чтобы она была помощницей его. Но разъ мужчина былъ созданъ раньше, а потомъ женщина, то женщина должна быть подвластна мужу, и онъ долженъ быть ея господиномъ.

Мужъ, въ свою очередь, долженъ относиться къ женѣ съ уваженіемъ, потому что она олицетворяетъ его честь, и такимъ образомъ въ ней онъ уважаетъ самого себя. То же говорить и Павелъ въ своемъ Посланіи къ Коринтянамъ, седьмая глава, четвертый стихъ; это же мѣсто положено въ основу Граціанова декрета, гдѣ говорится: Сама жена не имѣетъ власти надъ своимъ собственнымъ тѣломъ, а только мужъ ея.

Когда ученики пришли къ Іисусу и спросили, можно ли супругамъ расходиться, то Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: Что сочеталъ Господь, человекъ да не расторгнетъ, и на этомъ основаніи церковь не допускала расторженія брака. Если же мѣр-

ской законъ и дѣлалъ иногда уступки, то это происходило отъ человѣческой грѣховности и не могло быть одобрено церковью.

Жизнь не розовый садъ, и мы не должны предъявлять къ ней чрезмѣрные требованія. Провѣдникъ самъ состоялъ въ бракѣ. (Это было еще въ то время, когда католическое духовенство могло вступать въ бракъ). Стало быть, онъ могъ судить въ этомъ вопросѣ; онъ зналъ, насколько одна сторона должна быть предупредительна къ другой, чтобы не вышло ссоры и раздоровъ. Онъ вѣнчалъ эту молодую чету и видѣлъ счастье ихъ первой любви; онъ крестилъ ихъ ребенка и видѣлъ, какъ родительская радость освятила ихъ любовь. Онъ напоминалъ имъ незабвенные часы, когда жизнь отдала имъ свое лучшее, и будущее лежало передъ ними, какъ розовый лѣтній день. Этимъ воспоминаніемъ онъ заклиналъ ихъ подать другъ другу руку и забыть все, что произошло, съ тѣхъ поръ какъ духъ раздора проникъ въ ихъ сердца; онъ просилъ ихъ передъ этимъ собраніемъ вѣрующихъ возобновить союзъ, который въ своемъ своеволіи они старались расторгнуть.

Тогда наступило мгновеніе глубокаго молчанія и ожиданія, во время котораго прихожане проявили свое нетерпѣніе тѣмъ, что бросились впередъ, насколько позволяла тѣснота.

Мужъ и жена продолжали стоять неподвижно.

Тогда священникъ обнаружилъ нетерпѣніе и началъ снова говорить, дрожавшимъ отъ огорченія и гнѣва голосомъ.

Онъ говорилъ теперь о долгѣ родителей по отношенію къ ребенку, о Божьемъ гнѣвѣ на непримиримую душу, и откровенно заявилъ, что бракъ отнюдь не имѣетъ въ виду наслажденія двухъ людей съ горячей кровью, а что его цѣль — не только приумноженіе — онъ подчеркнулъ это — рода, но и воспитаніе. Потомъ онъ далъ имъ подумать до слѣдующаго воскресенія и просилъ ихъ удалиться съ миромъ.

Не успѣлъ онъ произнести послѣднее слово и сдѣлать прощальное движеніе рукою, какъ молодая женщина повернулась и пошла. Хладнокровно и спокойно двигалась она по рядамъ прихожанъ и исчезла въ главную дверь.

Мужъ помедлилъ одно мгновеніе, и потомъ направился къ маленькой двери, гдѣ начинался крытый наружный ходъ.

Когда священникъ возвращался домой съ бывшею за обѣдней женою, она сказала ему мягкимъ, но укоризненнымъ тономъ:

„Ты вѣрилъ тому, что говорилъ? Ты знаешь по исповѣди, что союзъ этихъ людей не истинный бракъ. Тебѣ извѣстно, что эта женщина — мученица, и ея жизнь можно спасти только тѣмъ, что она будетъ держаться подальше отъ этого

человѣка; ты это знаешь, и уговариваешь ее итти навстрѣчу своей гибели“.

„У церкви, мой другъ, видишь ли, болѣе высокая цѣль, чѣмъ благоденствіе маленькихъ людей“.

„А я думала, что высочайшая цѣль церкви— благоденствіе людей, которое ты называешь ихъ счастьемъ. Въ чемъ же тогда высшая цѣль церкви?“

„Умноженіе царствія Божія на землѣ“, немного подумавъ, отвѣтилъ священникъ.

„Подумаемъ“, сказала жена. „Царствіе Божіе? Въ Царствіи Божіемъ должны обитать одни счастливые. Стало быть, церковь должна дѣлать людей счастливыми?“

„Въ высшемъ смыслѣ, да!“

„Въ высшемъ? Развѣ бываютъ два смысла?“

„Да, высшій и низшій. Вообще же, на вопросъ одного маленькаго безумца не отвѣтитъ и семи мудрецамъ“.

„Тогда дѣло мудрости мудрецовъ плохо, ибо что же они отвѣтятъ, если умный станетъ спрашивать, если всѣ умные міра спрашивать начнутъ“, продолжалъ маленькій безумецъ.

„Они отвѣтятъ, что не знаютъ ничего“, прошепталъ священникъ.

Они стряхнули снѣгъ со своихъ ногъ и вошли въ маленькій церковный домикъ, гдѣ ихъ встрѣтили двое маленькихъ здоровыхъ мальчиковъ,

тянувшихся съ поцѣлуями къ отцу и матери, и радовавшихся ихъ приходу, главнымъ образомъ, потому, что на плитѣ ждалъ ихъ вкусный воскресный обѣдъ.

Священникъ снялъ рясу и надѣлъ болѣе будничное платье, въ которомъ онъ никогда не показывался никому изъ прихожанъ, кромѣ домашнихъ и старой кухарки. Столъ былъ накрытъ. Полъ былъ такой бѣлый и такъ хорошо пахло еловыми вѣтками. Отецъ благословилъ хорошій обѣдъ, и всѣ они сѣли за столъ, такіе радостные и довольные своимъ міромъ и другъ другомъ, точно ничье сердце никогда не тужило о высшей цѣли.

* * *

Снѣгъ растаялъ, земля дымилась и бродила радостью зачатъя. Пасторскій домъ былъ расположенъ въ некрасивой равнинѣ Упланда, составляющей приходъ Расбу. Сколько видѣлъ глазъ, кругомъ разстилалась одна каменистая земля, глинистыя поля съ нѣсколькими кустами можжевельника, которые прижимались къ землѣ, какъ испуганные зайцы, отъ вѣчнаго вѣтра. Вдали, на горизонтѣ, виднѣлись самыя высокія верхушки на лѣсной опушкѣ, какъ мачты тонущаго корабля въ морѣ. Съ южной стороны дома священникъ посадилъ нѣсколько деревьевъ и вскопалъ кусо-

чекъ земли, гдѣ онъ разводилъ цвѣты и овощи, настолько необычныя въ суровомъ климатѣ, что ихъ приходилось закрывать соломой на зиму. Маленькій ручей, начинавшійся въ лѣсахъ на сѣверѣ, протекалъ мимо пасторской усадьбы и скоро становился такимъ большимъ, что можно было ѣхать на лодкѣ, придерживаясь середины русла.

Его преподобіе Педеръ изъ Расбу проснулся съ восходомъ солнца, поздоровался съ женою и дѣтьми и отправился въ церковь, расположенную на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ отъ усадьбы. Онъ отслужилъ раннюю обѣдню, освятилъ дневную работу и снова пошелъ домой, такой веселый и жизнерадостный. Жаворонки, очевидно, не различавшіе, что уродливо, а что красиво, пѣли надъ каменистыми полями, точно они благословляли скудную растительность. Вода журчала въ канавахъ, гдѣ по краямъ сверкалъ желтый подковникъ. Онъ вернулся домой, выпилъ свое утреннее молоко въ свѣтелкѣ и теперь стоялъ въ своей курткѣ въ саду и освобождалъ свои цвѣты отъ зимней соломы. Онъ взялъ лопату и сталъ копать дремлющую землю. Солнце сильно грѣло; отъ непривычной работы его кровь начинала приходить въ движеніе. Онъ глубоко дышалъ опьяняющимъ весеннимъ воздухомъ и радостно чувствовалъ себя какъ бы пробужденнымъ къ

новой жизни. Жена открыла ставни на солнечной сторонѣ, стояла въ окнѣ и смотрѣла на работу своего мужа.

„Это не то, что корпѣть надъ книгами“, сказалъ онъ.

„Тебѣ слѣдовало бы стать землепашцемъ“, отвѣтила она.

„Не судьба, видишь ли! Ахъ, какъ это хорошо дѣйствуетъ на грудь и спину. На что же Господь далъ пару длинныхъ рукъ, если не пользоваться ими“.

„Да, ученымъ онѣ не нужны“.

„Нѣтъ! Но сгребать снѣгъ, рубить дрова, рыться въ землѣ, носить своихъ дѣтей и защищаться, вотъ на что онѣ даны, и невольно наступаетъ кара, если не пользоваться ими. Намъ, людямъ духа, не приходится касаться вотъ этой грѣшной земли“.

„Тише“, сказала жена и приложила палецъ ко рту: „дѣти услышатъ тебя“!

Мужъ снялъ шляпу и вытеръ потъ на лбу.

„Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой, сказано. Ахъ, какъ славно я вспотѣлъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда обливаешься холоднымъ потомъ отъ страха не понять значенія темнаго слова, или когда духъ сомнѣнія сжигаетъ всѣ соки въ крови, и она струится медленно, какъ песокъ, въ тѣлѣ. Смотри, какъ скачутъ мышцы

въ плечахъ отъ радости двигаться; смотри, какъ синія жилы надуваются, точно весенніе ручьи, когда снѣгъ таетъ; ахъ, грудь такъ расширяется, что куртка трещитъ по швамъ; это—воистину другое дѣло“...

„Тише“, предостерегающе снова сказала жена и, чтобы уклониться отъ опаснаго направленія бесѣды, прибавила: „Ты освободилъ свои цвѣты, но ты забылъ про бѣдную скотину, которая всю зиму стояла на привязи въ темномъ хлѣву“.

„И то правда“, сказали священникъ и оставилъ лопату, „но тогда дѣти должны посмотреть!“

И священникъ немедленно пошелъ къ хлѣву, расположенному въ самомъ концѣ строенія, изъ котораго состояла вся усадьба; тамъ онъ отвязалъ обѣихъ коровъ, открылъ загородку для овецъ и отдѣленіе для телятъ и свиной хлѣвъ. Первою вышла корова съ колокольчикомъ и остановилась въ воротахъ; свѣтъ, казалось, ослѣплялъ ее, когда она вытянула шею впередъ и почувяла солнце; потомъ она осторожно пошла по мосту, глубоко вздохнула нѣсколько разъ, такъ что животъ вздулся; потомъ стала нюхать землю и, точно охваченная радостнымъ воспоминаніемъ прошлогодней весны, подняла хвостъ и поскакала вверхъ по холму, прыгая черезъ камни и кустики, и потомъ галопомъ понеслась къ колодцу. Вышла вторая корова, вышли телята и овцы и нако-

нецъ—поросята. Но за ними вышелъ священникъ съ палкой, потому что онъ забылъ закрыть садовыя ворота, и вотъ началось состязаніе, въ которомъ скоро приняли участіе и оба мальчика, съ восторгомъ выгоняя скотину изъ сада. Но когда старая кухарка увидѣла, какъ пастырь въ курткѣ бѣгалъ по холму, она начала бояться, что люди скажутъ, и высунулась въ окно, тогда какъ жена стояла на лѣстницѣ и такъ звонко и такъ мило смѣялась. Но молодому священнику было такъ привольно и такъ весело и дѣтски забавно видѣть, какъ животныя радовались концу зимняго заключенія, что онъ забылъ и приходъ и епископа, и бѣжалъ вдоль проѣзжей дороги, стараясь загнать скотину въ паровое поле.

Вдругъ его жена окликнула его по имени, и, обернувшись, онъ увидѣлъ чужую женщину, стоявшую возлѣ нея на крыльцѣ. Стыдась и сердясь въ душѣ, онъ оправилъ свое платье, пригладилъ волосы подъ шляпой и пошелъ домой, стараясь придать своему лицу торжественное выраженіе.

Подойдя ближе, онъ узналъ маленькую женщину, которую онъ громилъ въ церкви за отсутствіе единоплемя въ бракѣ. Онъ понялъ, что ей нужно было переговорить съ нимъ, и просилъ ее войти въ домъ; онъ сейчасъ же придетъ, какъ только переодѣнется.

Въ другомъ платьѣ и въ другомъ душевномъ состояніи, онъ скоро вошелъ въ комнату, гдѣ ждала его несогласная жена. Онъ спросилъ, что ей нужно. Она объяснила, что, по соглашенію съ мужемъ, она бросаетъ семью, разъ церковь не разрѣшила развода на другихъ условіяхъ. Священникъ остался недоволенъ и хотѣлъ прибѣгнуть къ энцикликамъ и Посланію къ Коринѳянамъ, но въ открытое окно слышалъ скрипъ песка на садовой дорожкѣ: онъ хорошо зналъ легкіе, плавные шаги и скрипъ песчинокъ проникалъ въ его совѣсть.

„Вашъ поступокъ, женщина“, сказалъ онъ, „исполненъ мужества, и все же это—грѣхъ!“

„Въ этомъ нѣтъ грѣха, вы одни называете это такъ“, отвѣчала женщина такъ рѣшительно, точно въ дни и ночи отчаянія взвѣсила свой поступокъ.

Священникъ былъ возмущенъ и подыскивалъ рѣзкія слова, но снова слышалъ нѣсколько короткихъ рѣзкихъ вскриковъ песка подъ ногами за окномъ.

„Вы все же подадите дурной примѣръ прихожанамъ“, сказалъ онъ.

„И еще худшій, если я останусь“, отвѣтила женщина.

„Вы лишитесь наслѣдства“.

„Знаю“.

„Вы потеряете ваше доброе имя“.

„Это я тоже знаю, но я снесу все, разъ я невиновна“.

„Но вашъ ребенокъ“?

„Я беру его съ собой“.

„Что скажете на это вашъ мужъ? Бросивъ семью, вы не имѣете никакого права на вашего ребенка“.

„Не имѣю? На моего собственнаго ребенка“?

„Ребенокъ всегда принадлежитъ двумъ“.

„Тогда для разрѣшенія этого спора не хватитъ всей мудрости Соломона. Но я могу прекратить этотъ споръ, насколько въ моихъ силахъ, положивъ всему конецъ. Я пришла къ вамъ просить свѣта, а вы ведете меня въ темное подземелье, гдѣ вы гасите свѣтъ и уходите своей дорогой. Я знаю одно: гдѣ кончилась любовь, тамъ остается только грѣхъ и униженіе; я не хочу жить въ грѣхѣ, поэтому, разрываю“.

Подъ самымъ окномъ послышалось усиленное дыханіе, точно кто-то старался подавить свое волненіе; священникъ боролся; потомъ онъ сказалъ:

„Какъ служитель церкви я лишь могу придерживаться слова Божьяго, а оно незыблемо, какъ скала; какъ человекъ, я могу лишь сказать то, что подсказываетъ мое сердце, но что можетъ быть грѣшно, ибо людское сердце—хрупкая вещь.“

Идите съ миромъ и не расторгайте, что сочеталъ Господь“.

„Нѣтъ, не что сочеталъ Господь, но что постановили родители вступившихъ въ бракъ. У васъ не нашлось ни одного слова утѣшенія для меня въ трудномъ пути, на который я вступаю“.

Священникъ отрицательно покачалъ головою.

„Дай Богъ вамъ никогда не получить камня, когда вы будете просить хлѣба“, почти съ угрозой въ голосѣ сказала женщина и ушла.

Священникъ снова сбросилъ рясу, вздохнулъ и старался прогнать непріятныя чувства, вызванныя этимъ свиданіемъ. Выходя изъ дому, онъ встрѣтилъ свою жену замѣчаніемъ, что ему искренно жаль этой бѣдной женщины.

„Почему же ты не сказалъ ей этого?“ замѣтила жена, которая, повидимому, была въ курсѣ дѣла.

„Есть вещи, которыхъ не говорятъ“, отвѣтилъ мужъ.

„Кому же ихъ нельзя говорить?“

„Кому? — Церковь, какъ и государство, — божественные замыслы, дружокъ, но осуществленные слабыми людьми, несовершенными въ своемъ осуществленіи; поэтому слабымъ людямъ нельзя говорить, что ихъ учрежденія несовершенны, иначе они начнутъ сомнѣваться въ ихъ божественномъ происхожденіи“.

„Но если при видѣ ихъ несовершенства люди начнутъ сомнѣваться въ ихъ божественномъ происхожденіи и при ближайшемъ изслѣдованіи окажется, что они лишены божественнаго происхожденія“...

„Во имя всего святаго я думаю, что дьяволъ сомнѣнія царить въ современномъ воздухѣ! Развѣ ты не знаешь, что первый, кто сталъ спрашивать, навлекъ на человѣчество осужденіе? И папскій легатъ на церковномъ соборѣ не безъ основанія назвалъ эту страну испорченной“.

Жена взглянула на него, точно хотѣла узнать, насколько онъ шутилъ, на что мужъ отвѣтилъ улыбкой.

„Ты не долженъ шутить такъ“, сказала жена; „вѣдь я легко могу повѣрить тому, что ты говоришь. Впрочемъ, я никогда не знаю, говоришь ли ты серьезно или шутишь. Ты еще отчасти вѣришь тому, что говоришь, но ты и не вѣришь: Ты такъ колеблешься, точно ты самъ одержимъ духами, о которыхъ ты говорилъ“.

Чтобы не углубляться въ разрѣшеніе вопроса, который онъ хотѣлъ оставить лучше неразрѣшеннымъ, священникъ предложилъ поѣхать на лодкѣ къ красивому мѣсту, гдѣ по крайней мѣрѣ имѣлось нѣсколько лиственныхъ деревьевъ, и пообѣдать тамъ.

Скоро священникъ сидѣлъ на веслахъ, и зе-

ленный челнъ поплылъ по тихой водѣ, тогда какъ дѣти старались рвать прошлогодній камышъ, въ сухихъ листьяхъ котораго весеній вѣтеръ шепталъ о пробужденіи отъ зимняго сна. Священникъ снялъ рясу и надѣлъ куртку, которую онъ называлъ своимъ старымъ человѣкомъ и, какъ привычный гребецъ, полмили работалъ веслами—до маленькаго холма съ березами, выступавшаго, какъ островокъ, въ каменномъ морѣ. Пока жена накрывала къ обѣду, мужъ бѣгалъ кругомъ съ мальчиками и собиралъ ранніе цвѣты.

Онъ училъ ихъ стрѣлять изъ лука и вырѣзалъ имъ дудочки. Онъ лазилъ по деревьямъ и катался въ травѣ, какъ мальчикъ, и позволялъ ѣздить на себѣ, какъ на лошади, закусивъ поводья, при звонкомъ смѣхѣ дѣтей. Онъ становился все возбужденнѣе, и когда мальчики начали стрѣлять въ цѣль въ его длинную рясу, висѣвшую на березѣ, онъ разразился такимъ хохотомъ, что лицо у него посинѣло.

„Ахъ, дай мнѣ быть человѣкомъ, по крайней мѣрѣ, среди Божьей природы“, сказалъ онъ. И жена ничего не могла возразить противъ этого.

Обѣдъ былъ накрытъ на травѣ, и священникъ былъ такъ голоденъ, что забылъ прочитать молитву, за что онъ навлекъ на себя замѣчаніе мальчиковъ:

„Папа не молится за столомъ“, сказали они.

„Я тутъ не вижу никакого стола“, отвѣтилъ онъ и сунулъ большой палецъ въ масло. Это безмѣрно развеселило малютокъ.

„Держи ноги смирно подъ столомъ, Перъ“, сказалъ онъ. „Не клади ноги на столъ, Нильсъ“, сказалъ онъ. И малыши хохотали такъ, что чуть было не подавились ѣдой. Никогда имъ не было такъ весело, потому что они никогда не видѣли отца такимъ радостнымъ, и онъ долженъ былъ повторять свои шутки одну за другой, и онъ всегда принимались съ одинаковымъ восторгомъ.

Но время приближалось къ вечеру и нужно было думать о возвращеніи. Все было уложено, и они пошли къ лодкѣ. Веселье еще продолжалось, но хохотъ скоро умолкъ и дѣти уснули на колѣняхъ у матери. Отецъ сталъ молчаливъ и серьезенъ, что бываетъ, когда слишкомъ много смѣются, и чѣмъ ближе подѣзжали къ дому, тѣмъ онъ становился замкнутѣе. Иногда онъ пытался сказать что-нибудь веселое, но это звучало такъ рѣзко и тоскливо. Солнце бросало косые лучи на безконечныя поля, вѣтеръ утихъ, и на всей природѣ почил сумрачное безмолвіе и покой, лишь изрѣдка нарушаемый мычаніемъ коровы или страстнымъ крикомъ кукушки.

„Кукушка кукуетъ, душа не ликуетъ“, сказалъ священникъ, точно этимъ онъ хотѣлъ дать давно искомое выраженіе своей подавленности.

„Это—дѣйствительно, когда слышишь ее въ первый разъ“, утѣшала жена, „она уже утормъ куковала—къ радости“.

Теперь показалась крыша хлѣва и надъ нею церковная башня. Они причалили къ мостику и отецъ взялъ обоихъ спящихъ малютокъ и отнесъ ихъ въ избу. Потомъ онъ простился съ женою и поблагодарилъ ее за пріятную компанію; теперь ему была пора служить вечерню.

Онъ взялъ молитвенникъ и ушелъ. Когда онъ вышелъ на дорогу, раздался вечерній звонъ. Онъ прибавилъ шагу. Издали, онъ увидѣлъ народъ возлѣ церкви. Это было нѣсколько необычно, потому что, кромѣ пономаря, къ вечернѣ никто не ходилъ. Ему показалось, что кто-нибудь видѣлъ его подъ березами на холмѣ. Онъ боялся, не подслушали ли его разговоръ съ женою. Онъ не на шутку испугался, когда, подойдя къ церковной двери, онъ замѣтилъ пару лошадей въ блестящей сбруѣ и архидіакона изъ архіепископской резиденціи въ Упсалѣ, въ сопровожденіи слугъ. Діаконъ, очевидно, ждалъ его, потому что подошелъ прямо къ священнику и просилъ дать ему возможность переговорить съ нимъ по окончаніи службы. Никогда онъ съ такимъ сердечнымъ жаромъ не творилъ вечерней молитвы, и со страхомъ въ груди призывалъ всѣхъ святыхъ на защиту отъ невѣдомой опасности. Отъ поры

до времени онъ бросаль взглядъ на дверь, гдѣ, какъ палачъ, стояль діаконъ, и ждалъ своей жертвы, и, сказавъ аминь, священникъ тяжелымъ шагомъ пошелъ подъ ударъ, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что наступитъ какое-то несчастье.

„Я не хотѣль беспокоить васъ въ домѣ“, началъ посоль архіепископа, „ибо мое дѣло такого свойства, что требуетъ тихаго мѣста и близости святыни, придающей нашимъ сердцамъ крѣпости. Со мною посланіе вселенскаго собора, которое очень глубоко задѣваетъ самую интимную сторону частной жизни“.

Здѣсь онъ остановился, увидѣвъ страхъ своей жертвы, и вынулъ пергаментъ, который молодой священникъ развернулъ и сталъ читать.

„Dilectis in Christo fratribus!.. Возлюбленной братіи во Христѣ!..“ прочелъ онъ;— „Episcopus Sabinensis, apostolicae sedis legatus... епископъ сабинскій, посоль римскаго престола...“

Глаза скользили по мелкоисписаннымъ строкамъ, пока вдругъ не остановились на словахъ, которыя, казалось, были начертаны огнемъ, потому что лицо и глаза молодого человѣка какъ бы превратились въ пепель.

Діакону, очевидно, было жаль его и онъ сказалъ:

„Какъ видите, требованіе церкви сурово: до конца года всѣ браки священниковъ должны быть расторгнуты; ибо истинный служитель Господа не

можетъ жить въ плотской связи съ женщиной, не оскверняя святыни, которой онъ касается, и его сердце не можетъ дѣлиться между Христомъ и грѣховнымъ потомкомъ первой женщины".

„Что сочеталъ Господь—человѣкъ да не расторгнетъ“, придя, наконецъ, въ себя, отвѣтилъ священникъ.

„Это примѣнимо только къ вѣрующимъ мірянамъ; но когда того требуетъ высшая цѣль церкви Христовой, то законъ нарушается. И замѣтите разницу: человѣкъ да не расторгнетъ. Стало быть, здѣсь имѣется въ виду лишь вмѣшательство человѣка; но въ данномъ случаѣ вмѣшивается Богъ, черезъ своего слугу, и расторгаетъ, что Богъ сочеталъ; значитъ, къ данному случаю отнюдь не примѣнимо то, что примѣнимо ко всѣмъ остальнымъ случаямъ“.

„Но вѣдь самъ Богъ учредилъ бракъ?“ замѣтилъ уничтоженный священникъ.

„Я же про то и говорю, и поэтому онъ въ правѣ расторгать его“.

„Но этой жертвы Господь не станетъ требовать отъ слабыхъ слугъ своихъ“.

„Потребовалъ же Господь отъ Авраама принести въ жертву своего сына Исаака“.

„Тогда сердца должны разбиться“.

„Совершенно вѣрно; сердца должны разбиться,—тѣмъ глубже они начнутъ пылать“.

„Милосердый Богъ никогда не можетъ требовать подобнаго“.

„Милосердый Богъ распялъ своего Сына на крестѣ! Мірѣ не увеселительный садъ! Тщета, суета! И вы можете утѣшить себя тѣмъ, что булла...“

„Нѣтъ, Боже Всемогущій, не надо буллы; г. діаконъ, ради Отца Небеснаго, дайте мнѣ искру надежды; погрузите въ воду вашъ палецъ и погасите огонь отчаянія, который вы зажгли, скажите, что это невозможно, внушите себѣ вѣру, что все это—предложеніе, которое не было принято“.

Діаконъ указалъ на печать и сказалъ;

„Presentibus consulentibus et consentientibus ... это уже рѣшено и подписано. А что касается энциклики, мой юный другъ, то въ ней такая сокровищница мудрости, что она послужитъ къ просвѣщенію ослѣпленныхъ душъ, и, желая дать вамъ добрый дружескій совѣтъ, я вамъ скажу: читайте энциклику, читайте ее утромъ и вечеромъ, и вы увидите, что успокоитесь и примиритесь“.

Несчастный священникъ думалъ о камнѣ, который онъ положилъ въ руку отчаявшейся женщины утромъ того же дня, и его голова поникла подъ ударомъ.

„Итакъ“, сказалъ діаконъ, „воспользуйтесь

короткимъ срокомъ; подуло лѣтнимъ вѣтромъ, земля зацвѣла, и въ нашей странѣ заворковала горлица! Въ Сильвестровъ день, ultimo mensis Decembris, я приѣду снова, и тогда вашъ домъ будетъ выметенъ и тщательно вычищенъ, какъ если бы самъ Христосъ долженъ былъ вступить въ него, и это подъ страхомъ отлученія. Покуда что, изучите повнимательнѣе вотъ этотъ документъ.—Прощайте!—И не забудьте прочесть энциклику“.

Онъ сѣлъ на своего бѣлаго коня и уѣхалъ, чтобы до ночи добраться до сосѣдняго прихода и, какъ апокалиптическій рыцарь, посѣять и тамъ горе и несчастье.

Г. Педеръ изъ Расбу былъ раздавленъ. Онъ не посмѣлъ итти домой сейчасъ же, но бросился въ церковь, гдѣ онъ палъ ницъ предъ алтаремъ. Позолоченный алтарь былъ открытъ и красные лучи вечерняго солнца освѣщали Шествіе Спасителя на Голгоѳу. Священникъ въ это мгновеніе не былъ грозящимъ и карающимъ Господнимъ Судіей, но, какъ караемый мірянинъ, онъ самъ приникъ къ землѣ и молилъ о милости. Онъ взглядывалъ вверхъ на Христа, но онъ не видѣлъ никакого состраданія. Онъ взялъ чашу изъ руки предложившаго и испилъ ее до дна; Онъ несъ свой крестъ на израненныхъ плечахъ на этотъ крутой холмъ, гдѣ его должны были распять, но надъ

распятымъ разверзлись небеса. Стало быть, было нѣчто выше и позади этого страданія. Онъ началъ искать основанія этой великой человѣческой жертвѣ, которая должна была распространиться теперь на всю страну. Церковь увидѣла, какъ люди начали сомнѣваться въ правѣ священниковъ судить и карать, потому что люди нашли своихъ судей обремененными людскими слабостями. Теперь духовенство должно было доказать свою готовность вырвать сердце изъ груди во имя Христа и возложить его на алтарь. Но, продолжалъ его мятежный умъ, христіанство уничтожило человѣческую жертву. Мысли шли своимъ собственнымъ путемъ и онъ думалъ: можетъ быть былъ какой-нибудь смыслъ—въ жертвѣ древнихъ язычниковъ. Араамъ былъ язычникъ, потому что онъ не зналъ Христа, а вѣдь онъ былъ готовъ принести въ жертву своего сына по приказанію Бога. Казнили Христа, всѣ святые мученики были казнены, почему же тогда щадить его? Не оказывалось никакого основанія, и онъ долженъ былъ признаться, что если люди должны были вѣрить его проповѣди и впредь, то они могли также требовать, чтобы онъ пожертвовалъ самымъ дорогимъ, самымъ собою, потому что онъ и его жена были одно. Онъ долженъ былъ признать это, и онъ почувствовалъ странно-новое наслажденіе при мысли о предстоящихъ чудовищныхъ

мукахъ, и вотъ явилось высокоуміе и манило мученическимъ вѣнцомъ, возвышавшимъ его надъ толпой этихъ прихожанъ, на которыхъ онъ привыкъ взирать съ высоты алтаря, но которые теперь начали поднимать свои головы и упорно грозить этому возвышенному мѣсту штурмомъ.

Подкрѣпленный и пробужденный этою мыслью, онъ всталъ и подошелъ къ алтарю. Онъ больше не былъ раздавленнымъ грѣшникомъ, но праведникомъ, который заслужилъ себѣ мѣсто подлѣ Христа, потому что онъ страдалъ столько же, какъ Онъ. Онъ гордо смотрѣлъ на эти скамейки для молящихся, похожія на колѣнопреклоненныхъ въ темнотѣ, и онъ бросалъ на ихъ головы осужденіе праведника, потому что они не хотѣли вѣрить его проповѣди. Онъ разорвалъ свое платье и обнажилъ передъ ними свою окровавленную грудь, гдѣ осталось пустое отверстіе отъ сердца, которое онъ отдалъ Богу. Онъ просилъ маловѣрныхъ положить свои руки въ его рану и убѣдиться. Онъ чувствовалъ, какъ онъ выросъ отъ страданія, и его слишкомъ возбужденное воображеніе привело его въ экстазъ, и дѣятельность его мысли на мигъ остановилась и ему казалось, что онъ—одно съ Христомъ.—Дальше ему нельзя было зайти, и онъ поникъ, какъ разорванный вѣтромъ парусъ, когда вошелъ церковный сторожъ и хотѣлъ запереть.

По дорогѣ домой, утративъ экстазъ, онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, и онъ охотно вернулся бы въ церковь, если бы нѣчто невыразимое, проявляющееся въ видѣ слабаго чувства долга, не звало его домой. И чѣмъ ближе онъ подходилъ, тѣмъ тягостнѣе становилось это чувство, и тѣмъ онъ, казалось, становился меньше. Но когда онъ вошелъ въ дверь, и его жена встрѣтила его съ открытыми объятіями и обезпокоеннымъ вопросомъ, почему онъ замѣшкался, и когда онъ почувствовалъ славную теплоту отъ плиты и увидѣлъ спящихъ дѣтей, такихъ спокойныхъ и цвѣтущихъ, тогда онъ понялъ все значеніе того, что теперь ему предстояло покинуть, и онъ раскрылъ свое сердце, куда хлынула вся его молодая кровь, и онъ почувствовалъ всю непреодолимую силу первой любви, которая можетъ вынести все, проснуться вновь, и поклялся никогда не покидать возлюбленную своего сердца, и оба супруга снова почувствовали себя молодыми, и они просидѣли рядомъ до полуночи, и они говорили о будущемъ и какъ имъ уйти отъ грозящей опасности.

* * *

Лѣто пронеслось для счастливой четы, какъ прекрасный сонъ, во время котораго они забыли, что предстояло пробужденіе.

Между тѣмъ, папское посланіе стало извѣстно прихожанамъ, которые приняли его съ извѣстнымъ злорадствомъ, частью желая своимъ духовнымъ властелинамъ маленькаго испытанія чистищемъ, частью надѣясь, что ихъ пастыри, вынужденные впредь жить безъ семьи, будутъ обходиться дешевле. Далѣе, среди прихожанъ нашлась кучка благочестивыхъ, которые принимали все, что исходило отъ епископа и папы, какъ если бы оно исходило отъ неба. Они всесторонне обсуждали вопросъ и пришли къ тому заключенію, что плотская связь между священникомъ и женщиной должна быть грѣховна. Эти благонравные люди, ожидавшіе, что домъ священника будетъ очищенъ отъ скверны непосредственно послѣ объявленія воли Церкви, видя, что ихъ пастырь не подаетъ ни малѣйшаго признака послушанія, начали возбуждать народъ. Недовольство возросло, когда въ церковную башню ударила молнія. Потомъ оказался неурожай осенью. Ропотъ увеличился, и благочестивые отправили къ священнику выборныхъ, съ заявленіемъ, что они не намѣрены принимать причастіе изъ рукъ священника, живущаго въ грѣхѣ. Они требовали, чтобы онъ сейчасъ же отказался отъ брачнаго ложа съ женою, съ которою онъ больше не имѣетъ права приживать дѣтей, такъ какъ, молъ, они должны быть признаны незаконнорожденными, и они грозили очи-

стить пасторскій домъ огнемъ, если онъ не будетъ очищенъ къ концу стараго года.

Чтобы показать приходу, что его брачный союзъ основанъ не на плоти, г. Педеръ велѣлъ вынести большую постель на дворъ, и впредь спать въ кухнѣ.

На нѣкоторое время все затихло, но въ священникѣ начала появляться замѣтная перемѣна. Онъ ходилъ въ церковь чаще, чѣмъ было нужно, и оставался тамъ до поздняго вечера. Онъ сталъ замкнуть и холоденъ по отношенію къ своей женѣ и какъ бы боялся встрѣчаться съ нею. Онъ могъ сидѣть съ ребенкомъ на колѣняхъ по цѣлымъ часамъ и ласкать, не говоря ни слова.

Въ Мартыновъ день, въ ноябрѣ, явился соборный діаконъ и имѣлъ очень длинный разговоръ съ г. Педеромъ. Ночью послѣдній спалъ на чердакѣ, и потомъ все время продолжалъ спать тамъ. Жена не говорила ничего, и смотрѣла на все происходившее безъ надежды измѣнить что-нибудь. Ея душевная гордость не позволяла ей искать сближенія, и такъ какъ мужъ началъ ѣсть въ особые часы, то они встрѣчались рѣдко. Онъ весь посѣрѣлъ и глаза у него ввалились; онъ никогда не ужиналъ и спалъ на голомъ полу подъ грубымъ одѣяломъ.

Наступало Рождество. Г. Педеръ, вечеромъ, за два дня до сочельника, пришелъ въ избу и

сѣлъ у плиты. Жена чинила дѣтскія платья. Долгое время царило отвратительное молчаніе; наконецъ, мужъ сказалъ:

„Дѣтямъ нужно что-нибудь къ Рождеству; кто поѣдетъ въ городъ?“

„Я поѣду“, отвѣтила жена, „но я возьму дѣтей съ собой. Хочешь?“

„Я просилъ Господа, чтобы эта чаша миновала меня, но Онъ не пожелалъ, и я отвѣтилъ Ему: да будетъ не моя воля, а Твоя!“

„Ты увѣренъ, что ты знаешь волю Господню?“ покорно сказала жена.

„Какъ въ томъ, что у меня живая душа!“

„Я уѣзжаю завтра къ родителямъ, они ждутъ меня,“ сказала жена беззвучнымъ, но твердымъ голосомъ.

Священникъ всталъ и быстро вышелъ, какъ если бы онъ услышалъ свой смертный приговоръ. Вечеръ былъ искристо-холодный, звѣзды мерцали на голубовато-зеленомъ небѣ, и передъ схваченнымъ отчаяніемъ странникомъ безконечно раскинулась покрытая снѣгомъ равнина, и его путь, казалось, былъ направленъ прямо къ звѣздамъ, которыя сверкали у самага горизонта и какъ бы поднимались изъ бѣлой земли. Онъ шель и шель, все дальше, дальше; онъ чувствовалъ себя, какъ конь на привязи, который бѣжитъ, но котораго веревка тянетъ назадъ, всякій разъ,

когда онъ думаетъ, что онъ свободенъ. Онъ проходилъ мимо избушекъ, гдѣ былъ свѣтъ, и видѣлъ, какъ тамъ мели и чистили и варили къ недалекому Рождеству. Просыпались мысли о своемъ собственномъ недалекомъ Рождествѣ. Онъ представилъ свой домъ пустымъ, нетопленнымъ, безъ свѣта, безъ нея, безъ дѣтей. Ноги подъ нимъ горѣли, но его тѣло мерзло. Онъ шелъ и шелъ, не зная, куда. Наконецъ, онъ остановился у какой-то избушки. Ставни были закрыты, но полоска свѣта пробилась наружу и провела желтую черту на снѣгъ. Онъ подошелъ и приложилъ глазъ къ щели. Онъ увидѣлъ комнату, гдѣ скамейки и столъ были завалены платьемъ: маленькимъ дѣтскимъ бѣльемъ, чулками, дѣтскими блузками. Стоялъ открытый ящикъ, и на крышкѣ висѣло бѣлое платье, тонкая талія котораго обратила его вниманіе; на передней сторонѣ его былъ замѣтенъ отпечатокъ круглой дѣвичьей груди; у одного плеча былъ пристегнутъ зеленый вѣнокъ. Былъ ли то саванъ или вѣнчальное платье? Онъ удивлялся, что въ одно и то же время одѣваютъ трупъ и готовятся къ вѣнцу; онъ увидѣлъ тѣнь на стѣнѣ; иногда она была длиннѣе и, помаясь, исчезала на потолокъ, иногда же ползла по землѣ. Наконецъ, она остановилась на бѣломъ платьѣ. Маленькая голова въ вязаномъ чепчикѣ выступила на свѣтломъ фонѣ. Этотъ лобъ, этотъ носъ, этотъ ротъ

онъ видѣлъ раньше. Гдѣ онъ былъ? Тѣнь исчезла въ ящикѣ, и въ свѣтѣ появилось лицо, которое не могло принадлежать живому, такимъ блѣднымъ и невыразимо страдающимъ показалось оно, и лицо смотрѣло ему въ глазъ, и глазъ у него пылалъ, и онъ почувствовалъ, какъ слезы катились по его щекамъ и заставляли таять снѣгъ на подоконникѣ. И потомъ глаза въ избушкѣ стали такими нѣжными, исполненными мольбы, что, казалось, онъ увидѣлъ Св. Екатерину на колесѣ, взывающую о милости къ императору Децію. Да, то была она, а онъ былъ императоръ. Онъ долженъ помиловать ее? Нѣтъ, отдайте кесарево кесарю, говоритъ Слово, а небо и земля преидутъ, но мои слова не преидутъ. Никакой милости! Но онъ не долженъ былъ выдерживать этотъ взглядъ, если онъ хотѣлъ остаться столь же сильнымъ и впредь; поэтому онъ долженъ былъ уйти. Онъ поплелся теперь туда, въ садъ, гдѣ лежалъ снѣгъ на его закрытыхъ цвѣточныхъ кустахъ, такъ что они были похожи на маленькія дѣтскія могилы. Кто лежалъ въ этихъ маленькихъ могилахъ? Его дѣти! Его здоровья, краснощекія дѣти, которыхъ Господь приказалъ принести въ жертву, какъ Авраамъ принесъ въ жертву Исаака. Но Авраамъ отдѣлался страхомъ! Это—Богъ ада, разъ онъ могъ быть столь безчеловѣченъ. Должно быть, это—дурной Богъ, разъ онъ проповѣдывалъ любовь къ людямъ, а

самъ вель себя, какъ палачъ. Онъ долженъ сейчасъ же отправиться къ нему; отправиться къ нему, въ его собственный домъ, и онъ долженъ заговорить съ нимъ, и требовать объясненія. Онъ вышелъ изъ сада, на холмъ. Тамъ онъ наткнулся на огромный гробъ, но онъ былъ на двоихъ. Нѣтъ, то была кровать; она была постлана нѣжнѣйшимъ, только что выпавшимъ снѣгомъ, бѣлымъ, какъ гагачій пухъ, и теплымъ, какъ перья живой птицы. Это было ложе сладострастья. Здѣсь Клеопатрѣ слѣдовало бы справлять свадьбу съ Голиаѳомъ.—Онъ грызъ боковую доску кровати, какъ собака, когда у нея зудятъ молодые зубы.—Смуглая Клеопатра на бѣломъ снѣгу! Вотъ было бы зрѣлище! Онъ побрелъ дальше по сугробамъ и ухватился за маленькую елку у кучи дровъ. Это была рождественская елка, вокругъ которой плясали бы дѣти, если бы они жили. Тутъ онъ вспомнилъ, что ему нужно пойти къ Богу, отнявшему у него дѣтей, и потребовать у него отвѣта. Церковь была недалеко, но когда онъ подошелъ къ ней, она была заперта. Тогда имъ овладѣло бѣшенство. Онъ сталъ разрывать снѣгъ, пока не наткнулся на камень, и онъ началъ ударять имъ въ дверь такъ сильно, что въ церкви его стукъ отзывался громомъ, и въ то же время онъ громко кричалъ:

„Выходи, Молохъ, пожирающій дѣтей, я рас-

порю тебѣ животъ! Выходите, Христось и Святая Екатерина, выходите всѣ святые и дьяволы, вы будете воевать съ императоромъ Деціемъ изъ Расбу! Эй! Вы нападаете сзади, легионы преисподней!“

Онъ вышелъ за церковную ограду и съ силою бѣшенаго сломалъ молодую липу; вооружившись ею, онъ обрушился на воинство маленькихъ могильныхъ крестовъ, которые, казалось, раскрывъ объятія, двинулись къ нему. Они не отступали, и онъ шелъ впередъ, какъ смерть со своею косой, и онъ не кончилъ, пока не повалилъ всѣ, такъ что земля покрылась щепками.

Но силы у него еще не изсякли. Теперь онъ долженъ былъ ограбить трупы и свалить въ одну кучу убитыхъ и раненыхъ. Ношу за ношей, онъ носилъ ихъ къ церковной стѣнѣ и громоздилъ подъ однимъ изъ оконъ. Когда все было готово, онъ вскарабкался вверхъ, выбилъ окно и спустился въ церковь. Внутри все было освѣщено сѣвернымъ сіяніемъ, которое раньше было скрыто отъ него высокой церковной крышей. Новое нападеніе на угрожающія церковныя скамейки, которыя онъ превратилъ въ груды щепокъ. Его взглядъ упалъ на главный алтарь, гдѣ надъ изображеніемъ Страстей Господнихъ, на тучѣ, возсѣдалъ Іегова съ молніей завѣта въ своей рукѣ. Онъ скрестилъ руки на груди и насмѣшливо смотрѣлъ на строгаго Мужа надъ тучею.

„Сойди внизъ, слышишь!“ кричалъ онъ. „Сойди внизъ, мы будемъ бороться!“

Видя, что его вызовъ не принимается, онъ схватилъ кусокъ дерева и бросилъ въ своего врага. Съ грохотомъ, онъ попалъ въ гипсовый орнаментъ, который обрушился и поднялъ тучу пыли.

Онъ взялъ еще полѣно, и еще, и швырялъ съ возрастающимъ бѣшенствомъ промаха. Тучи падали, кусокъ за кускомъ, подъ его громкій хохоть, молнія завѣта выпала изъ руки всемогущаго; наконецъ, тяжелый образъ съ ужасающимъ трескомъ рухнулъ внизъ на алтарь и раздробилъ подсвѣчники при паденіи.

Но тутъ богохульникъ былъ пораженъ ужасомъ и выскочилъ въ окно.

* * *

Наканунѣ сочельника, утромъ, одинъ изъ прихожанъ увидѣлъ странное зрѣлище у дома священника. Отъ дома отѣхали сани съ женщиною, двумя дѣтьми и работникомъ, и направились къ западу. Съ востока, на разстояніи четверти мили отъ саней, въ сопровожденіи прихожанъ, бѣжалъ священникъ и громкимъ крикомъ умолялъ сани остановиться. Но сани продолжали свой путь и исчезли за поворотомъ. Тогда свя-

щенникъ свалился въ сугробъ снѣга, поднявъ сжатый кулакъ къ небу.

Позднѣйшія извѣстія сообщали, что священникъ былъ опасно боленъ лихорадкой, и будто дьяволъ, отъ злости, что не могъ завладѣть служителемъ Господнимъ въ только что пережитой борьбѣ противъ расторженія брака, самымъ чудовищнымъ образомъ неистовствовалъ въ церкви; но чтобы проникнуть въ нее и имѣть власть надъ нею, сначала онъ сломалъ всѣ кресты на кладбищѣ: Что вмѣстѣ взятое возстановило репутацію г. Педера и вдобавокъ придало ему отгѣнокъ святости, чѣмъ были очень довольны благочестивые, такъ какъ они были побудительной причиною очищенія пасторскаго дома.

Сказка о С. Готардѣ

Вечеръ, въ субботу, въ Гёшененѣ, въ кантонѣ Ури, въ одномъ изъ четырехъ первыхъ кантоновъ, въ кантонѣ Вильгельма Телля и Вальтера Фюрста. На сѣверномъ склонѣ С. Готарда, гдѣ говорятъ по-нѣмецки и живутъ тихіе, привѣтливые люди, самостоятельно управляющіе своими дѣлами, гдѣ, какъ защита отъ лавинъ и горныхъ обваловъ, стоитъ „священный лѣсъ“,—тамъ-то расположенъ зеленый городокъ, у богатаго форелями ручья съ мельницей.

Теперь, въ субботу, послѣ вечерняго звона, собираются мѣстныя жители, у колодца подъ большимъ орѣшникомъ.

Является почтмейстеръ, старшина и самъ полковникъ, всѣ въ однѣхъ рубашкахъ и съ косами на плечахъ. Послѣ дневной работы они приходятъ мыть косы, потому что трудъ здѣсь въ почетѣ, и лучшимъ считается то, что человекъ сдѣлалъ самъ. Потомъ являются подростки тоже съ косами, и дѣвушки съ подойниками; послѣдними являются доморощенные коровы исполинской породы, гдѣ каждая корова величиною съ быка. Плодородный

край, благословенный край; но виноградъ не растеть на сѣверномъ склонѣ С. Готарда, ни олива, ни шелковичное дерево, ни пышный маисъ. Зеленая трава и золотистыя коровы, высокій орѣшникъ и мясистая свекла,—все мѣстное богатство.

Гостинница Золотой Конь расположена у колодца, подъ отвѣсной стѣной С. Готарда; и тамъ-то, въ саду, сидятъ они теперь за единственнымъ столомъ послѣ дневной работы, усталые косари,— всѣ за однимъ столомъ, безъ чиновъ: старшина, почтмейстеръ, полковникъ, вмѣстѣ съ батраками; владѣлецъ фабрики соломенныхъ шляпъ и его рабочіе, мелкіе сапожники городка, учитель и остальные.

Они бесѣдуютъ объ урожаѣ и молочномъ хозяйствѣ: и поютъ хоромъ пѣсни, звучація простыми трезвучіями, какъ пастушескій рожокъ и колокольчики въ стадѣ коровъ. Они поютъ о веснѣ и ея чистыхъ радостяхъ, исполненныхъ такой вѣры и такой надежды.

И пьютъ свѣтлое пиво.

Потомъ молодежь направляется играть, бороться и прыгать, потому что завтра—праздникъ стрѣлковъ съ состязаніемъ, гдѣ цѣнится ловкость.

И поэтому рано протрубили зарю на рожкахъ въ этотъ вечеръ, чтобы никто не явился не выспавшись и сонный на праздникъ, такъ какъ честь городка ставилась на карту.

*

Настало воскресенье съ колокольнымъ звономъ и солнечнымъ свѣтомъ; изъ сосѣднихъ поселковъ собирався празднично-одѣтый народъ и у всѣхъ былъ видъ выпавшихся и только что поднявшихся людей. Почти у всѣхъ парней вмѣсто косъ были винтовки; дѣвушки и замужнія женщины встрѣчали ихъ испытующими и ободрительными взглядами, потому что они учились стрѣлять для защиты семьи и родины; и первый стрѣлокъ зналъ, что онъ откроетъ танцы съ первой красавицей.

И вотъ появилась огромная телѣга, запряженная четырьмя сильными лошадьми въ лентахъ и цвѣтахъ; и вся телѣга представляла одну большую бесѣдку со скамейками внутри; людей было не видно въ ней, но было слышно пѣніе оттуда, славная торжественная пѣсня, о швейцарской землѣ и швейцарскомъ народѣ, самомъ красивомъ и самомъ храбромъ народѣ.

Потомъ появилось шествіе дѣтей; они шли парно, взявшись за руки, точно они были хорошіе друзья, или маленькіе женихи и невѣсты.

И когда ударили въ колокола, всѣ отправились въ церковь.

Но богослуженіе кончилось, и начался праздникъ; и у мишеней, расположенныхъ вдоль отвѣсной громады С.-Готарда, скоро затрещали выстрѣлы.

Сынъ почтмейстера былъ первымъ стрѣлкомъ

въ городкѣ, и не было сомнѣнія, что онъ возьметъ призъ. Онъ сдѣлалъ рядъ выстрѣловъ, и попалъ четыре раза изъ шести.

Но вдругъ, на горѣ, раздались крики и трескъ; съ кручи покатались камни и щебень, и было видно, какъ ели въ священномъ лѣсу дрогнули, точно передъ бурей. И скоро на выступѣ скалы, съ ружьемъ на плечѣ и размахивая шляпой, показался дикій охотникъ Андреа изъ Айроло, итальянскаго городка въ Тессинскомъ кантонѣ, по другую сторону горы.

— Не ходи въ лѣсъ! закричали всѣ стрѣлки. Андреа не понялъ.

— Не ходи въ священный лѣсъ! гора на насъ обрушится! крикнулъ старшина.

— Пускай тогда обрушится! отвѣтилъ Андреа и съ бѣшеной быстротой пустился внизъ по кручѣ. И—вотъ и я!

— Ты опоздалъ! отвѣтилъ старшина.

— Я никогда не опаздываю, возразилъ Андреа, и подошелъ къ стрѣльбищу, шесть разъ приложилъ ружье къ щекѣ и попалъ всѣ шесть разъ.

Теперь онъ долженъ былъ быть побѣдителемъ, но у Союза стрѣлковъ были свои правила, и здѣсь не долюбивали черныхъ итальянцевъ съ противоположной стороны горы, гдѣ росъ виноградъ и пряли шелкъ. Въ этомъ сказалась старинная вражда, и выстрѣлы Андреа были не въ счетъ.

Но Андреа подошелъ къ самой красивой дѣвушкѣ, дочери самого старшины, и почтительно попросилъ у нея позволенія открыть съ нею вечерніе танцы.

Красавица Гертруда покраснѣла, потому что ей нравился Андреа; но она должна была отклонить его предложеніе.

Тогда Андреа нахмурился, и, нагнувшись впередъ, шепнулъ ей на ухо, которое покраснѣло, какъ макъ:

— Ты будешь моею, хотя бы мнѣ пришлось ждать цѣлыхъ десять лѣтъ. Восемь часовъ я карабкался черезъ гору, чтобы повидаться съ тобою, поэтому я запоздалъ; но въ слѣдующій разъ я буду въ срокъ, хотя бы мнѣ пришлось пройти сквозь гору!

Праздникъ кончился и танцы тоже. Всѣ стрѣлки сидѣли передъ Золотымъ Конемъ, и Андреа съ ними; но сынъ почтмейстера Руди сидѣлъ на возвышеніи, какъ первый стрѣлокъ, на основаніи устава, разумѣется, хотя въ дѣйствительности первымъ стрѣлкомъ былъ Андреа.

Руди вздумалось спорить.

— Ну, Андреа, сказалъ онъ, ты—превосходный охотникъ; но знаешь: застрѣлить дикую козу—пустяки, а вотъ достать ее...

— Разъ я застрѣлилъ, значитъ, и досталъ, отвѣтилъ Андреа.

— Хорошо сказано! Въ кольцо Барбароссы всѣ стрѣляли, а снять его никто не снялъ! возразилъ Руди.

— А что такое кольцо Барбароссы? спросилъ кто-то изъ пріѣзжихъ, впервые попавшій въ Гёшененъ.

— Хорошо, отвѣтилъ Руди. Вонъ оно!

И онъ указалъ на горный отвѣсъ, гдѣ большое мѣдное кольцо висѣло на крюкѣ. И онъ продолжалъ:

— Императоръ Фридрихъ Барбаросса обыкновенно этою дорогою ходилъ въ Италію; онъ прошелъ здѣсь шесть разъ и короновался и въ Миланѣ и въ Римѣ. И такъ какъ онъ при этомъ сталъ римско-нѣмецкимъ императоромъ, то велѣлъ повѣсить это кольцо на нѣмецкой сторонѣ въ знакъ обрученія Германіи съ Италіей.

И преданіе говоритъ, что если кольцо будетъ снято съ крюка, то бракъ будетъ расторгнутъ, какъ оказавшійся несчастнымъ.

— Тогда я расторгну его, сказалъ Андреа, какъ мои предки отторгли мою бѣдную страну Тичино отъ тирановъ въ Швицѣ, Ури и Унтервальденѣ.

— Развѣ ты не швейцарецъ? строго спросилъ старшина.

— Нѣтъ, я—итальянецъ изъ Швейцарскаго Союза.

При этомъ онъ зарядилъ ружье желѣзною пулей. Прицѣлился и выстрѣлил!

Кольцо подскочило; и, сорвавшись съ крюка, упало внизъ, кольцо Гогенштауфеновъ, кольцо Барбароссы.

— Да здравствуетъ свободная Италія! воскликнулъ Андреа, и замахалъ свое шляпой.

Но никто не отвѣчалъ.

Андреа поднялъ кольцо, передалъ его старшинѣ и сказалъ:

— Спрячьте это кольцо, на память обо мнѣ, и объ этомъ днѣ, когда вы поступили со мной несправедливо.

Потомъ онъ подошелъ къ Гертрудѣ и поцѣловалъ у нея руку. И вотъ онъ поднялся на гору и исчезъ; снова показался и снова исчезъ за облакомъ. Но черезъ часъ онъ опять показался, гораздо выше. То былъ не онъ, а его гигантская тѣнь на облакѣ; и онъ стоялъ съ поднятымъ кулакомъ, грозя нѣмецкому поселку.

— Это—самъ сатана! сказалъ полковникъ.

— Нѣтъ; это—итальянецъ! затѣтилъ почтмейстеръ.

— Разъ уже поздній вечеръ, сказалъ старшина, то я сообщу правительственную тайну, которая завтра появится въ газетахъ.

— Слушайте! Слушайте!

— Телеграфируютъ, что послѣ того какъ

французскій императоръ былъ взятъ въ плѣнъ при Седанѣ, итальянцы прогнали изъ Рима французскія войска; и Викторъ Эммануиль въ настоящее мгновеніе подступаетъ къ столицѣ.

— Большая новость. Тогда римскимъ прогулкамъ въ Римъ—конецъ!— Андреа, очевидно, зналъ объ этомъ, разъ онъ былъ такъ развязанъ на словахъ!

— Должно быть, онъ еще больше зналъ! сказалъ старшина.

— Что же именно? Что?

— Увидите! Увидите!

И они увидѣли.

*

Въ одинъ прекрасный день они увидѣли привъзжихъ, которые явились со своими инструментами и смотрѣли на гору; и казалось, будто они искали кольца Барбароссы, потому что какъ разъ туда была направлена подозрная труба. И они смотрѣли на компасъ, точно не знали, гдѣ былъ сѣверъ и югъ.

И потомъ былъ большой обѣдъ въ Золотомъ Конѣ, на которомъ присутствовалъ и старшина. За десертомъ говорили о милліонахъ и милліонахъ.

Прошло нѣкоторое время, и они увидѣли, какъ Золотой Конь былъ снесенъ; какъ, камень

за камнемъ, перенесли церковь и поставили ее нѣсколько въ сторонѣ; они увидѣли, какъ полгорода сравнили съ землей; какъ строились казармы; какъ ручей перемѣнилъ русло и мельница была сломана, фабрика закрылась, и скоть былъ распроданъ.

И потомъ прибыли три тысячи черныхъ рабочихъ, говорившихъ по-итальянски.

Тогда умолкли славныя пѣсни о древней швейцарской землѣ и чистыхъ радостяхъ весны.

Вмѣсто нихъ, день и ночь, стоялъ стукъ; и, гдѣ висѣло кольцо Барбаросы, заработалъ горный буравъ; и началась пальба, потому что тамъ стали рыть туннель сквозь гору.

Какъ было извѣстно, не трудно было проложить ходъ въ скалѣ; но предстояло прорвать два хода, по одному съ каждой стороны; и оба хода должны были встрѣтиться, прямо, какъ гвоздь, а этому никто не вѣрилъ, потому что предстояло прорыть полторы мили. Полторы мили!

— А вдругъ они не встрѣтятся! Тогда имъ придется начинать сначала!

Но главный инженеръ сказалъ: Они должны встрѣтиться.

А Андреа съ итальянской стороны вѣрилъ главному инженеру; потому что, какъ мы знаемъ, онъ самъ билъ мѣтко въ цѣль. Поэтому онъ поступилъ въ число рабочихъ и былъ первымъ.

Работа пришлась Андреа по душѣ. Солнечнаго свѣта, зеленыхъ луговъ и бѣлыхъ вершинъ онъ больше не видалъ; но онъ думалъ, что прорываетъ себѣ дорогу къ Гертрудѣ, ту дорогу сквозь гору, которою онъ обѣщаль прійти къ ней въ болтливое мгновеніе.

Восемь лѣтъ стоялъ онъ въ темнотѣ и надрывался. Въ большинствѣ случаевъ онъ стоялъ голый, потому что было тридцать градусовъ тепла. Порою они наталкивались на подземный источникъ; и тогда онъ жилъ въ водѣ; порою имъ попадался слой глины, и тогда онъ жилъ въ грязи. Почти всегда, воздухъ былъ испорченъ, и товарищи сваливались; но являлись новые. Наконецъ свалился и Андреа, и былъ отправленъ въ больницу. Тамъ ему представилось, что оба туннеля никогда не встрѣтятся, а это больше всего угнетало его. Никогда не встрѣтятся!

Въ той же палатѣ лежалъ уроженецъ Ури и бредилъ; его постоянный вопросъ въ свободные отъ лихорадки часы былъ одинъ:

— По-вашему, мы встрѣтимся?

Да, никогда тессинецъ и уриецъ не жаждали такъ встрѣчи, какъ здѣсь, внутри горы. Они знали, что если они встрѣтятся здѣсь, тысячелѣтняя вражда кончится и, примиренные, они падутъ въ объятія другъ другу.

Андреа выздоровѣлъ и снова всталъ на работу.

Онъ участвовалъ въ стачкѣ 1875 г.; бросилъ нѣсколько камней, былъ посаженъ въ тюрьму, но снова вышелъ.

Въ 1877 г. сгорѣло Айроло, его родное мѣстечко.

— Теперь я сжегъ свои корабли; и теперь мнѣ остается только идти впередъ,—сказалъ онъ.

19 июля 1879 г. былъ печальный день. Главный инженеръ, для вычисленій и измѣреній, прошелъ весь туннель въ горѣ; и когда онъ стоялъ тамъ, съ нимъ сдѣлался ударъ, и онъ умеръ. На половинѣ дороги! Тамъ онъ нашелъ себѣ могилу, какъ фараонъ, въ самой большой изъ каменныхъ пирамидъ; и тамъ рѣшено было высѣчь его имя: Фавръ.

Между тѣмъ: годы шли. Андреа копилъ деньги, опытъ и силу. Въ Гѣшененъ онъ не ходилъ никогда; но разъ въ году онъ ходилъ въ Священный лѣсъ и смотрѣлъ на запусьнїе, какъ онъ называлъ это.

Онъ никогда не видѣлъ Гертруды, не писалъ ей; да онъ и не нуждался въ этомъ, потому что онъ жилъ съ нею въ своихъ мысляхъ, и зналъ, что онъ получить ея согласіе.

На седьмомъ году умеръ старшина, въ бѣдности.

— Какое счастье, что онъ былъ бѣденъ!—думалъ Андреа; и не всѣ зятя думали такъ.

На восьмомъ году случилось нѣчто замѣчательное. Какъ первый рабочій, Андреа стоялъ глубоко

въ итальянскомъ туннелѣ и бурилъ. Воздухъ былъ спертъ и удушливъ, такъ что у него шумѣло въ ушахъ. Вдругъ онъ услышалъ тиканье, похожее на жучка-точильщика, называемаго часами смерти.

— Неужели мой послѣдній часъ насталь?—подумалъ онъ вслухъ.

— Твой послѣдній часъ!—отвѣтило что-то внутри его, или внѣ его. И онъ испугался.

На слѣдующій день онъ снова услышалъ тиканье, но отчетливѣе, и онъ подумалъ, что это тикали его собственные часы.

Но на другой день, въ праздникъ, онъ ничего не слышалъ; и рѣшилъ, что это—простой обманъ слуха; и тогда онъ испугался, и пошелъ въ церковь; и въ тихихъ мысляхъ жаловался на бренность жизни.

Надежда покинула его, надежда пережить великій день, надежда получить объявленную большую награду первому бураву, который пройдетъ сквозь стѣну, надежда стяжать Гертруду.

Въ понедѣльникъ же онъ снова стоялъ со своимъ буравомъ впереди всѣхъ, но съ упавшимъ духомъ; потому что онъ больше не вѣрилъ, что они встрѣтятъ нѣмцевъ въ горѣ.

Онъ ударялъ и ударялъ, но вяло, какъ билось его надорванное сердце послѣ болѣзни. И вдругъ онъ услышалъ какъ бы выстрѣлъ и громовый трескъ, но въ самой горѣ, съ другой стороны.

И теперь ему стало ясно, что они встрѣтились.

Прежде всего онъ упалъ на колѣни и благодарилъ Бога; потомъ всталъ и началъ бить. Онъ долбилъ весь завтракъ, весь обѣдъ; все время отдыха и ужина. Онъ долбилъ лѣвой рукой, когда правая нѣмѣла. При этомъ онъ думалъ о главномъ инженерѣ, который свалился на половинѣ дороги; и онъ пѣлъ гимнъ трехъ отроковъ въ огненной печи, потому что воздухъ какъ бы пылалъ вокругъ него, въ то время какъ вода капала ему на голову, а его ноги стояли въ глинѣ.

Ровно въ семь часовъ, 28 февраля 1880 г., онъ упалъ лицомъ къ своему бураву, который пробилъ стѣну въ горѣ.

Громогласное ура съ другой стороны разбудило его, и онъ понялъ, понялъ, что они встрѣтились, что послѣдній часъ его трудовъ насталъ, и что онъ владѣлецъ десяти тысячъ лиръ.

И тогда, послѣ короткаго вздоха ко Всевышнему, онъ приложилъ ротъ къ буровой скважинѣ и, чтобы никто не слышалъ, прошепталъ: Гертруда; и потомъ онъ провозгласилъ девятикратное ура нѣмцамъ.

Въ одиннадцать часовъ вечера, съ итальянской стороны, послышалось грозное *беретсь!* и съ грохотомъ осаднаго орудія стѣна рухнула. Нѣмцы и итальянцы упали другъ къ другу въ

объятія, итальянцы цѣловались, и всѣ опустились на колѣни и пѣли *Te Deum laudamus*.

То было великое мгновеніе; и то было въ 1880 г., въ томъ самомъ году, когда Стэнли покончилъ съ Африкой, а Норденшѣльдъ съ плаваніемъ на Вегѣ.

Когда хвала Предвѣчному умолкла, одинъ изъ нѣмецкихъ рабочихъ вышелъ впередъ и вручилъ итальянцамъ пергаментъ. Это былъ почетный дипломъ въ память главнаго инженера Луи Фавра.

Онъ долженъ былъ первый пройти туннель и Андреа долженъ былъ везти похвальное слово ему и его имя на маленькомъ рабочемъ поѣздѣ въ Айроло.

Андреа благоговѣйно исполнилъ это, сидя на площадкѣ впереди локомотива.

То былъ великій день! И ночь была не меньше.

Въ Айроло пили вино, итальянское вино; и жгли фейерверкъ. Говорились рѣчи, въ честь Луи Фавра, Стэнли и Норденшѣльда; говорилась рѣчь и въ честь С. Готарда, таинственной горной громады, которая тысячелѣтіями была раздѣльной стѣной между Германіей и Италіей, между сѣверомъ и югомъ. Да, разумѣется, онъ былъ виновникъ раздора, но и соединенія. Потому что С. Готардъ стоялъ тамъ и добросовѣстно дѣлилъ свою воду между нѣмецкимъ Рей-

номъ и французской Роной, Сѣвернымъ моремъ и Средиземнымъ...

— И Адриатическимъ,—прервалъ одинъ тессинецъ.—Пожалуйста, не забывайте Тичино, несущаго свои воды въ величайшую рѣку Италіи, въ По.

— Браво! Еще лучше! Да здравствуетъ С. Готардъ, великая Германія, свободная Италія и новая Франція!

То была великая ночь! послѣ великаго дня.

*

На слѣдующее утро Андреа стоялъ въ инженерной конторѣ. Онъ былъ одѣтъ въ свое итальянское охотничье платье, съ перомъ на шляпѣ, ружьемъ на плечѣ и ранцемъ на спинѣ; съ бѣлымъ лицомъ и бѣлыми руками.

— Такъ вотъ, ты теперь доволенъ туннелемъ, сказалъ инженеръ-кассиръ, или человекъ-кошелекъ, какъ они называли его.—Стало быть, расчетъ!

Человекъ-кошелекъ раскрылъ книгу, написалъ нѣсколько строкъ и отсчиталъ десять тысячъ лиръ золотомъ.

Андреа расписался, спряталъ золото въ ранецъ и ушелъ.

Онъ бросился въ рабочій поѣздъ и черезъ десять минутъ былъ у рухнувшей раздѣльной стѣны.

Внутри горы, по обѣ стороны рельсъ, горѣли огни, рабочіе кричали Андреа ура и махали шляпами. Это было великолѣпно!

Еще черезъ десять минутъ онъ былъ на нѣмецкой сторонѣ. Но когда показался свѣтъ въ отверстіи, поѣздъ остановился, и онъ вышелъ.

И вотъ онъ пошелъ къ зеленому свѣту, и снова увидѣлъ солнце и зелень; и городокъ былъ отстроены, бѣлый, блестящій, красивѣе прежняго.

Онъ направилъ свои шаги прямо къ маленькому домику; и подъ орѣшникомъ, среди ульевъ, стояла Гертруда, тихая, красивѣе, нѣжнѣе, точно она стояла здѣсь и ждала его, всѣ восемь лѣтъ.

— Ну, вотъ и я,—сказалъ онъ;—какъ долженъ былъ пройти, сквозь гору!

— Ты пойдешь со мною въ мою страну?

— Я пойду съ тобою, куда хочешь.

— Кольцо уже есть у тебя; сохранилось?

— Сохранилось!

— Тогда мы сейчасъ же и пойдемъ!—Нѣтъ, не возвращайся; ты ничего не должна брать съ собою!

И они пошли, рука объ руку! Но они пошли не къ туннелю.

— Въ гору!—сказалъ Андреа, и направился по старой тропинкѣ.—Черезъ сумракъ шель мой путь къ тебѣ; теперь я хочу жить во свѣтѣ съ тобою, для тебя!

Поль-листа бумаги.

Послѣдній возъ уѣхалъ; жилецъ, молодой человекъ съ трауромъ на шляпѣ, еще разъ обошелъ квартиру, чтобы убѣдиться, не забыто ли что-нибудь.—Нѣтъ, онъ не забылъ ничего, рѣшительно ничего; и вотъ онъ вышелъ въ переднюю, почти рѣшивъ не думать больше о томъ, что онъ пережилъ на этой квартирѣ. Но что же, въ передней, возлѣ телефона, было прибито поль-листа бумаги; и все было исписано разнымъ почеркомъ, одно—четко, чернилами, другое—каракулями, то чернымъ карандашемъ, то краснымъ. Тамъ была вся эта славная исторія, разыгравшаяся въ короткій промежутокъ двухъ лѣтъ; тамъ было все, что онъ хотѣлъ забыть; человѣческая судьба на листкѣ бумаги.

Онъ снялъ листъ; это была простая, желтая, отсвѣчивающая бумага. Онъ положилъ ее на каминную доску въ залѣ, и, нагнувшись надъ нею, сталъ читать. На первомъ мѣстѣ стояло ея имя: Алиса, самое красивое имя, какое онъ зналъ,

потому что это было имя его невесты. И номеръ—15. 11. Это было похоже на номеръ псалма въ церкви. Ниже стояло: Банкъ. Это былъ его трудъ, святой трудъ, давшій хлѣбъ, домъ и жену, основу существованія. Но это было зачеркнуто! Потому что банкъ потерпѣлъ крахъ, но онъ спасся въ другой банкъ, переживъ короткое время большихъ тревогъ.

И вотъ сбылось. Цвѣточный магазинъ, извозчикъ. То было обрученіе, когда карманъ у него былъ набитъ деньгами.

Потомъ: мебельный магазинъ, драпировщики: онъ отдѣлываетъ квартиру. Разсылные: они переѣзжаютъ.

Билетная касса въ Оперѣ: 50, 50. Они недавно обвинчались и ходятъ въ Оперу по воскресеніямъ. Ихъ лучшіе часы, когда сами они сидятъ молча, и встрѣчаются, въ красотѣ и гармоніи, въ сказочной странѣ по другую сторону занавѣса.

Тутъ слѣдуетъ мужское имя, зачеркнутое. Это былъ другъ, который достигъ извѣстной высоты въ обществѣ, но не вынесъ удачи, палъ непоправимо, и долженъ былъ уѣхать далеко. Какъ это непрочно!

Теперь, повидимому, наступило нѣчто новое въ супружеской жизни. Женской рукою и карандашемъ написано: „Фру“. Какая фру?—Ахъ, да,

та, въ длинномъ плащѣ и съ привѣтливымъ, полнымъ участія, лицомъ, что приходила такъ тихо, и никогда не шла черезъ залъ, но коридоромъ, пробиралась прямо въ спальню.

Подъ ея именемъ написано: Докторъ Л. Тутъ же впервые всплываетъ имя родственника. Написано: „Мама“. Это—теща, которая молчаливо держалась въ сторонѣ, чтобы не мѣшать новобрачнымъ, но теперь была вызвана въ трудную минуту, и пришла съ радостью, что и она понадобилась.

Тутъ начинаются большіе каракули синимъ и краснымъ. Комиссіонная контора: горничная ушла, и нужно подыскать новую. Аптека. Гм! Темнѣть! Молочная. Здѣсь покупается молоко, пастеризованное.

Зеленщикъ, мясникъ и т. д. Хозяйство начинаютъ вести по телефону; потому что хозяйка не на своемъ посту. Нѣтъ. Она лежитъ въ постели.

Дальше онъ не могъ читать, потому что въ глазахъ у него начинало темнѣть, какъ бываетъ съ утопающимъ, когда ему приходится смотрѣть сквозь соленую воду. Но тамъ было написано: Похоронное бюро. Этимъ все сказано!—Одинъ побольше и одинъ поменьше,—подразумѣвается,—гробъ. И, въ скобкахъ, было написано: обитый матеріей.

Дальше не было ничего! Все кончалось матеріей; и больше ничего.

Но онъ взялъ бумагу, поцѣловалъ ее и положилъ въ боковой карманъ.

Въ теченіе двухъ минутъ онъ пережилъ два года своей жизни.

Онъ не поникъ, уходя; напротивъ, онъ высоко поднялъ голову, какъ счастливый и гордый человекъ, такъ какъ онъ всетаки чувствовалъ, что обладалъ самымъ прекраснымъ. Сколько бѣдняковъ никогда не извѣдало этого!

АВГУСТЪ СТРИНДБЕРГЪ

СОНАТА ПРИЗРАКОВЪ

(1907 г.)

Переводъ со шведскаго
Ю. БАЛТРУШАЙТИСА

СЦЕНА:

Нижній и второй этажи фасада современнаго дома, виднаго только съ угла, который въ нижнемъ этажѣ кончается круглымъ заломъ, во второмъ же—балкономъ съ флагштокомъ.

При поднятыхъ занавѣскахъ, въ открытое окно, въ кругломъ залѣ видна бѣлая мраморная статуя молодой женщины, окруженная пальмами, яркоосвѣщенная солнечными лучами. Въ окнѣ направо, въ горшкахъ, видны гиацинты (синіе, бѣлые и другихъ яркихъ цвѣтовъ).

На перилахъ балкона второго этажа видно синее шелковое одѣяло и двѣ бѣлыхъ подушки. Окно, направо, закрыто бѣлой простынею. Ясное воскресное утро.

Передъ фасадомъ, на переднемъ планѣ, стоитъ зеленая скамейка.

На переднемъ планѣ, направо, уличный фонтанъ; направо—столбъ съ объявленіями.

Направо, въ глубинѣ, входная дверь, въ которую видна лѣстница, ступени изъ бѣлаго мрамора.

мора, перила изъ красного дерева съ бронзой; по обѣ стороны двери, на тротуарѣ, стоятъ лавры въ кадкахъ.

Уголь съ круглымъ заломъ примыкаетъ къ боковой, уходящей въ глубину, улицѣ.

Налѣво отъ входной двери—окно съ отражательнымъ зеркаломъ, въ нижнемъ этажѣ.

Л И Ц А:

Старикъ, директоръ Гуммельъ.

Студентъ, Аркенгольцъ.

Молочница (видѣніе).

Привратница.

Умершій, консулъ.

Женщина въ черномъ, дочь Покойнаго и
привратницы.

Полковникъ.

Мумія, жена Полковника.

Его дочь, дочь Старика.

Знатный, по прозванію, баронъ Сканскоргъ.
Женихъ дочери Привратника.

Югансонъ, слуга у Гуммеля.

Бенгтсонъ, слуга Полковника.

Невѣста, бывшая невѣста Гуммеля, сѣдая ста-
руха.

При поднятіи занавѣса—отдаленный звонъ во многихъ церквахъ.

Двери фасада открыты; одѣтая въ черное женщина неподвижно стоитъ на лѣстницѣ.

Привратница подметаетъ переднюю; потомъ она вытираетъ мѣдныя части на двери; потомъ поливаетъ лавры.

Въ креслѣ на колесахъ, у столба съ объявленіями, сидитъ Старикъ и читаетъ газету; у него сѣдые волосы и борода; онъ—въ очкахъ.

Молочница появляется изъ-за угла, съ бутылками въ проволочной корзинкѣ; она одѣта полѣтнему, въ желтыхъ башмакахъ, черныхъ чулкахъ и въ бѣломъ беретѣ.

М о л о ч н и ц а (снимаетъ беретъ и вѣщаетъ его на фонтанъ; вытираетъ потъ со лба; отпиваетъ глотокъ изъ ковша; моетъ руки; приводитъ въ порядокъ свои волосы, смотрясь въ воду).

(Слышенъ пароходный звонокъ; отъ поры до времени въ тишину вливается гуденіе органа въ сосѣдней церкви).

(Черезъ нѣсколько минутъ молчанія, когда дѣвушка кончила свой туалетъ, слѣва появляется студентъ; онъ не выспался и не бритъ. Онъ направляется прямо къ фонтану).

(Молчаніе).

Студентъ. Могу я взять ковшъ?

Дѣвушка (тянетъ ковшъ къ себѣ).

Студентъ. Ты не скоро кончишь?

Дѣвушка (съ ужасомъ смотритъ на него).

Старикъ (про себя). Съ кѣмъ это онъ говоритъ?—Я никого не вижу! Въ своемъ ли онъ умѣ? (Съ глубокимъ изумленіемъ продолжаетъ разсматривать ихъ).

Студентъ. Что ты смотришь? Неужели у меня такой страшный видъ?—Да, я не спалъ въ эту ночь, и ты, конечно, думаешь, что я былъ на пирушкѣ...

Дѣвушка (какъ выше).

Студентъ. Пилъ пуншъ, да?—Развѣ отъ меня пахнетъ пуншомъ?

Дѣвушка (какъ выше).

Студентъ. Я не брить, знаю... Дай мнѣ глотокъ воды, дѣвушка, я заслужилъ его!

(Молчаніе).

Студентъ. Да ну же! Тогда я долженъ рассказать, что я перевязывалъ раненыхъ и просидѣлъ у больныхъ всю эту ночь; я какъ разъ присутствовалъ при обвалѣ дома вчера вечеромъ... теперь ты знаешь.

Дѣвушка (полощетъ ковшъ и даетъ ему воды).

Студентъ. Спасибо!

Дѣвушка (неподвижна).

Студентъ (медленно). Хочешь оказать мнѣ большую услугу?

(Молчаніе).

Дѣло въ томъ, что у меня воспаленные глаза, какъ видишь, а мои руки касались раненыхъ и труповъ; поэтому мнѣ не безопасно трогать глаза... Хочешь взять мой чистый платокъ, смочить его холодной водой и вымыть мои бѣдные глаза?— Хочешь?—Хочешь быть милосердой самаритянкой?

Дѣвушка (колеблется, но дѣлаетъ, какъ онъ хочетъ).

Студентъ. Спасибо, другъ мой! (Онъ вынимаетъ свой кошелекъ).

Дѣвушка (дѣлаетъ отстраняющее движеніе).

Студентъ. Прости мою необдуманность, но меня смертельно клонитъ ко сну...

*

Старикъ (студенту). Простите, что я обращаюсь къ вамъ, но я слышалъ, что вы присутствовали при несчастіи вчера вечеромъ... Я какъ разъ читаю объ этомъ въ газетѣ...

Студентъ. Развѣ уже напечатано?

Старикъ. Да, все; и вашъ портретъ приложенъ, только сожалѣютъ, что нельзя было узнать фамилію храбраго студента...

Студентъ (заглядываетъ въ газету). Вотъ какъ? Это—я! Ну!

Старикъ. Съ кѣмъ это вы только что говорили?

Студентъ. Развѣ вы не видѣли?

(Молчаніе).

Старикъ. Не будетъ ли дерзко пожелать—узнать—ваше почтенное имя?

Студентъ. На что вамъ это? Я не люблю гласности—прославишься, потомъ начнутъ хулить—искусство умалять человѣка достигло такого высокаго развитія—къ тому же, я не хочу никакой награды...

Старикъ. Вы, можетъ быть, состоятельны?

Студентъ. Ничуть... напротивъ! Я—совсѣмъ бѣденъ.

Старикъ. Вотъ что... кажется, я слышалъ этотъ голосъ... у меня былъ другъ юности, который не могъ выговорить много, но всегда говорилъ много—я знавалъ только одного человѣка съ такимъ произношеніемъ и это былъ онъ; второй—вы... возможно, что вы—родственникъ оптоваго торговца Аркенгольца.

Студентъ. Это—мой отецъ.

Старикъ. Пути судьбы неисповѣдимы... Я видѣлъ васъ маленькимъ мальчикомъ, при весьма тяжелыхъ обстоятельствахъ...

Студентъ. Да, я родился на свѣтъ въ домѣ несостоятельнаго должника.

Старикъ. Совершенно вѣрно!

Студентъ. Могу я узнать ваше имя?

Старикъ. Я — директоръ Гуммель...

Студентъ. Не вы ли...? Тогда я помню...

Старикъ. Вы часто слышали мое имя въ вашей семьѣ?

Студентъ. Да!

Старикъ. И его, пожалуй, упоминали съ нѣкоторымъ отвращеніемъ?

Студентъ (молчитъ).

Старикъ. Да, могу себѣ представить! — Говорилось, конечно, что это я разорилъ вашего отца? — Всѣ, кто разоряется на глупыхъ спекуляціяхъ, считаютъ себѣ разоренными тѣми, кого имъ не удалось обмануть. (Молчаніе). Тогда какъ вашъ отецъ самъ ограбилъ меня на 17.000 кронъ, составлявшихъ мои сбереженія въ то время.

Студентъ. Странно, что одну и ту же исторію можно рассказывать въ двухъ противоположныхъ видахъ.

Старикъ. Но вы же не думаете, что я говорю неправду?

Студентъ. Что же мнѣ думать? Мой отецъ не лгалъ!

Старикъ. И то правда, отцы никогда не лгутъ... но я тоже — отецъ, стало быть...

Студентъ. Что вы хотите сказать?

Старикъ. Я выручилъ вашего отца изъ бѣды, а онъ оплатилъ мнѣ всей чудовищной ненавистью тѣхъ, кто обязанъ благодарить... онъ научилъ свою семью говорить обо мнѣ дурно.

Студентъ. Можетъ быть, вы сдѣлали его неблагодарнымъ, отравивъ помощь какимъ-нибудь униженіемъ.

Старикъ. Всякая помощь унижительна, господинъ.

Студентъ. Что вамъ нужно отъ меня?

Старикъ. Я не требую денегъ; но если вы захотите оказать мнѣ маленькую услугу, то мы въ расчетѣ. Вы видите меня калѣкой; одни говорятъ, что это — моя собственная вина, другіе винятъ моихъ родителей, самъ я склоненъ думать, что это — жизнь съ ея засадами, потому что, избѣжавъ одной ловушки, прямо попадаешь въ другую. Такъ или иначе, я не могу ни бѣгать по лѣстницѣ, ни позвонить, поэтому я и говорю вамъ: помогите мнѣ!

Студентъ. Что же я могу сдѣлать?

Старикъ. Во-первыхъ: подвиньте мое кресло, чтобъ мнѣ можно было прочитать объявленія; я

хочу посмотрѣть, что играютъ сегодня вечеромъ...

Студентъ (передвигаетъ кресло). Развѣ у васъ нѣтъ слуги?

Старикъ. Есть, но онъ пошелъ по дѣлу... скоро вернется... Вы — медикъ?

Студентъ. Нѣтъ, я изучаю языки, вообще же я не знаю, чѣмъ буду...

Старикъ. Ого! — Вы знаете математику?

Студентъ. Да, порядочно.

Старикъ. Отлично! — Можетъ быть, вы хотите получить мѣсто?

Студентъ. Да, почему же нѣтъ?

Старикъ. Хорошо! (Читаетъ объявленія). Идетъ Валькирія, утреннимъ спектаклемъ... Тогда полковникъ съ дочерью будетъ тамъ, и такъ какъ онъ всегда сидитъ на крайнемъ мѣстѣ шестого ряда, то я посажу васъ вмѣстѣ... Хотите пойти въ телефонную будку и заказать билетъ шестого ряда номеръ 82?

Студентъ. Я долженъ отправиться въ полдень въ оперу?

Старикъ. Да! И вы должны слушаться меня, тогда вамъ будетъ хорошо! Я хочу, чтобъ вы были счастливы, богаты и въ почетѣ; вашъ вчерашній дебютъ въ качествѣ храбраго спасителя сдѣлалъ васъ сегодня утромъ знаменитымъ и ваше имя уже многого стоитъ.

Студентъ (идетъ къ телефонной будкѣ). Веселое приключеніе...

Старикъ. Вы спортсмэнъ?

Студентъ. Да, имѣю несчастье...

Старикъ. Тогда оно должно превратиться въ счастье!—Теперь телефонируйте! (Читаетъ газету). (Женщина въ черномъ вышла на тротуаръ и разговариваетъ съ Привратницей; Старикъ прислушивается, но зрителямъ ничего не слышно).

Студентъ (возвращается).

Старикъ. Готово?

Студентъ. Сдѣлано.

Старикъ. Видите вонъ тотъ домъ?

Студентъ. Я обратилъ на него вниманіе... я проходилъ здѣсь вчера, когда солнце свѣтило въ окна—и, представляя всю красоту и роскошь, которая была тамъ внутри, сказалъ своему товарищу: Тотъ, у кого была бы теперь квартира тамъ, на четвертомъ этажѣ, молодая красивая жена, двое славныхъ маленькихъ дѣтей, и 20.000 кронъ ренты...

Старикъ. Вы такъ и сказали? Такъ и сказали? Вотъ, подите же! Я тоже люблю этотъ домъ...

Студентъ. Вы спекулируете домами?

Старикъ. Н-да! Но не въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете...

Студентъ. Вы знаете здѣшнихъ жильцовъ?

Старикъ. Всѣхъ. Въ мои годы знаешь всѣхъ людей, ихъ отцовъ и праотцевъ, и всегда состоишь съ ними въ какой-нибудь степени родства—мнѣ только что минуло 80 лѣтъ—но никто не знаетъ меня, какъ слѣдуетъ—я интересуюсь судьбами людей.

(Занавѣски въ кругломъ залѣ поднимаются; появляется Полковникъ, въ штатскомъ; взглянувъ на термометръ, онъ отходитъ вглубь комнаты и останавливается передъ мраморной статуей).

Старикъ. Это, видите ли, полковникъ, рядомъ съ которымъ вы будете сидѣть въ полдень...

Студентъ. Это—полковникъ? Я тутъ ничего не понимаю, но это—какъ сказка...

Старикъ. Вся моя жизнь—какъ сказочная книга, господинъ; но хотя сказки бываютъ разныя, все же онѣ связаны одною нитью, и лейтмотивъ правильно возвращается.

Студентъ. Чья эта мраморная статуя внутри?

Старикъ. Ею жены, разумѣется...

Студентъ. Неужели она была такъ красива?

Старикъ. Н-да! Да!

Студентъ. Говорите же!

Старикъ. Мы не должны осуждать человѣка, дитя мое!—И если я вамъ расскажу, что она ушла, что онъ билъ ее, что она вернулась снова, и снова обвѣнчалась съ нимъ и что теперь она

сидитъ тамъ въ комнатѣ, какъ мумія, и благоговѣетъ передъ своей собственной статуей, то вы подумаете, что я не въ своемъ умѣ.

Студентъ. Я этого не понимаю!

Старикъ. Еще бы!—А вонъ окно съ гіацинтами. Тамъ живетъ его дочь... она поѣхала верхомъ, но она скоро вернется...

Студентъ. А кто эта черная дама, что разговариваетъ съ привратницей?

Старикъ. Это, видите ли, довольно сложная исторія, но находится въ связи съ умершимъ, наверху, гдѣ видна бѣлая простыня...

Студентъ. Кто же онъ былъ?

Старикъ. Человѣкъ, какъ мы, но что больше всего поражало въ немъ, это было его тщеславіе... Будь вы счастливецъ, вы бы скоро увидѣли его выходящимъ изъ двери взглянуть на полуприспущенный консульскій флагъ—вѣдь онъ былъ консулъ и любилъ короны, львовъ, кокарды на шляпѣ и цвѣтныя ленты.

Студентъ. Вы говорили о счастливцѣ—я въ самомъ дѣлѣ родился въ счастливый день...

Старикъ. Да нѣтъ же! Въ самомъ дѣлѣ?... я такъ и думалъ... я видѣлъ это по цвѣту вашихъ глазъ... но тогда вы можете видѣть, чего другимъ не видно,—вы это замѣтили?

Студентъ. Я не знаю, что видятъ другіе, но иногда... да, объ этомъ же не говорятъ!

Старикъ. Я почти былъ увѣренъ въ этомъ! Но со мною вы можете говорить... потому что я—понимаю...

Студентъ. Напримѣръ, вчера... меня тянуло въ незамѣтную улицу, гдѣ потомъ обрушился домъ... я пришелъ туда, и остановился передъ зданіемъ, котораго раньше никогда не видѣлъ... Тогда я замѣтилъ трещину въ стѣнѣ, услышалъ трескъ; я бросился впередъ и схватилъ ребенка, проходившаго вдоль стѣны... Въ ближайшее мгновеніе домъ рухнулъ... я былъ спасенъ, но въ рукахъ у меня, гдѣ я, помню, держалъ ребенка, не оказалось ничего...

Старикъ. Я долженъ сказать... Мнѣ казалось... Объясните мнѣ одно: почему вы жестикулировали недавно у фонтана и почему вы разговаривали сами съ собою?

Студентъ. А развѣ вы не видѣли молочницы, съ которой я говорилъ?

Старикъ (въ ужасѣ). Молочницы?

Студентъ. Ну, да, которая дала мнѣ ковшъ.

Старикъ. Вотъ какъ? Стало быть, поэтому?... Ну, конечно, я не могу видѣть, но могу другое...

(Теперь видно, какъ у окна съ отражательнымъ зеркаломъ садится сѣдая женщина).

Старикъ. Посмотрите на старуху въ окнѣ! Видите?—Хорошо! Это была моя невѣста, когда-то,

60 лѣтъ тому назадъ... Мнѣ было двадцать.— Не бойтесь, она больше не узнаетъ меня! Мы видимся каждый Божій день, но безъ малѣйшаго впечатлѣнія на меня, хотя въ то время мы клялись въ вѣчной вѣрности другъ другу; вѣчной!

Студентъ. Какъ неразумны вы были, раньше, на свѣтъ! Теперь мы не говоримъ подобныхъ вещей нашимъ дѣвушкамъ.

Старикъ. Простите, молодой человекъ, мы понимали не лучше!—Но вы можете замѣтить, что эта старуха была молода и прекрасна?

Студентъ. Незамѣтно. Да, у нея прекрасное лицо, глазъ мнѣ не видно!

(Привратница выходитъ съ корзиной и разсыпаетъ словья вѣтки).

Старикъ. Привратница, да!—Эта черная дама—ея дочь отъ покойника, и поэтому мужъ получилъ мѣсто привратника... Но у черной дамы есть женихъ, знатнаго рода, который надѣется разбогатѣть; онъ какъ разъ разводится со своей женой, которая даритъ ему каменный домъ, чтобы развязаться съ нимъ. Этотъ знатный женихъ—зять покойнаго, и, какъ видите, на верхнемъ балконѣ провѣтривается его постель... Все это запутано, по моему!

Студентъ. Чудовищно запутано!

Старикъ. Да, такъ оно и есть, съ внутрен-

ней и съ внѣшной стороны, хотя это просто на первый взглядъ.

Студентъ. Но кто же тогда былъ умершій?

Старикъ. Вы только что спрашивали, и я отвѣтилъ; если-бъ вы заглянули за уголъ, вы бы увидѣли толпу нищихъ, которымъ онъ помогаль... когда ему приходило въ голову...

Студентъ. Значить, онъ былъ сострадательный человекъ?

Старикъ. Да... иногда.

Студентъ. Не всегда?

Старикъ. Ну нѣтъ!... Таковы люди! Послушайте, господинъ, подвиньте чуточку возокъ, чтобъ онъ вышелъ на солнце, мнѣ такъ ужасно холодно; разъ совсѣмъ не приходится двигаться, то кровь застываетъ... мнѣ уже скоро умирать, я это знаю, но раньше мнѣ нужно устроить кое-что—возьмите меня за руку, и вы почувствуете, какой я холодный.

Студентъ. Не въ мѣру. (Отступаетъ назадъ).

Старикъ. Не уходите отъ меня, я усталъ, я одинокъ, но я не всегда былъ такимъ, понимаете; у меня безконечно долгая жизнь позади — безконечно — я дѣлалъ людей несчастными и люди дѣлали меня несчастнымъ, одно погашается другимъ—но прежде чѣмъ умереть, я хочу видѣть васъ счастливымъ. Наши судьбы сплетены черезъ вашего отца—и многое другое...

Студентъ. Но пустите мою руку, вы отнимаете у меня мои силы, заставляете меня холодѣть, чего вы хотите?

Старикъ. Терпѣніе, и вы увидите и поймете... А вотъ и фрѣкенъ.

Студентъ. Дочь полковника?

Старикъ. Да! Дочь! Посмотрите на нее!— Вы видѣли подобное великолѣпіе?

Студентъ. Она похожа на мраморную статую въ домѣ.

Старикъ. Это же ея мать!

Студентъ. Вы правы—я никогда не видѣлъ подобной женщины, рожденной женщиной.—Блаженъ, кто поведетъ ее къ алтарю и въ свой домъ!

Старикъ. Вы можете увидѣть это!—Не всѣ замѣчаютъ ея красоту... Хорошо, запишемъ это!

*

Фрѣкенъ (входитъ слѣва, въ современной англійской амазонкѣ, медленно, никого не замѣчая, направляется къ двери, гдѣ она останавливается и говоритъ нѣсколько словъ привратницѣ; затѣмъ уходитъ въ домъ).

Студентъ (закрываетъ глаза руками).

Старикъ. Вы плачете?

Студентъ. Передъ лицомъ безнадежнаго остается одно отчаяніе!

Старикъ. Я могу открыть двери и сердце, лишь бы найти руку моей волѣ... Служите мнѣ, и вы будете царствовать...

Студентъ. Это—договоръ? Я долженъ продать мою душу?

Старикъ. Ничего не продавать!—Видите ли, я бралъ, всю свою жизнь; теперь я жажду давать! давать! Но никто не хочетъ принять... я богатъ, очень богатъ, но у меня нѣтъ наслѣдниковъ, не считая одного болвана, который отравляетъ мнѣ жизнь... будьте моимъ сыномъ, возьмите наслѣдство еще при моей жизни, наслаждайтесь бытіемъ, какъ я его вижу, по крайней мѣрѣ на разстояніи.

Студентъ. Что я долженъ сдѣлать?

Старикъ. Прежде всего ступайте слушать Валькирію!

Студентъ. Это уже рѣшено—что дальше?

Старикъ. Сегодня вечеромъ вы будете сидѣть тамъ, въ кругломъ залѣ!

Студентъ. Какъ же я проникну туда?

Старикъ. Благодаря Валькиріи!

Студентъ. Почему же вы именно меня выбрали вашимъ медиумомъ. Вы знавали меня раньше?

Старикъ. Разумѣется! Я давно имѣлъ васъ въ виду... Но смотрите теперь туда, смотрите на балконъ, какъ дѣва поднимаетъ флагъ до половины древка послѣ консула... а потомъ обращается къ постели... Видите синее покры-

вало? — Раньше онъ было на двоихъ, но теперь на одного...

(Фрѣкенъ, переодѣтая, появляется въ окнѣ и поливаетъ гиацинты).

Это — моя маленькая дѣвочка, смотрите на нее, смотрите! — Она бесѣдуетъ съ цвѣтами, развѣ сама она не похожа на голубой гиацинтъ?... Она поить ихъ, одною чистою водою, и они превращаютъ воду въ краски и благоуханіе... теперь появляется полковникъ съ газетой! — Онъ показываетъ ей рухнувшій домъ... теперь указываетъ на вашъ портретъ! Она равнодушна... она читаетъ о подвигѣ... никакъ собираются тучи, подумайте, если пойдетъ дождь, хорошъ я буду здѣсь, если Иогансонъ не скоро вернется назадъ...

(Собираются тучи и темнѣетъ; Старуха у отражательнаго зеркала закрываетъ свое окно).

Теперь моя невѣста закрываетъ окно... семьдесятъ девять лѣтъ... отражательное зеркало — единственное зеркало, которымъ она пользуется, потому что въ немъ она не видитъ самой себя, а лишь внѣшній міръ и съ двухъ сторонъ, но міръ-то можетъ видѣть ее, и объ этомъ она не подумала.. Впрочемъ, славная старушка...

(Теперь изъ двери, въ саванѣ, появляется Умершія).

Студентъ. Боже Милосердый, что я вижу?
Старикъ. Что вы видите?

Студентъ. А вы не видите, въ дверяхъ, умершаго?

Старикъ. Я ничего не вижу, но я такъ и ждалъ! Рассказывайте...

Студентъ. Онъ выходитъ на улицу... (Молчаніе). Теперь онъ поворачиваетъ голову и рассматриваетъ флагъ.

Старикъ. Я что говорилъ? Онъ будетъ еще считать вѣнки, и читать визитныя карточки... Горе тому, кого не окажется!

Студентъ. Теперь онъ поворачиваетъ за уголь...

Старикъ. Ему нужно сосчитать нищихъ у чернаго крыльца... Нищія—такая дивная декорация: „сопровождаемый благословеніемъ многихъ“, да, но моего благословенія у него не будетъ!—Онъ былъ большой живодець, между нами говоря...

Студентъ. Но благотворитель..

Старикъ. Благотворительный живодець, который всегда думалъ о пышныхъ похоронахъ... Почувявъ близость конца, онъ ограбилъ государство на 50,000 кронъ... теперь его дочь вторгается въ чужую супружескую жизнь и ждетъ наслѣдства... онъ, живодець, слышитъ все, что мы говоримъ, но такъ ему и надо!—А вотъ и Югансонъ!

(Югансонъ входитъ слѣва).

Старикъ. Рапортъ!

Югансонъ (говоритъ неслышно).

Старикъ. Такъ, не было дома? И осель жеты!—А телеграфъ?—Ничего!.. Дальше!.. Въ 6 часовъ вечера? Отлично! — Экстренный номеръ? — Все имя полностью! Студентъ Аркенгольцъ, родившійся... отецъ и мать... превосходно... никакъ начинается дождь... Что онъ сказалъ?.. Такъ, такъ!—Не хотѣлъ?—Тогда онъ должны!—А вотъ и знатная особа!—Вези меня за уголь, Югансонъ, тогда мнѣ будетъ слышно, что нищѣ говорятъ... А вы, Аркенгольцъ, ждите меня здѣсь... поняли! — Живо, живо! (Югансонъ увозитъ кресло за уголь).

*

Студентъ (остаётся и разсматриваетъ фрѣкенъ, которая теперь разрыхляетъ землю въ цвѣточныхъ горшкахъ).

*

Знатный (въ траурѣ, разговариваетъ съ женщиной въ черномъ, которая вышла на тротуаръ). Да, что же тутъ подѣлаешь?—Мы должны ждать!

Женщина. Я не могу ждать!

Знатный. Вотъ какъ? Тогда уѣзжай въ деревню!

Женщина. Я не хочу.

Знатный. Поди сюда, а то они подслушаютъ нашъ разговоръ. (Они отходятъ къ столбу съ объявленіями и продолженія разговора ихъ не слышно).

*

Іогансонъ (входитъ справа; студенту). Хозяинъ проситъ васъ, господинъ, не забыть про другое!

Студентъ (медленно) Послушайте — во-первыхъ, скажите мнѣ: кто вашъ хозяинъ?

Іогансонъ. Извольте! Онъ — очень много, а былъ—все —

Студентъ. Онъ уменъ?

Іогансонъ. Да, а что это значить? — Онъ всю свою жизнь искалъ счастливца, какъ онъ утверждаетъ, но это можетъ быть и неправда...

Студентъ. Чего онъ хочетъ, онъ скупъ?

Іогансонъ. Онъ хочетъ властвовать... Онъ цѣлый день разѣзжаетъ въ своей телѣжкѣ, подобно богу Тору... всматривается въ дома, сноситъ ихъ, пролагаетъ улицы, застраиваетъ рынки: но онъ врывается и въ дома, вползаетъ въ окна, ниспровергаетъ человѣческія судьбы, убиваетъ своихъ враговъ и никогда не прощаетъ.—Вы можете представить, господинъ, что этотъ маленький хромой былъ Донъ-Жуаномъ, хотя онъ всегда терялъ своихъ женщинъ?

Студентъ. Какъ же это совмѣстимо?

Іогансонъ. Да, онъ такъ хитеръ, что

заставляетъ женщинъ уходить, когда онъ наскучать ему... Такъ или иначе, теперь онъ похожъ на конокрада на торжищѣ людскомъ, онъ крадетъ людей, на тысячи ладовъ... Меня онъ буквально укралъ изъ рукъ правосудія... я, собственно, сдѣлалъ ошибку, гм; про которую провѣдалъ онъ одинъ; вмѣсто того, чтобы засадить меня, онъ сдѣлалъ меня своимъ рабомъ; я работаю на него за одну пищу, которая не изъ лучшихъ...

Студентъ. Что онъ хочетъ дѣлать вотъ въ этомъ домѣ?

Югансонъ. Миѣ бы, видите ли, не хотѣлось говорить! Очень сложная исторія.

Студентъ. Кажется, я уйду ото всего этого...

Югансонъ. Смотрите, фрѣкенъ уронила свой браслетъ, въ окно...

(Фрѣкенъ уронила браслетъ въ открытое окно).

Студентъ (медленно подходитъ къ окну поднимаетъ браслетъ и подаетъ его Фрѣкенъ, которая чопорно благодарить; Студентъ возвращается къ Югансону).

Югансонъ. Такъ, вы намѣрены уйти... Не такъ-то оно легко, какъ думаютъ, разъ онъ накиннулъ человѣку на голову сѣть... И онъ не боится ничего между небомъ и землею... да, но одной вещи, или вѣрнѣе одного лица...

Студентъ. Пойдите, я, пожалуй, знаю!

Югансонъ. Откуда же вамъ знать?

Студентъ. Я догадываюсь!—Не... маленькой ли молочницы онъ боится?

Югансонъ. Онъ всегда отворачивается, при встрѣчѣ съ молочной повозкою... и потомъ онъ говоритъ во снѣ, будто онъ былъ въ Гамбургѣ когда-то...

Студентъ. И можно вѣрить этому человѣку?

Югансонъ. Ему можно вѣрить—во всемъ!

Студентъ. Что онъ теперь дѣлаетъ за угломъ?

Югансонъ. Подслушиваетъ нищихъ... Посѣваетъ маленькое слово, дробить камень, пока домъ не рухнетъ... выражаясь фигурально... Я, видите ли, образованный человѣкъ и былъ книгопродавцемъ... Вы уже уходите?

Студентъ. Мнѣ тяжело быть неблагодарнымъ... Этотъ человѣкъ нѣкогда спасъ моего отца, и теперь онъ хочетъ одной лишь маленькой услуги за услугу...

Югансонъ. Какой?

Студентъ. Я долженъ пойти смотрѣть Валькирію...

Югансонъ. Не понимаю... Но у него вѣчно новыя затѣи... Ишь ты, теперь онъ говоритъ съ полицейскимъ... онъ вѣчно возится съ полицейскими, и обращается къ нимъ, впуты-

ваетъ ихъ въ дѣла, связываетъ ихъ ложными обѣщаніями и морочитъ, а самъ въ это время все разнюхаетъ у нихъ.—Вы увидите, что до ночи онъ будетъ принять въ кругломъ залѣ!

Студентъ. Что же ему нужно тамъ? Какіе у него виды на полковника?

Югансонъ. Да... догадываюсь, но не знаю! Вы сами увидите, когда войдете туда...

Студентъ. Мнѣ никогда не проникнуть туда...

Югансонъ. Это отъ васъ самихъ зависитъ!—Подите на Валькирію...

Студентъ. Это и есть мой путь?

Югансонъ. Да, разъ онъ сказалъ!—Смотрите, смотрите на него, въ боевой колесницѣ, торжественно влекомой нищими, которые не получаютъ ни гроша въ награду, кромѣ намека, что на его похоронахъ будетъ пиръ горой!

(Старикъ появляется, стоя въ передвижномъ креслѣ, влекомомъ однимъ нищимъ, въ сопровожденіи остальныхъ).

Старикъ. Преклонитесь передъ благороднымъ юношей, который, съ опасностью для своей собственной жизни, спасъ многихъ во время вчерашняго несчастія! Да здравствуетъ Аркенгольцъ!

Нищіе (обнажаютъ головы, но не кричатъ ура).

Фрѣкенъ (въ окнѣ, машетъ своимъ платкомъ).

Полковникъ (смотреть изъ своего окна).

Старуха (встаетъ въ своемъ окнѣ).

Дѣва (на балконѣ поднимаетъ флагъ до верхушки).

Старикъ. Рукоплещите, сограждане, конечно, сегодня—воскресеніе, но осель въ колодцѣ и колось въ полѣ даютъ намъ отпущеніе грѣховъ, и хотя я и не родился въ сорочкѣ, но обладаю даромъ пророчества и врачеванія, потому что однажды вернулъ къ жизни утопленника... да, это было въ Гамбургѣ, въ воскресное утро, какъ сейчасъ...

*

Молодница (входитъ, видима только Студенту и Старикъ, она вытягиваетъ вверхъ руки, какъ утопающій, и пристально смотритъ на Старика).

*

Старикъ (садится, потомъ весь съеживается отъ ужаса). Іогансоны! Увези меня! Живо! — Аркенгольцъ, не забудьте Валькириі!

Студентъ. Что же все это значить?

Іогансонъ. Мы еще увидимъ! Мы еще увидимъ!

(занавьсъ).

* * *

Внутренность круглаго зала: въ глубинѣ—изразцовая печка съ часами и канделябрами; направо—передняя съ видомъ въ зеленую комнату съ мебелью изъ краснаго дерева; направо, въ тѣни пальмъ, стоитъ статуя, которая можетъ быть закрыта занавѣсомъ; направо, въ глубинѣ, дверь въ комнату съ гиацинтами, гдѣ сидитъ Фрѣкенъ за чтеніемъ. Полковникъ виденъ сзади, потому что онъ сидитъ и пишетъ въ зеленой комнатѣ.

Бенгтсонъ (слуга, въ ливреѣ, входитъ изъ передней съ Югансономъ во фракъ и съ бѣлымъ галстукомъ). Такъ вотъ, вы будете подавать, Югансонъ, а я буду принимать платья. Вамъ уже знакомо это дѣло?

Югансонъ. Днемъ я катаю боевую колесницу, какъ вамъ извѣстно, а по вечерамъ прислуживаю за зваными обѣдами, и всегда было моею мечтою попасть сюда въ домъ... Чудной народъ здѣсь, а?

Бенгтсонъ. Да-а, чуточку необычный, можно сказать.

Югансонъ. Музыкальный вечеръ, или что предполагается?

Бенгтсонъ. Самый обыкновенный ужинъ призраковъ, какъ мы называемъ. Они пьютъ чай, не говорятъ ни слова, или же говорятъ одинъ

лишь полковникъ; и потомъ грызутъ буттерброды, всѣ заразъ, точно крысы на чердакѣ.

Югансонъ. Почему же это называется ужиномъ призраковъ?

Бенгтсонъ. У нихъ видъ призраковъ... И такъ было въ теченіе двадцати лѣтъ, всегда одни и тѣ же люди, которые говорятъ одно и то же, или молчатъ, чтобы не пришлось стыдиться.

Югансонъ. Кажется, въ домѣ имѣется и хозяйка?

Бенгтсонъ. О, да, но она слабоумна; она сидитъ въ гардеробѣ, потому что ея глаза не переносятъ свѣта... Она сидитъ вотъ здѣсь... (Показываетъ на задрапированную дверь въ стѣнѣ).

Югансонъ. Вонъ тамъ?

Бенгтсонъ. Ну да, я же сказалъ, что они не совсѣмъ обыкновенные...

Югансонъ. На кого же она похожа?

Бенгтсонъ. На мумію... хотите посмортѣть на нее? (Открываетъ дверь). Вонъ она сидитъ!

Югансонъ. Господи, Бо...

*

Мумія (лепечетъ). Зачѣмъ открываютъ дверь, развѣ я не говорила, что она должна быть заперта...

Бенгтсонъ (болтая). Та, та, та, та! Маленькая дурочка, будьте пайнкой, тогда сладенькаго получите!—Славная попка!

Мумія (какъ попугай). Славная попка! А, Яковъ здѣсь? Курррру!

Бенгтсонъ. Она думаетъ, что она—попугай, возможно, что такъ оно и есть... Полли, по-свисти-ка намъ чуточку!

Мумія (свиститъ).

Югансонъ. Я много видовъ видывалъ, но подобнаго никогда!

Бенгтсонъ. Видите ли, когда домъ становится старъ, то появляется плѣсень, а когда люди долго сидятъ вмѣстѣ и терзаютъ другъ друга, то они сходятъ съ ума. Эта хозяйка въ домѣ—тише, Полли!—эта мумія просидѣла здѣсь сорокъ лѣтъ—тотъ же мужъ, та же мебель, тѣ же родственники, тѣ же друзья... (Снова запираетъ мумію). А что произошло въ этомъ домѣ—я почти не знаю... Посмотрите на эту статую... это—фру въ молодости!

Югансонъ. Боже милосердный! — Это — Мумія?

Бенгтсонъ. Да.—Плакать надо!—Но, благодаря ли силѣ воображенія или чему-нибудь другому, эта женщина переняла нѣкоторыя особенности болтливой птицы—равно какъ не переноситъ ни калѣкъ, ни больныхъ... Она не переноситъ своей родной дечери, потому что та больна...

Югансонъ. Фрѣкенъ больна?

Бенгтсонъ. А вы-то и не знали?

Югансонъ. Нѣтъ! А кто же такой полковникъ?

Бенгтсонъ. Вы еще увидите!—

Югансонъ (разсматриваетъ статую). Страшно даже подумать... Сколько теперь лѣтъ фру?

Бенгтсонъ. Никому неизвѣстно... но передаютъ, что когда ей было тридцать пять, то на видъ ей было девятнадцать и она внушила полковнику, будто она... Въ этомъ домѣ... знаете, зачѣмъ здѣсь стоятъ эти черныя японскія ширмы, вонъ тамъ, у качалки? Онѣ называются ширмами смерти и ставятся, когда кто-нибудь долженъ умереть, совсѣмъ, какъ въ больницѣ...

Югансонъ. Ужасный домъ... И сюда-то рвался студентъ, какъ въ рай...

Бенгтсонъ. Какой студентъ? Ахъ да, тотъ! Который придетъ сюда сегодня вечеромъ... Полковникъ и фрѣкенъ встрѣтили его въ оперѣ, и оба въ восторгѣ отъ него... Гм!... Но теперь мой чередъ спрашивать: Кто вашъ хозяинъ? Директоръ въ креслѣ на колесахъ...?

Югансонъ. Да! Да!—Онъ тоже будетъ здѣсь?

Бенгтсонъ. Его не звали.

Югансонъ. Онъ явится и безъ зова! Въ крайнемъ случаѣ!...

*

Старикъ (въ передней,—сюртукъ, цилиндръ, ко-
стыли; онъ пробирается впередъ и прислушивается).

Бенгтсонъ. Настоящій старый пройдоха,
что?

Югансонъ. Продувная бестія!

Бенгтсонъ. Видъ у него, какъ у самого
чорта!

Югансонъ. Онъ и колдунъ вдобавокъ!—
потому что онъ входитъ въ запертую дверь...

*

Старикъ (выходитъ, беретъ Югансона за ухо).
Мошенникъ!—Смотри ты у меня! (Бенгтсону). До-
ложите обо мнѣ полковнику!

Бенгтсонъ. Да, но здѣсь ждутъ гостей...

Старикъ. Знаю! Но меня тоже почти ждутъ,
хотя и безъ особеннаго нетерпѣнія...

Бенгтсонъ. Вотъ какъ! Какъ ваша фа-
милія? Директоръ Гуммель.

Старикъ. Совершенно вѣрно!—

Бенгтсонъ (уходитъ, черезъ переднюю, въ зеле-
ную комнату, дверь въ которую закрывается).

*

Старикъ (Югансону). Исчезни!

Югансонъ (колеблется).

Старикъ. Исчезни!

Югансонъ (исчезаетъ въ переднюю).

*

Старикъ (осматриваетъ комнату; въ глубокомъ изумленіи, останавливается передъ статуей). Амалія!... Это—она!... Она! (Онъ бродитъ по комнатѣ и ощупываетъ вещи; приводитъ въ порядокъ свой парикъ передъ зеркаломъ; возвращается къ статуѣ).

Мумія (изъ гардероба). Доб-рррая попка!

Старикъ (вздрагиваетъ). Что это? Никакъ здѣсь попугай въ комнатѣ? Но я ничего не вижу!

Мумія. Яковъ здѣсь?

Старикъ. Привидѣніе!

Мумія. Яковъ!

Старикъ. Мнѣ страшно!.. Такъ вотъ, какія тайны они охраняли въ этомъ домѣ! (Спиною къ гардеробу, онъ разсматриваетъ картину). Это—онъ!.. Онъ!

*

Мумія (появляется, сзади старика, и дергаетъ его за парикъ). Курррр-у! Это—Куррру?

Старикъ (подскакиваетъ). Боже милосердый!— Кто тутъ?

Мумія (человѣческимъ голосомъ). Это—Яковъ?

Старикъ. Меня зовутъ Яковомъ, да...

Мумія (въ волненіи). А меня зовутъ Амаліей!

Старикъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... О, Госпо...

Мумія. Такой-то видъ у меня! Да! А былъ вотъ какой! назидательная вещь—жизнь... я живу главнымъ образомъ въ гардеробѣ, чтобы не ви-

дѣтъ, и чтобы не видѣли... Но ты, Яковъ, чего ты ищешь здѣсь?

Старикъ. Моего ребенка! Нашего ребенка...

Мумія. Она сидитъ вонъ тамъ.

Старикъ. Гдѣ?

Мумія. Тамъ, въ комнатѣ съ гіацинтами!

Старикъ (разсматриваетъ фрѣкенъ). Да, это — она! Что же говоритъ ея отецъ, я хочу сказать, полковникъ? Твой мужъ?

(Молчаніе).

Мумія. Однажды я разсердилась на него, и рассказала ему все...

Старикъ. И что же?

Мумія. Онъ мнѣ не повѣрилъ и отвѣтилъ: „Такъ говорятъ всѣ жены, когда хотятъ убить своихъ мужей“.—Во всякомъ случаѣ, это было чудовищное преступленіе. Вѣдь вся его жизнь осквернена ложью, подложна и его родословная; иногда я просматриваю дворянскіе списки, и думаю: Она ходитъ съ подложнымъ метрическимъ свидѣтельствомъ, какъ служанка, а вѣдь это наказуется работнымъ домомъ...

Старикъ. Многие это дѣлаютъ; я помню, что ты неправильно показывала годъ твоего рожденія...

Мумія. Это моя мать научила меня... я тутъ ни при чемъ!... Но главнымъ образомъ ты повиненъ въ нашемъ преступленіи...

Старикъ. Нѣтъ, твой мужъ способствовалъ этому преступленію, отнявъ у меня невѣсту! Я былъ такъ устроенъ, что не могъ простить, не наказавъ—я смотрѣлъ на это, какъ на завѣтный долгъ... и продолжаю смотрѣть!

Мумія. Чего ты ищешь въ этомъ домѣ? Чего ты хочешь? Какъ ты проникъ сюда?—Ужъ не за моей ли дочерью? Если ты тронешь ее, ты умрешь!

Старикъ. Да, я пришелъ за нею!

Мумія. Но ты долженъ пощадить ея отца!

Старикъ. Нѣтъ!

Мумія. Тогда ты долженъ умереть; въ этой комнатѣ; за этими ширмами...

Старикъ. Да будетъ такъ... но я не выпущу куска, разъ я откусилъ...

Мумія. Ты намѣренъ выдать ее за студента; почему же? Вѣдь онъ—ничто и у него нѣтъ ничего.

Старикъ. Онъ будетъ богатъ, благодаря мнѣ!

Мумія. Ты званъ сюда сегодня вечеромъ?

Старикъ. Нѣтъ, но я намѣренъ заставить позвать меня сюда, на ужинъ призраковъ!

Мумія. Знаешь, кто придетъ?

Старикъ. Не вполнѣ.

Мумія. Баронъ... тотъ, что живетъ здѣсь, наверху, и тестя котораго схоронили сегодня...

Старикъ. Тотъ, что долженъ развестись и жениться на дочери привратницы... Тотъ, что когда-то былъ твоимъ—любовникомъ!

Мумія. И потомъ придетъ твоя бывшая не-
вѣста, что соблазнилъ мой мужъ...

Старикъ. Славное собраніе...

Мумія. Боже, еслибъ мы могли умереть!
еслибъ мы могли умереть!

Старикъ. Зачѣмъ же вамъ встрѣчаться
тогда?

Мумія. Преступленіе и тайны и вина свя-
зываютъ насъ!—Мы разрывали и расходились
безконечное множество разъ, но потомъ насъ снова
влечетъ другъ къ другу...

Старикъ. Кажется, уже полковникъ идетъ...

Мумія. Тогда я пойду къ Адели...

(Молчаніе).

Яковъ, подумай, что ты дѣлаешь! Пожалѣй его...

(Молчаніе. Она уходитъ).

*

Полковникъ (входитъ, холодно, сдержанно).
Прошу садиться!

Старикъ (медленно садится).

(Молчаніе).

Полковникъ (пристально смотритъ на него),
Вы писали вотъ это письмо?

Старикъ. Да.

Полковникъ. Васъ зовутъ Гуммелемъ?

Старикъ. Да!

(Молчаніе).

Полковникъ. Разъ я теперь знаю, что вы скупили всѣ мои наличные векселя, то отсюда слѣдуетъ, что я въ вашихъ рукахъ. Что вамъ нужно теперь?

Старикъ. Я хочу получить долгъ, въ томъ или иномъ видѣ.

Полковникъ. Въ какомъ же видѣ?

Старикъ. Весьма простомъ—не будемъ говорить о деньгахъ—терпите меня въ вашемъ домѣ, въ качествѣ гостя!

Полковникъ. Если вы довольствуетесь такою малостью...

Старикъ. Благодарю васъ!

Полковникъ. А потомъ?

Старикъ. Прогоните Бенгтсона!

Полковникъ. За что же? Моего преданнаго слугу, прослужившаго умения весь свой вѣкъ—награжденнаго отечественными медалями за вѣрную службу—за что же гнать его?

Старикъ. Всѣ эти прекрасныя качества—въ одномъ вашемъ воображеніи—Онъ не тотъ, чѣмъ кажется!

Полковникъ. Кто же, собственно, кажется тѣмъ, что есть?

Старикъ (отступая назадъ). Правда! Но Бенгтсонъ долженъ убраться!

Полковникъ. Вы хотите распоряжаться въ моемъ домѣ?

Старикъ. Да! Разъ мнѣ принадлежитъ все, что здѣсь видно—мебель, занавѣски, посуда, шкафъ съ бѣльемъ... и многое другое!

Полковникъ. Что же—другое?

Старикъ. Все! Все, что видно, принадлежитъ мнѣ,—мое!

Полковникъ. Хорошо,—ваше! Но мой дворянскій гербъ, и мое честное имя остаются при мнѣ!

Старикъ. Нѣтъ, даже этого не остается!

(Молчаніе).

Вы не—дворянинъ!

Полковникъ. Стыдитесь!

Старикъ (вынимаетъ бумагу). Если вы прочтете эту геральдическую справку, то увидите, что родъ, чье имя вы носите, вымеръ сто лѣтъ тому назадъ!

Полковникъ (читаетъ). До меня конечно, доходили подобныя слухи, но я ношу имя моего отца... (Читаетъ). Правда; вы—правы... Я не дворянинъ!—Даже этого не осталось!—Тогда я снимаю мой перстень съ печатью.—Правда, онъ принадлежитъ вамъ... Пожалуйста!

Старикъ (прячетъ кольцо въ карманъ). Теперь пойдемъ дальше!—Вы даже не полковникъ!

Полковникъ. Нѣтъ?

Старикъ. Нѣтъ! Когда-то, въ чинѣ полковника, вы были добровольцемъ на американской службѣ, но послѣ войны на Кубѣ, съ преобразованиемъ арміи, всѣ прежніе чины были упразднены...

Полковникъ. Правда?

Старикъ (берется за карманъ). Хотите прочесть?

Полковникъ. Нѣтъ, излишне!... Кто вы, разъ вы считаете себя въ правѣ такъ-то вотъ раздѣвать меня?

Старикъ. Увидите! Что же касается раздѣванія... знаете, кто вы?

Полковникъ. И вамъ не стыдно?

Старикъ. Снимите ваши волосы, и взгляните на себя въ зеркало, но за одно ужъ выньте зубы и сбрейте усы, да пусть Бенгтсонъ разстегнетъ желѣзный корсетъ, и тогда мы увидимъ, не обнаружится ли снова слуга X Y Z; тотъ, что былъ даровымъ нахлѣбникомъ на одной кухнѣ...

Полковникъ (хочетъ взять звонокъ со стола, но Старикъ предупреждаетъ его).

Старикъ. Не трогайте звонка, не зовите Бенгтсона, иначе я велю арестовать его... Теперь идутъ гости — сохраните ваше хладнокровіе, и мы будемъ играть наши старыя роли дальше!

Полковникъ. Кто вы? Я узнаю взглядъ и голосъ...

Старикъ. Не спрашивайте, молчите и только слушайте! —

Студентъ (входитъ, кланяется полковнику).
Г. полковникъ!

Полковникъ. Милости просимъ, молодой человекъ! Благодаря вашему благородному поведенію во время большого несчастія, ваше имя теперь у всѣхъ на устахъ, и я считаю за честь видѣть васъ у себя въ домѣ...

Студентъ. Г. полковникъ, мое низкое происхожденіе... Ваше блестящее имя и знатный родъ...

Полковникъ. Позвольте вамъ представить кандидата Аркенгольца, директоръ Гуммель... Не угодно ли поздороваться съ дамами, г. кандидатъ, мнѣ нужно кончить бесѣду съ директоромъ...

Студентъ (направляется въ комнату съ гіацинтами, гдѣ онъ, на виду у зрителей, смущенно разговариваетъ съ фрѣкенъ).

*

Полковникъ. Блестящій молодой человекъ, музыкаленъ, поетъ, пишетъ стихи... Будь онъ дворянинъ и равнаго происхожденія, я бы ничего не имѣлъ противъ... да...

Старикъ. Противъ чего?

Полковникъ. Чтобы моя дочь...

Старикъ. Ваша дочь!—Кстати, почему она вѣчно сидитъ тамъ?

Полковникъ. Она должна сидѣть въ комнатѣ съ гіацинтами, когда она не выѣзжаетъ!

Это—ея странность... А вотъ и фрѣкенъ Беата фонъ Гольстейнкрона... очаровательная женщина.. институтка съ рентой, вполнѣ достаточной для ея званія и положенія...

Старикъ (про себя). Моя невѣста!

*

Невѣста (сѣдая, слабоумная на видъ).

Полковникъ. Фрѣкенъ Гольстейнкрона, директоръ Гуммель...

Невѣста (кланяется и садится).

*

Знатный (входитъ, загадочнаго вида, въ траурѣ, садится).

Полковникъ. Баронъ Сканскоргъ...

Старикъ (въ сторону, не вставая). Кажется, это—похититель драгоценныхъ вещей... (Полковнику). Позовите Мумію, тогда общество будетъ въ сборѣ...

Полковникъ (въ дверь, въ комнату съ гіацинтами). Полли!

*

Мумія (входитъ). Курrrrr-у!

Полковникъ. Молодежь тоже позвать?

Старикъ. Нѣтъ! Только не молодежь! Ее нужно пощадить...

(Всѣ молча сидятъ въ кругу).

Полковникъ. Что же, будемъ пить чай?

Старикъ. На что онъ намъ! Никто не любить чаю, и намъ нечего лицемѣрить.

(Молчаніе).

Полковникъ. Тогда давайте бесѣдовать?

Старикъ (медленно, съ перерывами). Говорить о погодѣ, которую мы знаемъ, справляться о здоровьѣ, что намъ тоже извѣстно; я предпочитаю молчать, тогда слышны мысли, и видно прошедшее; молчаніе ничего не можетъ скрыть... что можетъ скрыть слово; недавно я читалъ, что различіе языковъ у дикихъ народовъ возникло дѣйствительно съ цѣлью скрыть отъ остальныхъ тайны рода; стало быть, языки—шифры, и тотъ, кто найдетъ ключъ, пойметъ всѣ языки міра; но это не мѣшаетъ разгадывать тайны и безъ ключа, и въ особенности въ томъ случаѣ, когда нужно доказать, кто—отецъ ребенка; вѣдь доказательство на судъ—нѣчто другое; два лжесвидѣтеля составляютъ полное доказательство, лишь бы ихъ показанія сходились, въ дѣлахъ же, на которыя намекаю я, не прибѣгаютъ къ свидѣтелямъ, ибо сама природа надѣлила человѣка чувствомъ стыда, которое старается скрыть то, что должно быть скрыто; но мы попадаемъ въ иныя положенія, не желая этого, и порою представляется случай, когда самое сокровенное должно раскрыться, когда

срывается маска съ мошенника, когда плуть изобличается...

(Молчаніе; всѣ молча смотрятъ другъ на друга).

Старикъ. Какъ тихо стало!

(Долгое молчаніе).

Старикъ. Здѣсь, напримѣръ, въ этомъ почтенномъ домѣ, въ этой славной семьѣ, гдѣ сочетаются красота, образованіе и благоденствіе...

(Долгое молчаніе).

Всѣ мы, сидящіе здѣсь, знаемъ, кто — мы.. не правда ли?... мнѣ не нужно говорить объ этомъ... и вы знаете меня, хотя и дѣлаете видъ, что не знаете... Вонъ тамъ, съ другой стороны, сидитъ моя дочь, моя, вамъ и это извѣстно... Она потеряла охоту жить, сама не зная, почему... но она увяла въ этомъ воздухѣ, насыщенномъ преступленіемъ, обманомъ и всевозможной ложью... поэтому я искалъ ей друга, въ чьей близости она могла бы ощутить свѣтъ и тепло благороднаго дѣянія...

(Долгое молчаніе).

Такова была моя миссія въ этомъ домѣ: удалить сорную траву, раскрыть преступленіе, подвести итоги, чтобы молодые могли начать новое въ этомъ домѣ, который я имъ подарилъ!

(Долгое молчаніе).

Теперь я предоставляю свободное отступление, каждому по очереди и порядку; того же, кто останется, я велю арестовать!

(Долгое молчаніе).

Слышите, какъ тикають часы, какъ зловъщій жучекъ-точильщикъ! Слышите, что они говорятъ? „Вре-мя! Вре-мя! — — —“

Когда они пробьютъ, черезъ нѣсколько минутъ, то вашъ срокъ настанетъ, тогда вамъ придется уйти, но не раньше. Но часы предупреждаютъ, прежде чѣмъ бить!—Слушайте! теперь они предостерегаютъ: „Часы могу бить“ — — — Я тоже могу бить... (Онъ стучитъ костылемъ о полъ). Слышите?

(Молчаніе).

*

Мумія (подходитъ къ часамъ и останавливаетъ ихъ потому связано и серьезно говорить). Но я могу остановить время въ его бѣгѣ—я могу превратить прошедшее въ ничто, свершенное—въ несвершенное; но не подкупомъ, не угрозою—а страданіемъ и раскаяньемъ— — —

(Подходитъ къ старику).

Мы—жалкіе люди, мы это знаемъ; мы совершали преступленія, грѣшили, мы, какъ всѣ; мы не то, чѣмъ кажемся, потому что въ глубинѣ мы лучше

самихъ себя, когда мы осуждаемъ наши заблужденія; но то, что ты, Яковъ Гуммель, съ ложнымъ именемъ берешься быть судьей, доказываетъ, что ты хуже, чѣмъ мы, бѣдные! Даже ты самъ не то, чѣмъ кажешься!—Ты—воръ людей, потому что нѣкогда ты укралъ меня ложными обѣщаніями; ты убилъ консула, котораго схоронили сегодня, ты задушилъ его векселями; ты укралъ студента, связавъ его вымышленнымъ долгомъ его отца, который никогда не былъ долженъ тебѣ ни гроша...

Старикъ (пытался, было, встать и говорить, но упалъ въ кресло и съежился, и все больше и больше съеживается во время дальнѣйшаго).

Мумія. Но есть одно темное пятно въ твоей жизни, которое я знаю не вполнѣ, все же догадываюсь... я думаю, что Бенгтсонъ точно знаетъ! (Звонить).

Старикъ. Нѣтъ, не надо Бенгтсона! Не надо его!

Мумія. Да, да, онъ знаетъ это! (Звонить вторично). (Теперь появляется маленькая Мопочница въ дверяхъ въ переднюю, невидимая никому, кромѣ Старика, который приходитъ въ ужасъ; съ появленіемъ Бенгтсона дѣвушка исчезаетъ).

Мумія. Бенгтсонъ, вы знаете этого господина?

Бенгтсонъ. Да, я знаю его и онъ меня. Жизнь, какъ намъ извѣстно, мѣняется, и то я служилъ у него, а то онъ въ другой разъ — у меня. Онъ кормился даромъ на моей кухнѣ цѣлыхъ два года — когда ему нужно было уходить въ три, то обѣдъ готовился къ двумъ, и семья должна была ѣсть разогрѣтую пищу послѣ этого быка. — Но онъ еще выпивалъ бульонъ, который потомъ приходилось разбавлять водою — онъ сидѣлъ тамъ, какъ вампиръ, и высасывалъ всѣ соки въ домѣ, такъ что мы стали, какъ скелеты — и онъ готовъ былъ посадить насъ въ тюрьму, когда мы называли кухарку воровкой.

Потомъ я встрѣтилъ этого человѣка въ Гамбургѣ подъ другимъ именемъ. Тамъ онъ былъ ростовщикомъ или кровопійцей; но тамъ онъ обвинялся въ томъ, что заманилъ одну дѣвушку на ледъ, чтобы утопить ее, такъ какъ она была свидѣтельница одного преступленія, раскрытія котораго онъ боялся...

Мумія (проводитъ рукою по лицу старика). Это — ты! Доставай же теперь векселя и завѣщаніе!

Югансонъ (показывается въ дверяхъ изъ передней и смотритъ на происходящее съ большимъ интересомъ, потому что онъ теперь освобождается отъ рабства).

Старикъ (вынимаетъ связку бумагъ и бросаетъ на столъ)

Мумія (гладитъ старика по спинѣ). Попка! Яковъ здѣсь?

Старикъ (какъ попугай). Яковъ здѣсь! —

Мумія Часы могутъ быть?

Старикъ (птичьимъ голосомъ) Часы могутъ бить! (Подражаетъ кукушкѣ). Ку-ку, ку-ку, ку-ку!..

Мумія (открываетъ дверь въ гардеробъ). Теперь часъ пробилъ!—Встань, ступай въ гардеробъ, гдѣ я просидѣла двадцать лѣтъ и оплакивала нашъ проступокъ. Тамъ виситъ веревка, она можетъ замѣнить ту, которою ты задушилъ консула наверху и которою ты имѣлъ въ виду задушить своего благодѣтеля... Ступай!

Старикъ (уходитъ въ гардеробъ).

Мумія (закрываетъ дверь). Бенгтсонъ! Поставь ширмы! Ширмы смерти!

Бенгтсонъ (заставляетъ дверь ширмами).

Мумія. Свершилось!—Господи, сжался надъ его душой!

Всѣ. Аминь!

(Долгое молчаніе.)

*

(Въ комнатѣ съ гіацинтами видна фрѣкенъ возлѣ арфы, на которой она аккомпанируетъ речитативу студента)

Пѣсня съ предшествующей прелюдіей

Солнце видѣлъ я,—казалось,
Мнѣ открылся Сокровенный.
Всѣмъ дается по дѣяньямъ,

Благъ, кто доброе свершаетъ.
Въ томъ, что въ жизни ты содѣлалъ въ гнѣвѣ,
Кайся безъ гордыни.
Всѣхъ, чье сердце ты изранилъ,
Ты утѣшишь добротою.
Страхъ невѣдомъ тѣмъ, кто зла не сдѣлалъ,
Счастливъ, кто безгрѣшенъ.

З А Н А В Ъ С Ъ .

Комната въ нѣсколько причудливомъ стилѣ; восточные мотивы. Всюду гіацинты всѣхъ цвѣтовъ. На каминѣ стоитъ большая статуя Будды съ луковицей на колѣняхъ, изъ которой выросъ стебель шарлота съ шарообразной кистью бѣлаго звѣздоцвѣта!

Въ глубинѣ, направо, дверь въ круглый залъ: тамъ виденъ полковникъ съ муміей, сидящіе безъ дѣла и молча; видна также и часть ширмъ смерти; направо: дверь въ буфетную и кухню.

Студентъ и фрѣкенъ (Апель) у стола; она сидитъ съ арфой; онъ стоитъ.

Фрѣкенъ. Теперь пойте моимъ цвѣтамъ!

Студентъ. Это цвѣты вашей души?

Фрѣкенъ. Это—мое единственное! Вы любите гіацинты?

Студентъ. Я люблю ихъ больше всѣхъ другихъ, ихъ дѣвическій образъ, что стройно и прямо поднимается изъ клубня, который покоится на водѣ и погружаетъ свои бѣлые, чистые корни въ безцвѣтную жидкость; я люблю ихъ цвѣта; невинный и чистый бѣло-снѣжный, нѣжный желтый, какъ медь, молодой розовый, зрѣлый красный, но выше всѣхъ голубой, росисто-голубой, глубоко-глазый, вѣрный... Я люблю всѣ, болѣе, чѣмъ золото и жемчугъ, я любилъ ихъ съ дѣтства, бла-

гоговѣль предъ ними, потому что они обладаютъ всѣми прекрасными качествами, которыхъ мнѣ недостаетъ... Все же!..

Фрѣкенъ. Что?

Студентъ. Моя любовь остается безъ отвѣта, потому что прекрасные цвѣты ненавидятъ меня...

Фрѣкенъ. Какъ?

Студентъ. Ихъ запахъ, крѣпкій и чистый, благодаря первымъ весеннимъ вѣтрамъ, пролетавшимъ надъ тающимъ снѣгомъ,—ихъ запахъ смущаетъ мои чувства, оглушаетъ меня, ослѣпляетъ, гонитъ меня изъ комнаты, осыпаетъ меня ядовитыми стрѣлами, которыя вызываютъ боль въ моемъ сердцѣ и жаръ въ моей головѣ! Развѣ вы не знаете притчи объ этомъ цвѣткѣ?

Фрѣкенъ. Расскажите!

Студентъ. Но сперва его значеніе. Клубень—земля, что покоится на водѣ или лежитъ во прахѣ; и вотъ быстро вырастаетъ стебель, прямой, какъ міровая ось, и на верхнемъ концѣ его сидятъ звѣздообразные цвѣты о шести лучахъ.

Фрѣкенъ. Надъ землею звѣзды! Ахъ, это—величественно, откуда вы узнали это, гдѣ вы это видѣли?

Студентъ. Дайте подумать!—Въ вашихъ глазахъ!—Стало быть, это—образъ Вселенной... Поэтому Будда сидитъ съ луковицей—землею,

не сводить съ нея своихъ глазъ, чтобы видѣть, какъ она вырастаетъ вверхъ, превращаясь въ небо. Бѣдная земля должна стать небомъ! Вотъ, чего ждетъ Будда!

Фрѣкенъ. Теперь я видѣла—развѣ у подснежника не такой же шестилучный цвѣтокъ, какъ у лиліи—гіацинта?

Студентъ. Вѣрно!—Тогда подснежники—падающія звѣзды.

Фрѣкенъ. И подснежникъ—снежная звѣзда... выросшая изъ снѣга.

Студентъ. Но Сиріусъ, самая большая и самая красивая изъ небесныхъ звѣздъ, въ желтомъ и красномъ, это же—нарцисъ съ его желтой и красной чашечкой и шестью бѣлыми лучами...

Фрѣкенъ. Вы видѣли, какъ цвѣтеть шарлотъ?

Студентъ. Разумѣется видѣлъ! Цвѣты его собраны въ мячъ, въ шаръ, похожій на небесный глобусъ, усыянный бѣлыми звѣздами...

Фрѣкенъ. Да, Боже, какъ величественно! Чья это была мысль?

Студентъ. Твоя!

Фрѣкенъ. Твоя!

Студентъ. Наша! — Мы создали нѣчто вмѣстѣ, мы помолвлены...

Фрѣкенъ. Еще нѣтъ...

Студентъ. Что же остается?

Фрѣкенъ. Ожиданіе, испытаніе, терпѣніе!

Студентъ. Хорошо! Испытай меня!

(Молчаніе).

Скажи! Почему родители сидятъ въ такомъ молчаніи, не говоря ни слова?

Фрѣкенъ. Потому что имъ нечего сказать другъ другу, потому что одинъ не вѣрить, что говорить другой. Мой отецъ высказалъ это такъ: Что пользы говорить, мы же не можемъ обмануть другъ друга?

Студентъ. Ужасно слышать это...

Фрѣкенъ. Вотъ идетъ кухарка... Посмотри, какая она большая и жирная...

Студентъ. Чего она хочетъ?

Фрѣкенъ. Она хочетъ спросить объ обѣдѣ, вѣдь я управляю домомъ во время болѣзни моей матери...

Студентъ. Какое намъ дѣло до кухни?

Фрѣкенъ. Должны же мы ѣсть. Посмотри на кухарку, я не могу видѣть ея...

Студентъ. Кто—эта исполинская женщина?

Фрѣкенъ. Она принадлежитъ къ семейству вампира Гуммеля; она пожираетъ насъ...

Студентъ. Почему же ее не прогонять?

Фрѣкенъ. Она не уходитъ! Мы не властны надъ нею, она досталась намъ за наши грѣхи... Развѣ вы не видите, что мы чахнемъ, сохнемъ...

Студентъ. Неужели вамъ не приходится ѣсть?

Фрѣкенъ. Ахъ, мы получаемъ много блюдъ, но они совсѣмъ не питательны... Она вывариваетъ мясо, подаетъ намъ одни волокна и воду, а бульонъ выпиваетъ сама; когда же бываетъ жаркое, то она сперва вывариваетъ сокъ, поѣдаетъ соусъ, выпиваетъ подливку; все, къ чему она прикасается, теряетъ сочность, точно она высасываетъ глазами; мы получаемъ подонки, когда уже кофе она выпила, она выпиваетъ вино и наливаетъ бутылки водою...

Студентъ. Гоните же ее!

Фрѣкенъ. Мы не можемъ!

Студентъ. Почему?

Фрѣкенъ. Мы не знаемъ! Она не уходитъ! Никто не властенъ надъ нею.—Она же обезсилила насъ!

Студентъ. Могу я прогнать ее?

Фрѣкенъ. Нѣтъ! Должно быть такъ, какъ есть!—Ну, вотъ и она! Она спросить, что будетъ къ обѣду, я отвѣчу то-то и то-то; она начнетъ противорѣчить, и останется, какъ она хочетъ.

Студентъ. Тогда пусть она сама выбираетъ!

Фрѣкенъ. Она не хочетъ.

Студентъ. Поразительный домъ. Заколдованный!

Фрѣкенъ. Да!—Но, увидѣвъ васъ, она теперь уходитъ назадъ?

*

Кухарка (въ дверяхъ). Нѣтъ, вовсе не потому!
(Смѣется такъ, что зубы видны).

Студентъ. Прочь, женщина!

Кухарка. Когда захочу! (Молчаніе). — Теперь захотѣла! (Исчезаетъ).

Фрѣкенъ. Не горячитесь! — Испытывайте ваше терпѣніе; она принадлежитъ къ испытаніямъ, которыя мы претерпѣваемъ въ этомъ домѣ! Но у насъ есть еще горничная! За которой мы должны убирать!

Студентъ. Теперь я утопаю! *Cog in aethere!*
Пѣсню!

Фрѣкенъ. Подождите!

Студентъ. Пѣсню!

Фрѣкенъ. Терпѣніе! — Эта комната называется комнатой испытаній — пріятно видѣть ее, но она отличается одними неудобствами...

Студентъ. Невѣроятно; но не надо обращать вниманія на это! Она красивая, но немного холодная. Почему вы не топите?

Фрѣкенъ. Потому что дымить.

Студентъ. Развѣ нельзя вычистить трубу?

Фрѣкенъ. Не помогаетъ!.. Видите этотъ письменный столъ?

Студентъ. Чрезвычайно красивый!

Фрѣкенъ. Но онъ качается; я каждый день кладу кружокъ пробки подъ ногу, но, подметая, служанка вынимаетъ его, и мнѣ приходится вы-

рѣзать новый. Ручка каждое утро въ чернилахъ, какъ и весь письменный приборъ; мнѣ приходится отмывать его послѣ нея, каждое утро, когда восходитъ солнце. (Молчаніе). А вы знаете, что хуже всего?

Студентъ. Считать бѣлье! Фу!

Фрѣкенъ. Это—мое занятіе! Фу!

Студентъ. А еще что?

Фрѣкенъ. Прерывать ночной сонъ, когда нужно вставать и укрѣпить верхній крючекъ у окна... который забыла горничная.

Студентъ. И еще!

Фрѣкенъ. Подниматься по лѣстницѣ и прикрѣплять веревку отъ вьюшки, оборванную горничной.

Студентъ. И еще!

Фрѣкенъ. Подметать за нею, вытирать пыль, и затапливать печку за нею, потому что она только кладетъ дрова! Закрывать печку, вытирать стаканы, накрывать столъ, раскупоривать бутылки, открывать окно и провѣтривать, убирать свою постель, промывать графинъ съ водою, когда онъ зеленѣетъ отъ водорослей, покупать спички и мыло, которыхъ никогда нѣтъ, вытирать ламповыя стекла и обрѣзать фитили, чтобы лампы не дымили, а чтобы лампы не погасли, когда гость въ домѣ, я должна наливать ихъ сама...

Студентъ. Пѣсню!

Фрѣкенъ. Подождите! — Сначала трудъ, трудъ, чтобы удалить отъ себя грязь жизни.

Студентъ. Но вы же состоятельны, у васъ двѣ прислуги.

Фрѣкенъ. Не помогаетъ! Держи хоть троихъ! Тяжело жить, и я устаю иногда... Подумайте еще о дѣтской!

Студентъ. Величайшая изъ радостей...

Фрѣкенъ. Самая дорогая... Стоитъ ли жизнь столькоихъ трудовъ?

Студентъ. Это зависитъ отъ того: какой награды ждуть за труды... Я бы ничего не побоялся, чтобы получить вашу руку.

Фрѣкенъ. Не говорите такъ!—Я никогда не буду вашей!

Студентъ. Почему?

Фрѣкенъ. Вы не должны спрашивать объ этомъ.

(Молчаніе).

Студентъ. Вы уронили браслетъ въ окно...

Фрѣкенъ. Потому что рука у меня исхудала...

(Молчаніе).

Кухарка (показывается съ японской бутылкой въ рукѣ).

Фрѣкенъ. Вотъ, кто пожираетъ меня и насъ всѣхъ.

Студентъ. Что у нея въ рукѣ?

Кухарка. Это—бутылка съ красящей жидкостью и адскими буквами! Это—соя, превращающая воду въ бульонъ, замѣняющая соусъ; на ней варятъ капусту, готовятъ черепаховый супъ.

Студентъ. Вонь!

Кухарка. Вы высасываете соки изъ насъ, а мы—изъ васъ; вы берете кровь и получаете воду назадъ—подкрашенную. Это—красящая жидкость! Теперь я уйду, но я могу оставаться, сколько захочу! (Уходитъ).

Студентъ. За что Бенгтсонъ получилъ медаль?

Фрѣкенъ. За свои большія заслуги.

Студентъ. У него нѣтъ никакихъ недостатковъ?

Фрѣкенъ. И очень крупные, но за нихъ не получаютъ медалей.

(Они улыбаются).

*

Студентъ. У васъ много тайнъ въ домѣ...

Фрѣкенъ. Какъ и у другихъ... оставьте насъ съ нашими!

(Молчаніе).

Студентъ. Вы любите искренность?

Фрѣкенъ. Да, до извѣстной степени!

Студентъ. Порою меня охватываетъ бѣшеное желаніе высказать все, что я думаю; но я знаю, что міръ рухнулъ бы, если бѣ люди были искренни вполнѣ.

(Молчаніе).

Недавно я былъ на похоронахъ... въ церкви— было очень торжественно и красиво!

Фрѣкенъ. На похоронахъ директора Гуммеля?

Студентъ. Моего мнимаго благодѣтеля, да!— У изголовья гроба стоялъ пожилой другъ умершаго, онъ же шелъ во главѣ погребальнаго шествія; священникъ произвелъ на меня особенное впечатлѣніе своей почтенной внѣшностью и своими трогательными словами.— Я плакалъ, мы плакали всѣ.—Потомъ мы отправились въ ресторанъ... Тамъ я узналъ, что руководитель шествіемъ любилъ сына покойнаго...

Фрѣкенъ (пристально смотритъ на него, стараясь понять смыслъ его словъ).

Студентъ. И что покойный занималъ деньги у поклонника своего сына...

(Молчаніе).

На другой день священникъ былъ арестованъ, потому что онъ растратилъ церковныя деньги! — Очень мило!

Фрѣкенъ. Фу!

(Молчаніе).

Студентъ. Знаете, что я теперь думаю о васъ?

Фрѣкенъ. Не говорите, иначе я умру!

Студентъ. Я долженъ, иначе я умру!

Фрѣкенъ. Въ больницѣ говорятъ все, что думаютъ...

Студентъ. Совершенно вѣрно!—Мой отецъ кончилъ сумасшедшимъ домомъ...

Фрѣкенъ. Онъ былъ боленъ?

Студентъ. Нѣтъ, онъ былъ здоровъ, но онъ былъ безуменъ! Вотъ, однажды и взорвало его, и при слѣдующихъ обстоятельствахъ... У него, какъ у всѣхъ насъ, былъ кружокъ знакомыхъ, которыхъ онъ, для краткости, называлъ друзьями; разумѣется, то были жалкія твари, какъ большинство людей. Но у него должно было быть общество, почему что онъ не могъ сидѣть въ одиночествѣ. Такъ вотъ, людямъ обыкновенно не говорятъ, что о нихъ думаютъ, и онъ тоже не говорилъ. Онъ отлично зналъ, какъ они лживы, онъ зналъ ихъ невѣрность вполнѣ... Но онъ былъ мудрый человѣкъ и благовоспитанный, и поэтому онъ былъ всегда учтивъ. Но однажды онъ собралъ много гостей—дѣло было вечеромъ; онъ усталъ отъ дневной работы, и благодаря усилю частью молчать, частью говорить всякій навозъ съ гостями...

Фрѣкенъ (въ ужасѣ).

Студентъ. Такъ вотъ, за столомъ, онъ проситъ вниманія, беретъ стаканъ и собирается говорить... Тогда тормазь сорвался, и въ длинной рѣчи онъ разоблачилъ всѣхъ собравшихся, одного за другимъ, высказалъ имъ всю ихъ лживость. И, утомленный, онъ сѣлъ на середину стола и просилъ ихъ убираться къ чорту!

Фрѣкенъ. Фу!

Студентъ. Я былъ при этомъ, и я никогда не забуду, что произошло послѣ!.. Отецъ и мать стали драться, гости бросились въ дверь... и отца отправили въ сумасшедшій домъ, гдѣ онъ и умеръ!

(Молчаніе)

Отъ слишкомъ долгаго молчанія образуется стоячая вода, которая загниваетъ, и то же самое и въ этомъ домѣ. Здѣсь еще что-то сгнило! А я-то думалъ, что здѣсь—рай, когда я впервые увидѣлъ васъ входящей сюда... Я стоялъ въ воскресное утро и смотрѣлъ сюда; я видѣлъ полковника, который не былъ полковникомъ, у меня былъ благодѣтель, который оказался разбойникомъ и долженъ былъ повѣситься, я видѣлъ мумію, которая не была муміей, и дѣву, кстати, гдѣ дѣвственность? Гдѣ красота? Въ природѣ и въ моей душѣ, когда все въ праздничномъ нарядѣ! Гдѣ честь и вѣра? Въ сказкахъ и дѣтскихъ представленіяхъ! Гдѣ то, что сдерживаетъ обѣщанное?..

Въ моемъ воображеніи!—Теперь ваши цвѣты отравили меня и я вернулъ вамъ ядъ—я просилъ васъ быть моей женою въ моемъ домѣ, мы грезили, пѣли и играли, и вотъ вошла кухарка... *Sursum corda!* Попробуйте еще разъ извлечь огонь и пурпуръ изъ золотой арфы... попробуйте, я прошу, я приказываю на колѣняхъ... Хорошо, тогда я сдѣлаю самъ.

(Беретъ арфу, но струны не звучать).

Она нѣма и глуха! Подумать только, что самые прекрасные цвѣты такъ ядовиты, они—самые ядовитые, вѣдь на всемъ твореніи и жизни почилъ проклятіе... Почему вы не хотите стать моей невѣстой? Потому что вы больны въ первоисточникѣ жизни.., теперь я чувствую, какъ вампиръ на кухнѣ начинаетъ сосать меня, мнѣ кажется, это—Ламія, сосущая дѣтей, вѣдь въ семьяхъ всегда на кухнѣ ранятъ дѣтей въ самомъ сокровенномъ, если только это случается не въ спальнѣ... есть яды, которые ослабляютъ зрѣніе, и яды, которые открываютъ глаза—я, конечно, родился съ послѣднимъ, потому что я не могу видѣть въ отвратительномъ красиваго, ни называть зло добромъ, не могу! Иисусъ Христосъ сошелъ въ адъ, то было его скитаніе по землѣ, онъ сошелъ на землю—сумасшедшій домъ, на землю—смирительный домъ, на землю—кладбище; и безумцы убили

его, когда онъ хотѣлъ освободить ихъ, а разбойникъ былъ выпущенъ на свободу, разбойникъ всегда возбуждаетъ сочувствіе!—Горе! Горе намъ всѣмъ! Спаситель міра, спаси насъ, мы гибнемъ!

Фрѣкенъ (падаетъ, у нея виль умирающей, звонить. Входитъ Бенгтсонъ). Ширмы! Скорѣе—я умираю.

Бенгтсонъ (возвращается съ ширмами, которыя онъ раскрываетъ и ставитъ передъ фрѣкенъ).

Студентъ. Освободитель близится! Привѣтъ тебѣ, блѣдная, кроткая!—Спи, прекрасная, несчастная, невинная, неповинная въ твоихъ страданіяхъ, спи безъ сновъ, и когда ты проснешься снова... пусть тебя привѣтствуетъ солнце, которое не жжетъ, въ домѣ безъ грязи, родня безъ позора, непорочная любовь... Ты, мудрый, кроткій Будда, что сидишь здѣсь и ждешь, когда изъ земли вырастетъ небо, дай намъ терпѣнія въ испытаніи, чистоту воли, чтобы надежду миновало посрамленіе!

(Начинаетъ гудѣть въ струнахъ арфы; комната наполняется бѣлымъ свѣтомъ).

Солнце видѣлъ я,—казалось,
Мнѣ открылся Сокровенный.
Всѣмъ дается по заслугамъ,
Благъ, кто доброе свершаетъ.
Въ томъ, что въ жизни ты содѣлалъ въ гнѣвѣ,

Кайся безъ гордыни;
Всѣхъ, чье сердце огорчилъ ты,
Ты утѣшишь добротою.
Страхъ невѣдомъ тѣмъ, кто зла не знаетъ,
Счастливы, кто безгрѣшенъ.

(Слышенъ стонъ за ширмами).

Ты, бѣдное, малое дитя, дитя этого міра заблужденій, грѣха, страданія и смерти; міра вѣчной измѣнчивости, разочарованій и боли! Пусть Отецъ Небесный будетъ милосердъ къ тебѣ въ твоемъ пути...

(Комната исчезаетъ; въ глубинѣ виденъ Островъ мертвыхъ Бѣклина; оттуда доносится чуть взятная, тихая, сладостно-скорбная музыка).

ЯЛЬМАРЬ СЁДЕРБЕРГЪ

- I. ПО ТЕЧЕНИЮ
- II. МЕЛКІЙ ДОЖДЬ
- III. САТАНА, МАЙОРЪ И ПРИДВОРНЫЙ
ПРОПОВѢДНИКЪ
- IV. ВОЗДАЯНІЕ ЗА ГРѢХЪ
- V. БЕЗДОМНАЯ СОБАКА
- VI. ТѢНЬ

Переводъ со шведскаго
Ю. БАЛТРУШАИТИСА

Яльмаръ Сёдербергъ.

Къ длинному списку поразительныхъ мастеровъ Слова, уже не разъ и не разъ возвысившихъ шведскую литературу до глубокаго общечеловѣческаго значенія, современная Швеція, безъ существенныхъ оговорокъ, можетъ присоединить еще нѣсколько именъ, и прежде всего — Яльмара Сёдерберга (Hjalmar Söderberg).

Уже въ первомъ своемъ разсказѣ *Заблужденія*, съ которымъ Сёдербергъ выступилъ въ 1893 г., двадцатилѣтній авторъ въ значительной степени обнаружилъ то мастерство формы, ту утонченность стиля, ту остроту наблюденія и вдумчивость творческаго настроенія, которыя впоследствии, въ сборникахъ новелль: *Маленькія исторіи* (1895 г.) и *Чужіе* (1903), и въ особенности въ большой повѣсти *Молодость Мартина Бирка* (1901), были доведены имъ до такого совершенства, что многія и многія страницы его могутъ безъ труда выдержать сравненіе даже съ-такимъ возвышеннымъ художникомъ, какъ Августъ Стриндбергъ.

Изощряя свое рѣдкое врожденное чутье формы и стиля подъ вліяніемъ лучшихъ образцовъ европейской художественной прозы—въ частности Анатоля Франса—Сёдербергъ въ то же время рано и глубоко началъ томиться всей тоскою и всѣми порывами современной души, и къ концу вотъ уже пятнадцатилѣтняго періода своей литературной дѣятельности, какъ одинъ изъ немногихъ, не только въ Швеціи, онъ все-сторонне и дѣятельно проникся всѣмъ духомъ современнаго сознанія.

На такомъ, перешедшемъ въ чувство, сознаниі, въ связи съ вдумчивымъ складомъ ума и острою наблюдательностью, молодой шведскій писатель основалъ все свое отношеніе къ міру, наложившее на все его творчество глубокой отпечатокъ волнующей мечтательной грусти и тонкой добродушной ироніи, что во многихъ отношеніяхъ, и порою до поразительнаго совпаденія, сближаетъ Сёдерберга съ нашимъ Чеховымъ. И только при наличности такого внутренняго опыта и могъ возникнуть у него сжатый, отрывочный, мѣткій и въ то же время загадочный, рѣшительный и въ то же время мягкой, ясный ясностью очертаній отдаленныхъ вечернихъ горъ, языкъ лучшихъ его произведеній, доведенный иногда, какъ напр., въ замѣчательной драмѣ *Гертруда*, до библейской предѣльности языка Ибсена.

Это тонкое ощущеніе, въ которомъ Сёдербергъ сливается съ міромъ и жизнью и которое придаетъ такую огромную цѣнность его творчеству, съ каждымъ его новымъ произведеніемъ только становилось острѣе, только возрастало и возрастаетъ въ своей глубинѣ и сложности, и когда стараешься опредѣлить его, то невольно вспоминаются заключительныя строки его тонкой повѣсти *Юность Мартина Бирка*, гдѣ авторъ описываетъ поцѣлуй своего героя:

„И все, насыщеніе и голодъ, жажду и утоленіе, блаженство солнца и ужасъ темноты, ясную мысль дня и блѣдное лунное мечтаніе ночи, всю радость земли и все горе земное, казалось, онъ впивалъ изъ этого источника“.

Съ такимъ чувствомъ Сёдербергъ смотритъ на міръ. И ни въ чьихъ другихъ устахъ не могли бы, столь же убѣжденно и столь же убѣдительно, звучать слова замѣчательнаго финскаго поэта Карла Тавастшерна:

Близъ и даль—одно. Что въ маломъ,
Что въ великомъ,—безпредѣльность...

Ю. Балтрушайтисъ.

По теченію.

I.

Нѣтъ, Габріэль Мортимеръ пересталъ быть самимъ собою съ тѣхъ поръ, какъ женился. Такъ говорили всѣ. Одни, немногіе, говорили это съ оттѣнкомъ грусти въ голосъ, большинство же — съ одобреніемъ.

Въ своей молодости онъ прославился разными странностями. Самою замѣчательною изъ нихъ, и вдобавокъ вызывавшею въ свое время наибольшее негодованіе родни, было его твердое, рано и надолго принятое, рѣшеніе не быть ничѣмъ. Онъ многому учился, но никогда не сдавалъ экзаменовъ. Онъ путешествовалъ и, хотя и неправильно, велъ дневники о своемъ душевномъ развитіи, что порою дѣлали образованные молодые люди того времени. Ко всеобщему ужасу, онъ безъ лишнихъ словъ заявилъ, что, на его взглядъ, онъ достигъ достаточно высокой точки зрѣнія, чтобы представить времени проходить своимъ чередомъ, не прибѣгая къ тому времяпровожденію, которое называется добросовѣстнымъ и правильнымъ испол-

неніемъ своихъ обязанностей. Развѣ мѣръ не былъ полонъ юстиціи-совѣтниками, журналистами и директорами акціонерныхъ обществъ? И развѣ не было бы черною неблагодарностью Провидѣнію, давшему ему ренту, если бѣ онъ ненужною конкуренціей сталъ отягчать остальнымъ борьбу за существованіе? Такимъ образомъ на него стали смотрѣть, какъ на невмѣняемаго, по адресу котораго серьезные люди дѣлали гримасы,—какъ на оригинала, котораго можно было терпѣть, благо у него была рента и благо онъ могъ отъ поры до времени потѣшать общество своими парадоксами.

Впрочемъ, ему было безразлично, одобряли его поведеніе или нѣтъ. Онъ ѣлъ хорошіе обѣды, затѣвалъ веселыя приключенія и читалъ лучшія книги. Онъ не берегъ своего здоровья; но онъ переносилъ все, потому что былъ крѣпокъ отъ природы. Сдѣлавъ утромъ далекую прогулку за городомъ и послѣ обѣда похоронивъ старую тетюшку, онъ могъ беззаботно провести вечеръ въ довольно бурномъ холостомъ обществѣ и, вернувшись домой, просидѣть пару ночныхъ часовъ надъ изученіемъ какого-нибудь англійскаго философа. Но если поздно ночью масло въ его лампѣ начинало догорать и онъ поднималъ шторы, и въ комнату падалъ лунный свѣтъ, то случалось иногда, что безпокойство въ его крови снова гнало

его изъ дому, гдѣ всѣ спали, и онъ бродилъ по улицамъ и площадямъ. И случилось тогда, что въ такую таинственно-свѣтлую лунную ночь онъ попадалъ на какую-нибудь пустынную улицу, перспектива которой, теряясь въ лунномъ туманѣ, казалось, вводила прямо въ безконечность, и вотъ онъ могъ внезапно останавливаться и съ замороженными этимъ пепельно-бѣлымъ свѣтомъ глазами спрашивать себя, та ли это улица, по которой онъ столько разъ бродилъ взадъ и впередъ и при яркомъ солнцѣ и въ облачные сѣрые дни, и дѣйствительно ли эти ряды безмолвныхъ, незнакомыхъ домовъ, окрашенныхъ луною въ призрачно-бѣлый цвѣтъ, составляли часть того же самого города, гдѣ онъ, днемъ, чувствовалъ себя, какъ въ своей собственной комнатѣ. Можетъ быть, лунный свѣтъ имѣлъ въ виду сказать ему что-нибудь, нѣчто важное, отъ чего зависѣла его жизнь и чего онъ все же не могъ понять?

Нѣкую тайну, которой дневной свѣтъ не зналъ и не постигалъ?

Но когда онъ потомъ просыпался на другой день, и утреннее солнце заливало цвѣтные узоры ковра желтыми и яркими пятнами, онъ улыбался про себя и заносилъ даже этотъ легкій ночной трепетъ въ списокъ пріятныхъ явленій существованія.

И все же вопросъ о смыслѣ жизни, въ сущно-

сти, составлялъ то единственное, что наполняло его день и его ночь; но онъ былъ молодъ и счастливъ и поэтому со спокойной совѣстью отложилъ окончательное рѣшеніе на неопредѣленное время.

На двадцать седьмомъ году, жизнь Габріэля Мортимера приняла новое направленіе, благодаря одному обстоятельству, котораго онъ не предвидѣлъ. А именно, онъ серьезно влюбился въ одну молодую дѣвушку съ такимъ характеромъ и такого общественнаго положенія, что бракъ былъ единственнымъ путемъ, ведущимъ къ цѣли. Вся ѣдкая сатира, съ которою онъ такъ часто въ близкихъ кругахъ—а иногда и въ менѣе близкихъ—говорилъ объ учрежденіи брака, не помѣшала ему однажды ночью, по дорогѣ съ бала, сдѣлать предложеніе и получить согласіе. Такимъ образомъ ему нужно было увеличить свои доходы какимъ-нибудь платнымъ занятіемъ, найти что-нибудь такое, что его будущій тестъ если и не ставилъ непремѣннымъ условіемъ своего согласія—такъ какъ Мортимеръ былъ очень хорошей партіей во всѣхъ отношеніяхъ,—то все же считалъ единственнымъ прочнымъ основаніемъ того уваженія, которое ему было пріятно питать къ своему новому зятю. Въ томъ же направленіи вліяла на него и сама молодая дѣвушка своимъ довольно парадоксальнымъ утвержденіемъ, что она, разу-

мѣется, влюбилась въ него только потому, что онъ не былъ, какъ всѣ другіе, но что съ другой стороны она врядъ ли могла бы любить его по-настоящему, если бъ онъ не пожелалъ постараться стать, какъ всѣ другіе. Что оставалось дѣлать? Мортимеръ въ самый короткій срокъ сдалъ довольно посредственно экзаменъ и былъ причисленъ къ двумъ министерствамъ, женился, поднялся по служебной лѣстницѣ и былъ любимъ начальствомъ и товарищами.

Въ бракѣ онъ былъ довольно счастливъ. У фру Мортимеръ былъ ровный и въ то же время веселый характеръ, и она исполняла всѣ свои супружескія обязанности удовлетворительно. Габріэль оказался хорошимъ мужемъ во всѣхъ отношеніяхъ, а свои служебныя обязанности онъ исправлялъ съ бѣльшимъ интересомъ, чѣмъ самъ ожидалъ. Наоборотъ, онъ почти всецѣло пересталъ заниматься литературой, и дневники объ его душевномъ развитіи прекратились сами собой: теперь ему было такъ трудно найти матеріалъ для нихъ. Въ началѣ своего супружества онъ часто читалъ вслухъ своей женѣ, но когда онъ увидѣлъ, что для этого ему нужно выбирать книги соотвѣтственно съ ея пониманіемъ, это удовольствіе мало-по-малу прекратилось. Еще рѣже представлялся ему случай ради собственнаго удовольствія углубляться въ лично его интересо-

вавшихъ авторовъ, потому что жена рѣдко оставляла его одного, для этого она слишкомъ глубоко любила его; и когда они оставались вдвоемъ по вечерамъ, у нея всегда было о чемъ болтать съ нимъ. Сверхъ того Мортимеръ скоро убѣдился, что легче составлять протоколъ, чѣмъ вести дневники, и что правильная жизнь, раздѣленная между работою, развлеченіемъ и отдыхомъ, несравненно удобнѣе и пріятнѣе, чѣмъ эта жизнь настроеній и идей, которую онъ велъ до этого. Иногда, разумѣется, у него появлялось какъ бы мимолетное предчувствіе, что его жизнь готова была сложиться совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ предполагалъ когда-то. Но подобныя настроенія обыкновенно были скоропреходящи; потому что, если его мысль начинала иногда сплетать болѣе длинную, связную цѣпь идей, она скоро обрывалась ласками и милой болтовней его жены. Его бракъ, собственно, далеко не во всѣхъ пунктахъ соотвѣтствовалъ тѣмъ требованіямъ, которыя онъ предъявлялъ къ эротическому счастью въ юности, но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что идеаль всегда недостижимъ; и кромѣ того онъ никогда не забывалъ, что свободныя связи, какія у него были до женитьбы, столь же мало, нѣтъ, еще меньше, могли вызвать въ немъ чувство истиннаго удовлетворенія. Въ сравненіи со многими другими, въ цѣломъ, онъ имѣлъ полное право считать себя

счастливымъ. Большинство считало его женоу красавицей.

Впрочемъ, если въ отдѣльныхъ случаяхъ — что бывало весьма рѣдко — ему и приходило въ голову сравнивать прибыль и убытокъ въ своей жизни, то, вольно или невольно, ему всегда было пріятно отнести на счетъ прибыли полное одобрѣніе своихъ друзей и домашнихъ, потому что съ теченіемъ времени онъ мало-по-малу сталъ совершенно похожъ на другихъ людей.

Несмотря на это, у него бывали періоды, когда онъ становился замкнутъ и раздражителенъ и думалъ, что онъ ошибся во всемъ.

Тогда онъ забавлялся тѣмъ, что называлъ существованіе неудачной трагедіей, отъ которой вначалѣ ждуть глубокаго впечатлѣнія, но которая потомъ самымъ безстыднымъ образомъ развивается въ заурядную мѣщанскую комедію. Чтобы направить его мысли въ эту сторону, достаточно было малѣйшаго повода. Какъ-то вечеромъ онъ былъ со своею женою въ театрѣ. Было первое представленіе. Ставилась новая вещь одного изъ его старыхъ любимыхъ авторовъ, котораго когда-то онъ ставилъ выше всѣхъ; но ему удалось получить лишь незначительную часть того наслажденія, какое повтъ обыкновенно доставлялъ ему раньше. Онъ состарился? Отсталъ? Неужели онъ больше не понималъ тонкой игры мысли и

чувства, къ выраженію которыхъ онъ былъ воспримчивъ еще не много лѣтъ тому назадъ? Ночью онъ долго не могъ заснуть. Всѣ незначительныя, ничтожныя происшествія этого вечера въ рѣзкихъ до смѣшного очертаніяхъ то и дѣло всплывали въ его воспоминаніи. Безразличныя лица и безразличныя выраженія возникали, исчезали и снова возвращались съ нелѣпымъ упорствомъ. Въ театральномъ коридорѣ онъ встрѣтилъ одного изъ своихъ старыхъ друзей холостой поры, который жаловался, что онъ такъ рѣдко показывается въ послѣднее время. А въ одинъ изъ антрактовъ онъ столкнулся со старымъ школьнымъ товарищемъ, который сталъ журналистомъ. Въ школьное время онъ никогда не отличался мало-мальски выдающимися умственными способностями, и все-таки онъ стоялъ теперь и расхваливалъ какъ разъ тѣ мѣста въ пьесѣ, которыхъ Мортимеръ не понималъ. Въ заключеніе онъ сталъ думать о томъ, что сказала его жена, вернувшись домой, въ то самое мгновеніе, когда онъ ставилъ свою палку въ обычный уголокъ. „Я голодна, какъ волкъ“, сказала она.—Какъ волкъ... Да, волки... Должно быть очень хищные звѣри. И совершенно неожиданно ему представилось, какое мучительное разочарованіе эти животныя приготовили ему однажды въ дѣтствѣ. Вечеромъ около Рождества онъ бродилъ по улицамъ съ отцомъ. Да, это было

около Рождества; по крайней мѣрѣ была оттепель и много народа двигалось и столько вещей было въ витринахъ. На Королевской улицѣ они остановились на одинъ мигъ передъ большимъ, все въ желтыхъ и синихъ полосахъ, объявленіемъ, которое оповѣщало, что въ этомъ домѣ миссъ такая-то показывала своихъ дрессированныхъ волковъ. Габріэль долженъ былъ посмотреть ихъ. Онъ долго упрашивалъ отца, пока не поставилъ на своемъ, и они вошли. Представленіе начиналось. Габріэль сидѣлъ и дрожалъ отъ напряженнаго ожиданія. Толстая дама въ слишкомъ короткой юбкѣ показалась на эстрадѣ въ сопровожденіи трехъ волковъ, каждый изъ которыхъ по пяти разъ прыгалъ сквозь обручъ. Послѣ этого жирная дама сдѣлала глубокой поклонъ и заявила: Милостивые государи, представленіе кончено.

И при воспоминаніи объ этой разбитой иллюзіи Мортимеръ захохоталъ такъ горько и такъ громко, что фру Мортимеръ въ испугѣ проснулась и спросила, что ему нужно.

II.

Время шло, и съ каждымъ уходящимъ годомъ онъ становился на годъ старше, но онъ едва ли замѣчалъ это.

И дѣти пошли: сначала одинъ ребенокъ, потомъ еще одинъ, и потомъ еще одинъ.

Мортимеръ сталъ отцомъ семейства, а отцу семейства приходится думать о болѣе важныхъ вещахъ, чѣмъ смыслъ жизни и развитие своей собственной души. Онъ все больше и больше проникался истиной и глубиною поговорки, которую постоянно приводилъ его покойный тесть, доживавшій на пенсiи свой вѣкъ ассессоръ верховнаго суда: Жизнь состоитъ изъ мелочей. Онъ помнить, точно это было вчера, тотъ день, когда онъ обѣдалъ въ домѣ своей невѣсты, только что и съ неожиданной быстротою сдалъ государственный экзамень. Общество за столомъ состояло только изъ вдовца-ассессора, обѣихъ его дочерей, Мортимера и пожилой, одѣтой въ черное тетки. За десертомъ пили великолѣпный старый золотистый хересь. За столомъ сидѣли долго и сосали виноградъ и болтали обо всемъ и ни о чемъ, пока ассессоръ не повысилъ голоса и не закончилъ бесѣды своей излюбленной фразой:

— Да, жизнь состоитъ изъ мелочей. Исполнять свой долгъ въ маломъ и великомъ—вотъ и вся премудрость; кто дѣлаетъ такъ, тотъ можетъ жить спокойно и не терзать себя разными ненужными заботами, какъ можетъ спокойно ложиться въ могилу.

И старецъ продолжалъ сидѣть, опершись ру-

кою о столъ и поднявъ вверхъ вилку, и пристально смотрѣлъ въ окно, въ лазурь, съ пророческимъ выраженіемъ во взглядѣ. Во время наступившаго молчанія было слышно, какъ горничная чихала на кухнѣ.

III.

Габріэль Мортимеръ заболѣлъ.

Началось съ воспаленія слѣпой кишки, которое съ теченіемъ времени перешло въ другую болѣзнь, а потомъ прибавилась еще третья.

Все его существо было разбито. Это было глубокое потрясеніе, не оставившее нетронутой ни одной клѣточки въ его тѣлѣ.

По цѣлымъ недѣлямъ его жизнь висѣла на волоскѣ. Онъ лежалъ безъ чувствъ дни и ночи. Онъ бредилъ. Ворочался въ лихорадочномъ снѣ. Онъ блуждалъ по чужимъ краямъ, по безконечнымъ, извилистымъ дорогамъ, и нигдѣ не находилъ дома. Онъ заблудился на пустынныхъ лѣстницахъ и въ коридорахъ гостиницы, которая казалась заброшенной, вымершей. Въ особенности преслѣдовало его одно видѣніе, самое упорное изъ всѣхъ. Рано утромъ онъ вышелъ изъ дому по важному дѣлу, такому важному, что отъ него зависѣла жизнь и смерть. По дорогѣ онъ былъ задержанъ множествомъ мелочей, пу-

стяковъ, которые случайно подвернулись ему въ пути и ничуть не занимали его, но къ которымъ почему-то нельзя было отнестись безразлично. И вотъ время клонилось къ вечеру, и все больше и больше темнѣло, а онъ все еще бродилъ изъ улицы въ улицу, и новыя несущественныя вещи задерживали его: друзья, которые хотѣли напомнить ему множество веселыхъ приключеній, пережитыхъ вмѣстѣ, но забытыхъ имъ,—случайные знакомые, которые брали его за пуговицу и общали ему нѣчто важное, что для него было неважно. И темнота все больше и больше сгущалась вокругъ него, и онъ ничуть не подвигался впередъ и наконецъ онъ даже забылъ, куда ему было нужно... И это обстоятельство заставляло его стонать во снѣ: онъ забылъ, куда ему нужно было, и все-таки онъ долженъ былъ идти впередъ, такъ какъ отъ этого зависѣла жизнь и смерть!

Иногда у него бывали видѣнія религіознаго содержанія. Казалось, что онъ — священникъ, и что женщины плакали, когда онъ проповѣдывалъ, и онъ велъ безупречную во всѣхъ отношеніяхъ жизнь, и люди высоко цѣнили его. И все-таки это не могло спасти его, потому что онъ согрѣшилъ противъ Духа Святого. Онъ заботился о многомъ, хотя зналъ, что одно было нужно. Но въ чемъ заключалось это единственное, онъ за-

былъ, да, забылъ, и это былъ грѣхъ противъ Духа Святого, что онъ забылъ!

Въ эти недѣли лихорадки онъ всецѣло жилъ въ своемъ призрачномъ мірѣ.

Своихъ домашнихъ онъ не узнавалъ.

Это былъ кризисъ, во время котораго все его существо встряхнулось, какъ жидкость въ стлянкѣ съ лѣкарствомъ: то, что недавно было на поверхности, теперь опустилось на дно.

А осадокъ поднялся вверхъ.

Но кризисъ прошелъ, и онъ вступилъ на путь къ улучшенію.

Блѣдный и исхудалый, онъ лежалъ и игралъ концами своей бѣлой простыни и смотрѣлъ въ окно, въ пустынный воздухъ. Онъ снова понималъ, что ему говорили, и снова узнавалъ свою жену, своихъ дѣтей и своихъ друзей. Но то, что онъ видѣлъ ихъ снова, казалось, не производило на него мало-мальски замѣтнаго впечатлѣнія. Рѣшили, что слабость мѣшала ему выражать свои чувства.

Выздоровленіе заняло всю зиму.

Силы возвращались медленно, медленно. Прошли мѣсяцы и мѣсяцы, пока онъ оживалъ.

О кошмарахъ, которые во время лихорадки преслѣдовали его дни и ночи, онъ ничего не помнилъ, но тѣмъ не менѣе въ его душѣ все еще бродило полубезсознательное волненіе этого бурнаго

времени. Его жена находила его всегда совершенно равнодушнымъ къ ихъ общимъ интересамъ, къ дѣтямъ, ко всей дѣйствительности, которая окружала его. Большую часть дня онъ проводилъ одинъ, поникнувъ въ креслѣ у окна.

Одинъ: потому что въ качествѣ больного онъ просто-напросто счелъ себя въ правѣ—поступать такъ со своей женой въ дни здоровья мѣшала ему доброта—онъ счелъ себя въ правѣ требовать одиночества и тишины.

Онъ много читалъ въ это время, но главнымъ образомъ книги, которыя когда-то, много лѣтъ тому назадъ, приводили въ движеніе его мысли и волновали его кровь. Однажды, когда онъ искалъ въ своихъ ящикахъ стараго письма, пришедшаго ему на мысль, его взглядъ неожиданно остановился на связкѣ мелкоисписанныхъ, пожелтѣвшихъ тетрадей. То были наброски его дневниковъ, которые онъ велъ въ юности. Онъ сѣлъ и прочелъ ихъ отъ начала до конца. Съ каждой страницы улыбалось ему его прошлое, и онъ самъ не могъ не улыбаться. Вначалѣ онъ хотѣлъ смотрѣть на это изображеніе самого себя, какъ на образъ умершаго, до котораго ему больше не было никакого дѣла; но къ своему изумленію онъ скоро замѣтилъ, что съ каждою новою страницей оно становилось все менѣе и менѣе чужимъ для него.

Въ тихомъ морѣ одиночества и безмолвія, въ которомъ онъ теперь проводилъ свой день и свою ночь, его прежнее я можетъ быть мало-помалу начинало снова всплывать.

Часто онъ сидѣлъ съ зеркаломъ въ рукѣ. Онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи думать, что болѣзнь помолодила его. Всѣ излишнія вздутости ожирѣнія сравнялись на лицѣ. Кожа снова стала прозрачной и тонкой, какою онъ помнилъ ее въ ранней молодости. Глаза стали ясные отъ отдыха и сна. И въ сравненіи со всѣмъ этимъ ему казалось неважнымъ, что волосы у него почти посѣдѣли.

Но въ ближайшій мигъ онъ могъ раздражаться смѣхомъ надъ своей дѣтской суетой, откидываться назадъ въ кресло и тотчасъ же задумчиво погружаться въ созерцаніе своей минувшей жизни. Онъ искалъ одной единственной точки въ этомъ минувшемъ, которая могла бы стать центромъ. Онъ искалъ чего-нибудь, что онъ могъ бы назвать существеннымъ. Его молодость была предпосылкой, и его логическій умъ требовалъ соответствующаго заключенія, какъ необходимаго дополненія; но заключенія все еще не оказывалось. Казалось, смыслъ его жизни былъ прерванъ вводнымъ, не относящимся къ дѣлу, предложеніемъ. И когда утомленный и безразличный, онъ хотѣлъ наконецъ отогнать эти мысли старою фразой, что жизнь есть

фарсъ, то, бывало, онъ тотчасъ же попадалъ въ новый и опасный вихрь разрушительныхъ идей.

— Когда говорятъ, что жизнь—фарсъ, то хотятъ сказать, что она лишена серьезности. Но она требуетъ болѣе серьезнаго отношенія, чѣмъ проявляетъ большинство людей, измѣряя существованіе такой высокой и строгой мѣркой, что вся его серьезность падаетъ и превращается въ шутку. Стало быть, серьезность превращаетъ жизнь въ фарсъ, и, стало быть, единственное условіе серьезнаго отношенія къ жизни—не быть серьезнымъ!

И, незамѣтно для себя, онъ создалъ изъ этого круга мыслей діалектическое *regretium mobile*, которое не давало ему покоя.

Такъ проходили дни и недѣли, и еще разъ настала весна, въ то время, какъ Габріэль Мортимеръ лежалъ, вытянувшись въ креслѣ, и игралъ мыслями и слѣдилъ за тучею, которую апрѣльскій вѣтеръ, въ видѣ легкихъ хлопьевъ, гналъ мимо его окна.

IV.

Мортимеръ возобновилъ свою служебную дѣятельность. Его жизнь снова вошла въ свою старую колею. Онъ читалъ газеты, ходилъ въ театръ, принималъ участіе въ жизни своего круга; и въ

тотъ же часъ, что прежде, онъ входилъ и выходилъ изъ своего кабинета. Но онъ былъ уже не прежній. Онъ казался равнодушнымъ и разсѣяннымъ. Онъ улыбался въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было улыбаться; когда же его товарищи хохотали надъ какимъ-нибудь анекдотомъ, такъ что у нихъ тряслись животы, онъ иногда совершалъ ту безтактность, что одинъ продолжалъ быть серьезень. Даже свои обязанности онъ исполнялъ далеко не столь корректно, какъ прежде. Однажды оказалось, что всѣ поля важнаго служебнаго документа онъ зарисовалъ карриатурами на свою жену и своего покойнаго тестя. Наконецъ его начальникъ далъ ему весьма дружескій совѣтъ по истеченіи обычнаго семестра взять отпускъ на нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ и отдохнуть; было очевидно, что болѣзнь сильно разстроила его силы и его характеръ. Мортимеръ послѣдовалъ совѣту и поселился на лѣто у своего двоюроднаго брата, провинціального врача въ отдаленномъ городкѣ. Фру Мортимеръ и дѣти перѣѣхали къ родственникамъ на дачу въ окрестностяхъ Стокгольма.

V.

Уже конецъ августа, солнечный вечеръ. Солнце горитъ густымъ бронзовымъ блескомъ подъ громадою неподвижныхъ тучъ съ мѣдно-красными

краями. Широкая и зеркальная рѣка, медленно извиваясь, убѣгаетъ въ даль, сжатая двумя круто поднимающимися стѣнами темныхъ высотъ, темныхъ отъ зеленыхъ лѣсовъ. Далеко-далеко, на низменной косѣ, зелень которой въ удивительномъ солнечномъ свѣтѣ принимаетъ желтую, цвѣта сѣры, окраску, искрится бѣлая церковь, какъ зажженная свѣча.

Вокругъ церкви тѣснятся красныя крыши городка.

Мортимеръ лежитъ, вытянувшись на спинѣ, въ лодкѣ на рѣкѣ. Въ лодкѣ лежитъ бинокль, томъ Шекспира и пара удочекъ, которыя онъ забылъ вынуть.

Онъ лежитъ на спинѣ, предоставивъ лодкѣ плыть.

Вдругъ онъ поднимается и смотритъ вверхъ. Кто-то позвалъ его по имени.

На камнѣ у берега стоитъ, вся въ красномъ, молодая дѣвушка. Она закрываетъ рукою глаза отъ солнца и зоветъ его по имени.

— Куда вы хотите ѣхать, г. Мортимеръ!

— Не знаю. Куда придется. Кажется, я поплыву по теченію.

У нея красныя, какъ кровь, губы и темные волосы.

Тѣло у нея молодое и нѣжное; но медленно поднимающаяся и опускающаяся подъ тонкою

лѣтнею тканью грудь волнуется почти вызывающе высоко.

И въ то же время она совсѣмъ молода. Ей даже нѣтъ девятнадцати лѣтъ.

Она, сколько можетъ, наклоняется надъ водою и спрашиваетъ тихо, съ влажнымъ взглядомъ большихъ, блестящихъ глазъ:

— Могу я поѣхать съ вами?

Мортимеръ поворачиваетъ лодку къ берегу, но въ тотъ же мигъ раздается трескъ въ кустахъ, ольховыя вѣтки отгибаются въ сторону и Мортимеръ замѣчаетъ молодую даму въ свѣтлой блузкѣ и синей юбкѣ съ большими бѣлыми кругами.

— Нѣтъ, не сегодня—отвѣчаетъ онъ, и въ то же время обмѣнивается поклонами съ дамою въ синемъ.—Въ другой разъ. Въ другой разъ я, пожалуй, возьму васъ съ собою, но тогда я поплыву противъ теченія.

— Почему же? И почему мнѣ нельзя ѣхать съ вами? Впрочемъ, я сама не хочу. И въ другой разъ не захочу.

И, съ хохотомъ, она обвиваетъ правою рукою талію подруги.

— Почему? А почему вы спрашиваете, почему? Дитя можетъ спрашивать больше, чѣмъ могутъ отвѣтить семеро мудрецовъ. Вы никогда не должны спрашивать, почему!

Дѣвушка въ красномъ снова хохочетъ, и ея смѣхъ вызываетъ эхо въ горахъ по другую сторону рѣки. Въ слѣдующій мигъ она исчезаетъ за ольхами на берегу, и дама въ синемъ слѣдуетъ за нею.

Мортимеръ принимаетъ свое прежнее положеніе. Нѣсколько минутъ спустя, онъ поднимается на локтяхъ, беретъ бинокль и подноситъ его къ глазамъ. Красная видна на узкой тропинкѣ среди полей. Обнявшись руками за талии обѣ молодыя женщины скользятъ по полю. Мортимеръ находитъ ихъ похожими на два цвѣтка странной формы и съ опаснымъ запахомъ.

Вотъ появляется молодой человѣкъ на тропинкѣ; повидимому, онъ идетъ имъ навстрѣчу; еще издали онъ машетъ шляпой и кланяется. Онъ дѣлаетъ тѣ же движенія палкой, какъ если бъ онъ шелъ по городской улицѣ.

Мортимеръ опустилъ бинокль и улынулся про себя, и снова пустилъ лодку по теченію.

Нѣсколько разъ онъ выгнулся за бортъ. И тогда онъ видѣлъ въ водѣ лицо крѣпкаго и загорѣлаго мужчины.

*

Часы проходили.

Мортимеръ видѣлъ сны наяву, а вечернее солнце смотрѣло ему прямо въ лицо ярко-крас-

нымъ свѣтомъ, который наконецъ заставилъ его закрыть глаза. И тогда красный свѣтъ потонулъ въ океанѣ сверкающей, ядовитой зелени.

Люси, племянница пастора...

Красная Люси.

Онъ познакомился съ нею всего нѣскольکو недѣль. Какъ онъ могъ прожить всѣ эти длинные лѣтніе дни, пока онъ не встрѣтилъ ея? И какъ прошла зима, и половина лѣта, и вся его жизнь?

Онъ этого не понималъ.

Вѣдь только по ней онъ и тосковалъ всѣ эти долгіе, пустые годы.

Какъ прошло начало лѣта? Онъ почти не помнилъ. По цѣлымъ днямъ онъ бродилъ по окрестнымъ лѣсамъ. Когда уставалъ, онъ ложился спать среди брусники. Онъ искалъ самыхъ уединенныхъ тропинокъ. Онъ бродилъ по пустыннымъ полянамъ и карабкался по высотамъ. Онъ могъ проводить цѣлый день на выжженной солнцемъ горной площадкѣ, прислушиваясь къ журчанію лѣснаго ручейка, или къ звону колокольчиковъ у сосѣдней пастушьей избушки, или къ скрипу двухъ древесныхъ вѣтокъ, трущихся на вѣтру другъ о друга.

Онъ рѣдко читалъ и почти не думалъ. Прошрое, дѣйствительность, въ которой онъ жилъ, потонули; лишь иногда они могли всплыть передъ нимъ въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, какъ мо-

жетъ всплывать во снѣ передъ спящимъ неясное ощущение жизни наяву и тревожить его чуть внятнымъ сознаниемъ, что онъ дремлетъ.

Его прежнее существованіе ускользнуло отъ него. Онъ чувствовалъ себя болѣе молодымъ, обновленнымъ.

И вотъ насталь день, когда онъ встрѣтилъ Люси.

Онъ увидѣлъ ее однажды вечеромъ въ домѣ пастора. Она жила въ маленькомъ городкѣ на сѣверѣ и теперь должна была провести вторую половину лѣта у своего дяди, пастора, и его дочери.

Мортимеръ не много разговаривалъ съ нею, но его глаза провожали ее всюду. Нѣсколько разъ глаза ихъ встрѣтились. Когда это случилось еще разъ, ея бѣлая кожа вдругъ такъ густо покраснѣла, что цвѣтъ ея платья, казалось, поблекъ. Потомъ она избѣгала его взгляда, но Мортимеръ замѣтилъ, что въ теченіе вечера она нѣсколько разъ украдкою смотрѣла на него, думая, что онъ не видитъ.

На слѣдующій день онъ снова ушелъ въ лѣсъ. Но онъ уже не могъ найти дороги, которою онъ еще ни разу не ходилъ. Впрочемъ, онъ не понималъ, какъ онъ могъ находить удовольствіе блуждать въ лѣсу по цѣлымъ днямъ. Былъ очень жаркій день. Онъ пошелъ домой, заперся у себя

въ комнатѣ, опустили занавѣски и легъ спать. Ему приснилась Люси, и рядомъ другая женщина, первая, кого онъ любилъ; ее звали Гельгой Веншенъ, и это была жена другого. Ему снилось, что она и Люси стояли и смѣялись надъ нимъ. Гельга закрыла ротъ платкомъ, точно она хотѣла скрыть свой смѣхъ; а Люси смѣялась ему прямо въ лицо.

Въ ближайшіе дни онъ часто заходилъ къ пастору. То же самое дѣлалъ и молодой юристъ, помощникъ судьи. Пасторскій домъ, зданіе суда, аптека и усадьба доктора тѣсной толпой примыкали къ церкви.

Поразительное, странное солнце свѣтило и пылало надъ долиною рѣки эти послѣднія недѣли.

Воздухъ былъ неподвиженъ. Листва на осинахъ повисла безъ движенія. Цвѣтъ неба рѣзаль глаза почти неестественной синевою.

Однажды Мортимеръ шелъ по берегу рѣки. Солнце жгло его въ спину; наконецъ, полуоцѣпенѣлый, онъ бросился въ траву въ тѣни нѣсколькихъ ольхъ. Насѣкомыя жужжали вокругъ его головы и не давали ему уснуть.

Спустя нѣкоторое время онъ услышалъ стукъ рѣдкихъ ударовъ весла и женскіе голоса, говорившіе сонливымъ и беззаботнымъ темпомъ. Мортимеръ приподнялся на локтяхъ и неслышно нагнулъ вѣтку, закрывшую видъ. Онъ узналъ го-

лоса. Герда, дочь пастора, гребла; на кормѣ лежала Люси съ голыми руками подъ головой. Она сняла блузку.

Она смѣялась и тихо улыбалась, закрывъ глаза.

— Будеть тебѣ лежать полураздѣтой!—сказала Герда и перестала грести.—Кто-нибудь можетъ увидѣть тебя.

— Здѣсь одни крестьяне,—отвѣтила Люси.

— Ты неисправима, Люси... Какъ если бы крестьяне... Впрочемъ, ты, пожалуй, ничего не имѣла бы противъ, если бъ Мортимеръ или нота-ріусъ увидѣли тебя!

Люси ничего не отвѣтила, но улыбнулась, какъ прежде.

Герда сдѣлала нѣсколько лѣнивыхъ взмаховъ весломъ и снова отдыхала.

— О чемъ ты думаешь?—спросила она.

Люси молчала.

— О Габріэлѣ Мортимерѣ,—отвѣтила она наконецъ.

Лодку уносило теченіемъ и голоса дѣвушекъ исчезли.

Мортимеръ долго лежалъ на берегу и щипаль пальцами колокольчики и маргаритки.

Вечеромъ онъ поцѣловаль ее.

У пастора собралась молодежь. Когда стемнѣло, изъ сада перешли въ комнаты. Герда играла на роялѣ и пѣла.

Люси, одна, сидѣла на перилахъ веранды, чернымъ силуэтомъ выдѣляясь на вечернемъ небѣ.

Къ ней вышелъ Мортимеръ.

— Видите, какъ удивительно сверкаетъ вонъ та звѣзда?—сказалъ онъ.

— Да,— отвѣтила она и смотрѣла въ пространство.—Вечерняя звѣзда.

По деревьямъ пробѣжалъ шелестъ.

Мортимеръ взялъ ея руку и тихо ласкалъ.

— Пойдемте въ садъ — шепталъ онъ.— Мнѣ нужно сказать вамъ кое-что.

Она пошла.

Въ сторонѣ отъ дома былъ развѣсистый сиреневый кустъ. Онъ повелъ ее туда, привлекъ ее къ себѣ, обнялъ ея тѣло и поцѣловалъ ее. Она тщетно старалась освободиться.

Наконецъ, они сѣли на скамейку въ глубинѣ бесѣдки. Ея голова почилла у него на груди, и она почти не шевелилась. Но грудь у нея вздымалась бурно, точно готова была разорваться.

Снова и снова цѣловалъ онъ ее.

— Встрѣтимтесь завтра,— шепталъ онъ.— Въ лѣсу, у мельничнаго водопада.

— Хорошо,— отвѣтила она тихо.

И поцѣловалъ ее снова.

Послышались шаги на пескѣ по садовой дорожкѣ. Скользко, какъ угорь, она вырвалась изъ его объятій и исчезла въ темнотѣ.

На слѣдующій день шелъ проливной дождь.

Мортимеръ все-таки пошелъ къ водопаду. Все утро просидѣлъ онъ подъ исполинской елью и курилъ папирасы и прислушивался къ однообразному чириканию дождевыхъ птицъ.

Она не пришла, и съ тѣхъ поръ она избѣгала его.

До того вечера, когда она хотѣла поѣхать съ нимъ по рѣкѣ...

*

Мортимеръ все время лежалъ въ лодкѣ на спинѣ и смотрѣлъ въ небесную, все болѣе и болѣе блѣднѣвшую, синеву, гдѣ одна за другою начинали уже зажигаться звѣзды.

Онъ думалъ о счастьѣ, которое такъ неожиданно готово было упасть ему въ руки.

Нужно жить, пока человѣкъ молодъ, а онъ еще былъ молодъ.

Ему приходилось самому сочинить заключеніе, котораго требовалъ смыслъ жизни и котораго алкалъ онъ столько лѣтъ. Онъ довольно долго далъ теченію уносить себя, какъ легкую щепку. Теперь онъ самъ хотѣлъ взяться за управленіе, была уже пора!

Его упорство прежнихъ дней вспыхнуло снова.

Онъ, Габріэль Мортимеръ, не могъ удовольствоваться отвратительнымъ рагу счастья, кото-

рымъ завѣдывающій жизненнымъ столомъ намѣренъ былъ потчевать его наравнѣ съ остальными. Впредь онъ долженъ самъ позаботиться о себѣ. Кто вовлекъ его въ бракъ? Случай. Правда, онъ любилъ свою жену; но онъ и другихъ любилъ; почему онъ не женился на комъ-нибудь изъ нихъ?

Онъ плылъ по теченію.

Случай сидѣлъ на рулѣ. Теперь случай будетъ устраненъ, теперь онъ самъ намѣренъ управлять. Вѣдь онъ же—существо со свободною волей, и онъ долженъ пустить ее въ дѣло!

Онъ любилъ Люси?

Пожалуй. По крайней мѣрѣ ему нельзя было бы жить, не обладавъ ею.

Люси была молода, Люси была молодость.

Люси должна стать его невѣстой. Малѣйшая частица въ его тѣлѣ кричала отъ алканія ея.

Его лобъ жегъ руку, которою онъ отъ поры до времени проводилъ вдоль его, отъ праваго виска къ лѣвому глазу. Онъ забылъ время и пространство. Солнце давнымъ-давно зашло. Берега скользили мимо него съ возрастающей быстротой, и онъ не замѣчалъ этого.

Начинали подыматься ночные туманы. Въ змѣиныхъ вьющихся формахъ скользили они по водѣ, на черной глади которой сильное теченіе выводило борозды и воронки. Они то поднимались, то

опускались, но постоянно захватывали новыя области на кручахъ горъ.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ слабый вечерній вѣтеръ прорываетъ брешь въ туманахъ: и тогда сіяетъ небо на западѣ, блѣдное и зеленое, какъ омытый трупъ.

Мортимеръ вздрогнулъ, потрясаемый пихорадкой.

Стало холодно. И поздно стало; очевидно, уже давно было темно.

Мортимеръ взглянулъ на свои часы. Они остановились.

Куда онъ заѣхалъ? Онъ больше не зналъ, гдѣ онъ былъ. Берега были ему незнакомы.

Очевидно, онъ уплылъ далеко, внизъ по рѣкѣ.

Онъ схватилъ весла, повернулъ лодку и началъ грести изо всѣхъ силъ. Теченіе было такое быстрое, что, казалось, онъ чувствовалъ, какъ вода скользила вдоль лопасти весла вмѣсто того, чтобы оказывать сопротивленіе. Ему показалось, что онъ почти не двигается съ мѣста. Немного времени спустя, онъ былъ весь мокрый отъ пота и долженъ былъ бросить весла, но пока онъ отдыхалъ, его уносило назадъ. Берега точно плясали передъ нимъ.

Мортимеръ уже совсѣмъ усталъ.

— Я отѣхалъ слишкомъ далеко внизъ,—думалъ онъ.—У меня нѣтъ силъ грести назадъ.

Въ ближайшее мгновеніе онъ отчетливо узналъ двѣ бѣлыхъ березы на берегу, стволы которыхъ наклонились одинъ надъ другимъ въ видѣ буквы Х.

Это здѣсь онъ повернулъ полчаса тому назадъ!

Онъ увидѣлъ, что всѣ его дальнѣйшіе труды безнадежны, привязалъ лодку къ одной изъ березъ и вышелъ на берегъ.

Куда онъ заѣхалъ?

Кругомъ была незнакомая мѣстность.

Ему удалось отыскать тропинку, ведущую вверхъ отъ берега, и онъ пошелъ по ней.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ встрѣтилъ какого-то человѣка.

Мортимеръ поклонился и спросилъ, какъ пройти къ усадьбѣ доктора.

Человѣкъ ничего не отвѣтилъ, но вмѣсто этого сдѣлалъ нѣсколько странныхъ движеній. Вскорѣ Мортимеръ узналъ его: то былъ глухонѣмой Ола. Мортимеръ сунулъ ему въ руку серебряную монету и показалъ знаками:

— Тамъ-то и тамъ-то у берега стоитъ лодка, ты отведешь ее къ дому доктора. А потомъ ты скажи, какъ мнѣ выбраться на шоссе.

Глухонѣмой кивнулъ въ знакъ того, что онъ понялъ; потомъ онъ указалъ куда-то въ туманъ и исчезъ по направленію къ берегу. Черезъ нѣ-

сколько минутъ раздались ровные, сильные удары весель.

Мортимеръ стоялъ одинъ. Въ какую сторону ему итти? И ему невольно вспомнились двѣ шекспировскихъ строчки:

Теперь уже на свѣтъ мнѣ такъ поздно,

Что дома мнѣ не быть...

Онъ дрожалъ отъ холода.

Онъ взялъ направленіе въ туманѣ наугадъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ неожиданно очутился на проѣзжей дорогѣ. Избушка за избушкой мелькали мимо него въ бѣлой темнотѣ и черезъ часъ съ небольшимъ онъ былъ дома.

Мортимеръ выбралъ путь черезъ пасторскую усадьбу.

Когда онъ вошелъ въ садовую калитку, онъ остановился и смотрѣлъ на луну, которая только что взошла. Большая и зеленовато-блѣдная, висѣла она, какъ китайскій фонарь, на невидимой ниткѣ между двумя исполинскими липами.

Въ усадьбѣ была тишина. Мертвая тишина.

Мортимеръ пошелъ по травѣ, чтобы скрипомъ шаговъ на песокъ не разбудить никого изъ прислуги.

На бочкѣ съ водою у угла сидѣла черная кошка. Зеленые глаза сверкали, какъ два пылающихъ смарагда.

Вдругъ Мортимеру пришло въ голову обойти

домъ сзади и посмотрѣть, былъ ли свѣтъ въ окнѣ Люси.

Свѣта не было, стало быть она спала.

Весь домъ спалъ.

Мортимеръ повернулъ, чтобы продолжать свой путь домой, но въ тотъ же мигъ, пораженный, ошеломленный, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ.

Люси.

Люси въ своемъ красномъ платьѣ была тамъ. Но она была не одна.

Другой былъ нотаріусъ. Онъ крѣпко прижалъ ее къ стволу груши и цѣловалъ ее.

Она быстро издала короткій крикъ и вырвалась. Она увидѣла его. Нотаріусъ пробормоталъ какое-то ругательство на мѣстномъ нарѣчьи. Три пары глазъ скрестились смущенно въ темнотѣ.

VI.

Мортимеръ лежалъ, но не спалъ.

Онъ даже не опустилъ занавѣсокъ: мутный свѣтъ падалъ прямо въ комнату, разостлалъ кусокъ пепельно-бѣлаго ковра на полу и нарисовалъ рѣзкую тѣнь оконнаго креста на противоположныхъ дверяхъ.

Мортимеръ не думалъ и даже не мечталъ.

Незначительные эпизоды изъ его прошлаго

развертывались въ его памяти съ мучительной ясностью. Мѣста, которыхъ онъ не посѣщаль съ дѣтства, вырѣзались въ его воображеніи безсмысленно четкими очертаніями. Онъ слышалъ безразличные голоса, которые принадлежали давнымъ-давно умершимъ. Онъ лежалъ и удивлялся, почему онъ въ томъ или въ другомъ случаѣ сказалъ именно такъ-то или такъ-то; развѣ онъ не могъ съ одинаковымъ удовольствіемъ сказать то или это?

И когда эти фантазіи на мгновеніе оставили его въ покоѣ, онъ вскочилъ.

— Гдѣ я?

Вдругъ онъ вспомнилъ все.

Тогда онъ всталъ и подошелъ къ зеркалу. Тамъ онъ стоялъ долго.

— Я похожъ на стараго пастора, — пробормоталъ онъ наконецъ.

И онъ снова легъ, но не засыпалъ.

VII.

Поездъ катился и грохоталъ.

Мортимеръ забился въ уголъ купэ, погруженный въ какое-то забытье. Спать онъ больше не могъ. Въ открытое окно, влажный вѣтеръ обвѣвалъ его виски. Онъ сидѣлъ съ полузакрытыми глазами. У него было такое чувство, точно вѣки слишкомъ

ослабѣли, чтобы вполнѣ сомкнуться. Лѣса, болота и луга неясно проносились передъ его глазами, точно сквозь запотѣвшее стекло.

Какъ долго онъ ѣхалъ и куда онъ взять билетъ?

Онъ не зналъ опредѣленно.

Его память больше не могла удерживать подобныхъ деталей.

Онъ не спалъ трое сутокъ. Его мысль въ эти дни преслѣдовала единственную цѣль: какъ ему покончить съ этимъ вводнымъ предложеніемъ, которое разбило смыслъ его жизни?

Когда придетъ то главное, во имя чего онъ жилъ?

То, что онъ недавно называлъ своей великой спасительной страстью, было тоже несущественно. До смѣшного несущественно.

Это относилось къ вводному предложенію, это была бессмысленная ветошь, какъ все остальное въ его жизни.

Можетъ быть онъ былъ обреченъ на исканіе всю свою жизнь?

Въ дѣтствѣ ему внушали, что всѣ маленькія житейскія заботы—нѣчто ничтожное и неважное въ сравненіи съ другимъ, высшимъ, что было единственно важно. И это другое, самое важное—какъ смѣшно: онъ забылъ его!

Онъ забылъ его. У него жалкая память, какъ можно было забыть подобное!

Впрочемъ, можетъ быть оно въ сущности было ничто. Остальныя дѣти всѣ отлично поняли, что то была шутка, на которой не слѣдовало останавливаться; но онъ одинъ въ простотѣ своей принялъ это въ серьезъ, и теперь все существованіе хохотало ему прямо въ лицо!

Когда онъ смотрѣлъ въ окно вагона, ему представлялось, что горы и холмы хохотали надъ нимъ. Деревья хохотали, и камни хохотали, и маленькая красная избушка съ тремя бѣлыми слуховыми окнами положительно задыхалась отъ хохота.

Въ концѣ концовъ онъ и самъ долженъ былъ хохотать; онъ хохоталъ громко, хохоталъ во все горло.

Одинъ изъ его спутниковъ, красивый молодой человѣкъ съ напомаженными усами, тотчасъ же бросился къ своему окошку.

— Простите, надъ чѣмъ вы изволили хохотать?—спросилъ онъ.

— Ахъ, просто избушка... Развѣ вы не видите вонъ той избушки?

Но избушка была уже внѣ поля зрѣнія. Молодой человѣкъ не заразился его смѣхомъ и вернулся на свое мѣсто.

Другой пассажиръ спалъ.

Мортимеръ забился назадъ въ свой уголъ.

Поѣздъ остановился.

Пріѣхали въ маленькій городъ. Остановка дли-

лась двадцать пять минутъ. Мортимеръ вышелъ и пошелъ наугадъ по городу. Близъ станціи онъ наткнулся на маленькую кондиторскую. Онъ вошелъ и спросилъ чашку кофе. Маленькая комната производила успокоительное, уютное впечатлѣніе: вся мебель была покрыта узорчатыми чехлами, и на стѣнѣ висѣлъ датскій кронпринцъ съ кронпринцессой.

Былъ тихій вечеръ.

Окно было открыто. Узкая улица была безмолвна и пустынна. Съ отдаленнаго переулка доносились замирающіе шаги, стучавшіе о каменную мостовую.

Въ открытое окно въ противоположномъ домѣ, въ желтомъ деревянномъ строеніи съ зелеными ставнями, мелькаетъ лицо четырнадцатилѣтней дѣвушки, среди фуксій и бальзаминовъ. У нея большіе, ясные дѣтскіе глаза и рыжеватые волосы. Она стоитъ тамъ въ своемъ красномъ корсажѣ и въ своихъ короткихъ бѣлыхъ полотняныхъ рукавахъ и расчесываетъ свои волосы.

Что ей кажется... О чемъ она думаетъ, о чемъ она мечтаетъ?

Ихъ взгляды встрѣтились. Молодая дѣвушка покраснѣла, какъ кровь, и занавѣска опустилась.

На столѣ лежала газета. Мортимеръ взялъ ее и пробѣжалъ вверхъ и внизъ по столбцамъ.

Свадьба... Помолвка... Выборы въ риксдагъ... „Нашъ городъ въ теченіе лѣта украсился во многихъ отношеніяхъ. Между прочимъ многіе дома на Большой улицѣ выкрашены въ масляную краску, благодаря чему указанная улица имѣетъ весьма парадный видъ“...

Мортимеромъ тотчасъ же овладѣло сильное желаніе осмотрѣть эту улицу. Онъ расплатился за кофе и быстро ушелъ.

Онъ взялъ направо, не зная почему. Городъ, казалось, вымеръ. Не было видно ни одного человѣка, кого бы можно было спросить, какъ пройти.

У открытаго окна въ нижнемъ этажѣ маленькаго развалившагося дома сидѣла дряхлая старушонка и вязала чулки.

Мортимеръ всунулъ голову въ окно и крикнулъ старухѣ—по выраженію ея лица онъ заключилъ, что она плохо слышала:

— Не можете ли вы сказать, какъ мнѣ пройти на масляную улицу?

Старуха въ смертельномъ испугѣ подскочила и, не говоря ни слова, смотрѣла на него. Она только смотрѣла и смотрѣла.

Куда же ему повернуть? Онъ продолжалъ итти въ прежнемъ направленіи. Пьяный человѣкъ, шатаясь, шелъ по улицѣ. Въ двухъ шагахъ отъ Мортимера онъ споткнулся и упалъ. Морти-

меръ помочь ему встать, прислонилъ его къ стѣнѣ и продолжалъ разыскивать окрашенную въ масляную краску улицу.

Внезапно изъ чьихъ-то воротъ выбѣжала черная кошка и стала ласкаться у его ногъ. Мортимеръ задумался, мучимый смутнымъ воспоминаніемъ, которое онъ тщетно старался отгадать. Онъ видѣлъ это животное когда-то, совсѣмъ недавно...

Рѣзкій звонокъ на станціи прервалъ его раздумье. Онъ выпрямился, точно его разбудили отъ сна, поспѣшилъ кратчайшимъ путемъ на станцію и еще успѣлъ въ послѣднее мгновеніе вскочить въ свое купѣ.

Поѣздъ катился и грохоталъ.

Мортимеръ усталъ, усталъ.

Все больше и больше темнѣло въ поляхъ. Стоячія воды, то здѣсь, то тамъ, отражали пустынное, опрокинутое небо блеклаго желтаго и чернѣющаго сѣраго цвѣта.

Мортимеръ сидѣлъ и всматривался въ мѣстность. Въ послѣдніе дни у него появилась странная привычка сидѣть и смотрѣть въ воздухъ, не видя собственно ничего.

— Уже теперь на свѣтъ мнѣ такъ поздно... Я ѣду домой?

Онъ не могъ дать себѣ никакого отвѣта.

Онъ былъ совершенно одинъ въ купѣ. Моло-

дой человекъ съ напояженными усами ушелъ, другой пассажиръ продолжалъ спать, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ.

— Какъ же это, развѣ я недавно не обѣщаль себѣ устранить случай?

Онъ презрительно разсмѣялся, и руки судорожно сжались у него.

— Кто-то Злой, потѣхи ради, игралъ мною, какъ мячикомъ на резиновой веревочкѣ. Бросить онъ, и каждый разъ мячикъ кичится про себя, что онъ сталъ свободенъ, и въ тотъ же мигъ онъ пойманъ снова. Но если бъ я теперь выскокить изъ поѣзда и разбилъ голову вонъ о ту гору, развѣ я въ концѣ концовъ не совершилъ бы свободного дѣйствія?

Потомъ Злой могъ бы бѣгать и искать своего мячика. Веревка оборвалась, мячикъ укатился!

Мортимеръ, шатаясь, пошелъ къ двери, нащупалъ затворъ, наконецъ, взялся за ручку и открылъ дверь. Холодный вѣтеръ пахнулъ ему въ лицо, сорвалъ съ него шляпу, которая исчезла въ темнотѣ, и прохладно развѣивалъ его волосы.

— Пусть поѣздъ уноситъ остальныхъ, куда они собрались и куда они не собирались, я усталъ слѣдовать по теченію...

Онъ сдѣлалъ шагъ въ пустоту, но не могъ освободиться отъ рукоятки.

Смертельный страхъ охватилъ его холодомъ

и пролилъ молніеносный свѣтъ на послѣднюю мысль, какая еще оставалась у него, ясную и холодную мысль:

Или, можетъ быть, все это просто-напросто зависитъ отъ того, что Злой усталъ играть и онъ швыряетъ мячикъ съ такою силой, что резиновая веревочка обрывается. Ну, разумѣется, совершенно ясно, что такъ и должно быть..

— Нѣтъ, я не хочу,—хрипѣлъ онъ—не хочу... Какъ это случилось, что онъ, Габріэль Мортимеръ, оказался повисшимъ на двери вагона въ желѣзнодорожномъ поѣздѣ на полномъ ходу?

— Нѣтъ, я не хочу...

Нѣсколько секундъ онъ висѣлъ на двери на одной рукѣ; потомъ онъ потерялъ сознание и выпустилъ ручку.

И поѣздъ мчался среди полей дальше съ открытою настежь дверью вагона.

*

Нѣсколько рабочихъ нашли его на слѣдующее утро на разсвѣтѣ.

Никто не могъ понять, какъ это произошло.

Старшій изъ дѣтей Мортимера—мальчикъ, и онъ поразительно похожъ на него лицомъ. Но все же онъ, судя по челоуѣчеству, будетъ счастливѣе отца, потому что онъ скудно одаренъ.

Мелкій дождь.

Снова осень и пасмурные дни, и солнце прячется въ самомъ темномъ углу пространства, чтобы никто не видѣлъ, какъ оно стало блѣдно и состарилось и исчахло въ послѣднее время. Но пока вѣтеръ свиститъ въ щели оконъ и дождь клокочетъ въ кровельномъ жолобѣ и мокрый песь воетъ у запертыхъ дверей на улицѣ внизу, и пока первый осенній огонь еще не догорѣлъ въ нашей печи, я хочу рассказать вамъ сказку о мелкомъ морозящемъ дождѣ.

Слушайте:

Добрый Богъ нѣсколько времени тому назадъ былъ такъ разгнѣванъ на грѣхи ничтожныхъ людей, что рѣшилъ покарать ихъ еще большимъ ничтожествомъ. Въ своей великой добротѣ онъ скорѣе всего предпочелъ бы утопить ихъ всѣхъ въ новомъ всемирномъ потопѣ: онъ не забылъ, какое было отрадное зрѣлище, когда все живущее погубило въ пучинѣ водъ. Но, къ несчастію, въ одно сентиментальное мгновеніе онъ обѣщаль Ною никогда больше не дѣлать этого.

„Послушай, другъ“, сказалъ онъ поэтому дьяволу. „Ты, конечно, не святой, но иногда у тебя

бываютъ хорошія идеи, и съ тобою можно разсуждать. Люди дурны и не хотятъ исправиться. Моему безконечному терпѣнію теперь уже конецъ, и я рѣшилъ покарать ихъ, сдѣлавъ ихъ еще хуже. И я надѣюсь, что тогда всѣ они погубятъ другъ друга и самихъ себя. Мнѣ представляется, что наши интересы—вообще-то слишкомъ несомѣстимые—на этотъ разъ могли бы найти точку соприкосновенія; что ты могъ бы мнѣ посовѣтовать?”

Дьяволъ задумчиво кусалъ кончикъ своего хвоста.

„Господинъ“, отвѣтилъ онъ наконецъ, „твоя премудрость столь же велика, какъ и твоя доброта. Статистика доказываетъ, что наибольшее число преступленій совершается осенью, когда дни сумрачны и небо сѣро и земля окутана дождемъ и туманомъ“.

Добрый Богъ долго взвѣшивалъ эти слова.

„Понимаю“, сказалъ онъ наконецъ. „Твой совѣтъ хорошъ, и я послѣдую ему. У тебя много хорошихъ способностей, только тебѣ слѣдовало бы найти имъ лучшее примѣненіе“.

Дьяволъ улыбнулся и сталъ вилять хвостомъ, потому что онъ былъ польщенъ и тронутъ, и потомъ, похрамывая, отправился домой.

Но добрый Богъ сказалъ самому себѣ:

„Впредь всегда долженъ итти мелкій дождь.“

Тучи да не расходятся никогда, туманъ да не поднимается и солнце да не свѣтитъ больше никогда. И да будетъ сумрачно и сѣро до скончанія дней“.

И было такъ.

Торговцы зонтиками и фабриканты галошъ радовались вначалѣ, но это продолжалось до тѣхъ поръ, пока улыбка не замерла у нихъ на устахъ. Люди не знаютъ, какое значеніе имѣетъ для нихъ хорошая погода, пока они не вынуждены лишиться ея. Радостные стали унылы. Унылые сходились съ ума и вѣшались длинными вереницами или собирались на тайныя собранія. Скоро перестали работать, и пришла великая нужда. Преступленія увеличивались съ головокружительной быстротой, тюрьмы были переполнены, сумасшедшихъ домовъ хватало только на разумныхъ. Число живущихъ уменьшалось, и ихъ жилища били заброшены. Была установлена смертная казнь за самоубійство; ничто не помогало.

Человѣчество, столько поколѣній мечтавшее и воспѣвавшее вѣчную весну, теперь уже шло навстрѣчу своимъ послѣднимъ временамъ черезъ вѣчную осень.

Запустѣніе разрасталось съ каждымъ днемъ. Поля стали пустынею, города превратились въ развалины. На рынкахъ собирались собаки и выли; но по улицамъ, изъ дому въ домъ, ходилъ хромой ста-

рикъ съ мѣшкомъ на спинѣ и собиралъ души. И каждый день онъ ковылялъ домой съ полнымъ мѣшкомъ.

Но однажды вечеромъ онъ не пошелъ домой. Онъ предпочелъ пойти къ вратамъ небесъ и прямо къ престолу добраго Бога. Тамъ онъ остановился и поклонился и сказалъ:

„Господинъ, ты состарился въ послѣднее время. Мы оба состарились, а это зависитъ отъ того, что намъ трудно приходится. Ахъ, Господинъ, плохой совѣтъ я далъ тебѣ. Для процвѣтанія грѣховъ, которые меня интересуютъ, отъ поры до времени нужна крупница солнца. Посмотри, ты сдѣлалъ меня жалкимъ ветошникомъ!“

И съ этими словами онъ съ такой силой швырнулъ грязный мѣшокъ къ ступенямъ престола, что узелъ лопнулъ и души разлетѣлись. Онѣ были не черныя, а сѣрыя.

„Это души послѣднихъ людей“, сказалъ дьяволъ. „Я дарю ихъ тебѣ, Господинъ. Но не вздумай воспользоваться ими, если ты намѣренъ создавать новый мѣръ“.

*

Вѣтеръ свиститъ въ щели оконъ, и дождь клочечетъ въ кровельномъ жолобѣ, и теперь сказкѣ конецъ. Кто не понялъ ея, можетъ утѣшать себя тѣмъ, что завтра будетъ хорошая погода.

Сатана, майоръ и придворный проповѣдникъ.

Нашъ хозяинъ, привѣтливый генеральный консулъ, только что постучалъ въ стаканъ и просилъ насъ принять его привѣтъ, и его мольба не встрѣтила никакого протеста. Такія мольбы должны мы возсыпать, если мы хотимъ надѣяться на услышанье. Первая теплая струя бордо, какъ нѣжная ласка, пролилась въ наши глотки и соединилась съ двумя сардинками въ маслѣ и маленькой рюмкою женевской въ поразительный аккордъ, въ мистическую прелюдію, пока сама симфонія еще не развернулась въ своемъ величїи и полетѣ. На концѣ стола, гдѣ сидѣлъ я, дамъ не хватило. Съ одной стороны я имѣлъ придворнаго проповѣдника, съ другой—майора. Но я не знаю, настоящій ли онъ былъ майоръ, потому что всѣ мы подняли наши стаканы краснаго вина и наши глаза по направленію къ центру—генеральному консулу—онъ же поднималъ стаканъ воды, и его глаза, изъ-подъ угрюмыхъ бровей, блуждали далеко по окружности.

Придворный же проповѣдникъ былъ настоящій придворный проповѣдникъ; и, зная, что я—невѣрующій, онъ говорилъ со мною не о вѣчныхъ истинахъ, а о красномъ винѣ.

— Превосходное, сказалъ онъ. Я это тотчасъ же замѣтилъ. И для меня въ высшей степени важно, чтобы красное вино было хорошее, потому что мнѣ нельзя пить другого.

И, шепотомъ, онъ прибавилъ:

— Чувствительный желудокъ.

Я кивнулъ, соглашаясь и нѣсколько разсѣянно. Наискось за столомъ, между цвѣтами и хрустальными графинами, я увидѣлъ женское лицо. Цвѣтъ кожи у нея былъ блѣдный и губы красныя. Пробуя вино, она смотрѣла на меня; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось. И при этомъ она высунула маленькій ярко—красный кончикъ языка и медленно двигала имъ назадъ и впередъ по губамъ. Это зрѣлище сдѣлало меня задумчивымъ и разсѣяннымъ.

Вдругъ я услышалъ повелительный голосъ майора, разбудившій меня:

— Вы, господинъ, *спасенный*? спрашивалъ онъ.

— Да, отвѣтилъ я, не задумываясь; такъ какъ догадывался, что это—единственный вѣрный путь встать со стола, не ставъ членомъ арміи спасенія.

Майоръ нѣсколько смутился. Онъ этого не ожи-

далъ; я не былъ похожъ на спасеннаго. Онъ выпилъ глотокъ воды и замолчалъ.

Струнный оркестръ, скрытый занавѣсомъ, глухо игралъ испанскій танецъ.

Голова придворнаго проповѣдника, которая, казалось, свободно сидѣла на своемъ стержнѣ, какъ зрѣлый плодъ, тихо покачивалась въ тактъ музыкѣ.

— Въ музыкѣ—богъ, сказалъ онъ.

Майоръ смотрѣлъ въ свой стаканъ съ водою, точно онъ видѣлъ тамъ цѣлыя картины. Вдругъ онъ поблѣднѣлъ и отодвинулъ отъ себя стаканъ. Но сейчасъ же взялъ его снова и, плотно сжавъ губы, сталъ смотрѣть въ него; потомъ пододвинулъ его ко мнѣ.

— Будьте любезны, посмотрите, не увидите ли чего-нибудь, сказалъ онъ.

Я, въ свою очередь, смотрѣлъ въ стаканъ, но видѣлъ одни пузыри углекислоты, которые всплывали, какъ спасенныя души.

Я сказалъ ему, что ничего не вижу.

— Это—музыка, бормоталъ онъ. Сатана таится въ музыкѣ.

— Что же вы видите въ стаканѣ, г. майоръ? спросилъ я.

— Видите вонъ ту даму, что сидитъ и высываетъ языкъ? Я вижу ее въ стаканѣ. И вижу ее совершенно голой.

— Могу я взглянуть еще разъ, сказалъ я.

И я смотрѣлъ въ стаканъ очень долго и серьезно.

— Нѣтъ, сказалъ я наконецъ,—я ровно ничего не вижу. Вамъ бы слѣдовало выпить стаканъ вина.

Онъ налилъ нѣсколько капель вина въ воду, но не пилъ, а продолжалъ смотрѣть въ слабо окрашенную теперь жидкость.

— Теперь исчезла, сказалъ онъ въ концѣ концовъ.

Онъ глубоко вздохнулъ и вытеръ салфеткой холодный потъ со лба.

— Лишь бы она перестала высовывать языкъ!

Я снова разсматривалъ даму между цвѣтами. Маленькій красный кончикъ языка безпрестанно скользилъ по губамъ, и въ то же время она часто взглядывала въ нашу сторону. У меня дѣйстви-тельно было такое впечатлѣніе, что она хочетъ ввести насъ въ искушеніе, или кого-нибудь изъ насъ.

— Да, вы, пожалуй, правы, сказалъ майоръ, я могу преспокойно пить вино, разъ я вижу, что сатана таится всюду, даже въ водѣ. И онъ налилъ полный стаканъ, чокнулся со мною и залпомъ выпилъ его.

— Да, продолжалъ онъ, сатана вездѣсущъ. Невозможно избѣжать его, нужно взять его за рога

и попытаться по мѣрѣ силъ воспротивиться ему. На дняхъ я представлялся королю и возвращался домой, въ парадномъ мундирѣ и съ султаномъ на шляпѣ. И могу васъ увѣрить, что встрѣчалъ сатану на каждомъ шагу, да, онъ шель со мной всю дорогу. Когда я вышелъ на Лейонбакенъ ¹⁾, онъ шепталъ мнѣ: — Послушай, сказалъ онъ, впереди тебя идетъ военный министръ. Онъ положительно слишкомъ толстъ, чтобы пройти сквозь оное игольное ушко, какъ тебѣ извѣстно. Ты можешь подойти къ нему и поговорить съ нимъ о его душѣ. Кто знаетъ, всегда возможно заронить зерно спасенія. Но я сразу понялъ, что это—сатана, и старался не слушать его.

— Простите, спросилъ я, но откуда вы знаете, майоръ, что съ вами говорилъ сатана?

— А вотъ откуда; я зналъ хорошо, что я былъ сердитъ на военнаго министра, потому что во время всей аудіенціи онъ стоялъ передо мной и заслонялъ меня, и король почти не видѣлъ меня. И когда духъ, убѣждавшій меня заговорить съ нимъ, началъ съ того, что онъ толстъ, я, конечно, понялъ, что это—дьяволъ, искушавшій меня въ моей зависти.

Мнѣ нечего было возразить. Майоръ продолжалъ:

¹⁾ Набережная у королевскаго дворца въ Стокгольмѣ.
Прим. перев.

— И вотъ я пришелъ на Норбру ¹⁾. Тамъ я встрѣтилъ двухъ дѣвушекъ, изъ тѣхъ, ну, вы знаете... Проходя мимо, онѣ взглянули на меня и показали мнѣ языкъ, совсѣмъ какъ вонъ та дама. Тогда я услышалъ, какъ сатана вторично заговорилъ со мною: „Послушай“, сказалъ онъ, „не упусти случая заговорить съ этими дѣвушками и обратить ихъ на путь истины“. И на этотъ разъ, право, сатана говорилъ, какъ самъ Богъ, и я остановился по срединѣ моста и повернулся въ сторону дѣвушекъ, при моемъ-то парадномъ мундирѣ; дѣвушки тоже обернулись и высунули языки. Только кончикъ, видите ли; не такъ, какъ уличный мальчишка показываетъ языкъ, но лишь маленькій красный кончикъ между губъ, точь въ точь какъ вонъ та дама. „Послушай“, сказалъ мнѣ сатана, „неужели ты не подойдешь къ нимъ? Или ты боишься, что это будетъ неприлично! ты— трусь, старикъ?“ Я еще колебался и прислушивался, не будетъ ли рѣшающаго довода, какъ мнѣ поступить. И тогда сатана сталъ еще лукавѣе прежняго и сказалъ мнѣ: „Послушай, ты можешь преспокойно заговорить съ дѣвушками; тебѣ нечего бояться, что это будетъ истолковано дурно. Тебя же всѣ знаютъ за религіознаго и серьезнаго челоуѣка; будь у тебя охота, ты могъ бы даже

¹⁾ Сѣверный Мостъ (въ Стокгольмѣ). Прим. пер.

чуточку пошутить съ дѣвушками, а люди подумали бы, что ты хочешь обратить ихъ".—На этотъ разъ онъ выдалъ себя, на мой взглядъ; не правда ли?

— Да,—отвѣтилъ я, на этотъ разъ онъ дѣйствительно выдалъ себя. Я даже думаю, что я самъ узналъ бы его, случись это со мной.

Майоръ продолжалъ.

— Я шель по площади Густава Адольфа. Солнце свѣтило, и народъ смотрѣлъ на меня. И сатана шепталъ мнѣ, что я еще красивый малый, съ моимъ султаномъ и въ мои шестьдесятъ лѣтъ. Ну, подобный вздоръ онъ всегда болтаетъ, на это я не обращаю вниманія. И вотъ я вышелъ на Арсенальную. Тамъ я встрѣтилъ старушонку; грязную старушонку. Она поклонилась мнѣ до самой земли и сказала: добрый г. генераль, дайте бѣдной пьяной старушкѣ монетку на шкаликъ! Не думая, что я дѣлаю, и не слушая, что скажетъ сатана, я вынулъ серебряную монету и далъ ей. Но я врядъ ли далъ бы ей монету, если бъ раньше сообразилъ, что это—одно изъ дѣяній сатаны. Что я сдѣлалъ? Посудите сами: я встрѣчаю старушку, которая просить денегъ. Потому что хорошая погода, и солнце освѣщаетъ мой мундиръ и мой орденъ, и старушка называетъ меня генераломъ, хотя я просто майоръ запаса, она получаетъ монету. Развѣ я хорошее дѣло сдѣлалъ?

Ничуть не бывало; старушка пропѣетъ монету— она же сама сказала, хотя я только потомъ обратилъ на это вниманіе. Она не станетъ ни лучше, ни счастливѣе, благодаря этой монетѣ; она станетъ хуже и несчастнѣе, чѣмъ была. „Ахъ, вздоръ“, шепталъ мнѣ теперь сатана на ухо, „старушка во всякомъ случаѣ дошла уже до послѣдняго паденія, и твои деньги тутъ ничего не могутъ ни прибавить, ни убавить“. Но я не слушалъ его. Я перешелъ на другую сторону улицы и остановился и смотрѣлъ, куда пойдетъ старушка. Она остановилась у подъѣзда торговаго банка и попрошайничала. Я ходилъ взадъ и впередъ и думалъ, что мнѣ дѣлать. Мнѣ не хотѣлось подойти къ ней и потребовать монету обратно. Какъ я не могъ бы оправдывать себя, еслибъ позволилъ ей уйти и пропить ее. Что мнѣ было предпринять? Кажется, я проходилъ тамъ цѣлый часъ взадъ и впередъ и сторожилъ старушку. Наконецъ, она начала двигаться, она направилась къ площади Якова, гдѣ она повернула за уголъ на Садовую улицу, а я шелъ за нею. Я скоро нагналъ ее и сталъ говорить съ ней о ея душѣ. Но языкъ у нея такъ же заплетался, какъ и ея ноги, и она только того и хотѣла, какъ бы добратъся до кабака. Я старался говорить съ нею такъ, чтобы она могла понять меня, и даже позволилъ себѣ сравнить царствіе небесное съ чрез-

вычайно большою, свѣтлою и богатою корчмою. Но боюсь, что она все-таки не поняла меня; кажется, она предпочитала маленькіе, темные кабаки. Все это начинало надоѣдать мнѣ, и сатана началъ уже шептать: „Послушай“, сказалъ онъ, „оставь старушку! Вонъ тамъ идутъ два офицера, и уже хохочутъ надъ тобой!“ Но я продолжалъ идти со старушкой; офицеры поравнялись со мною и отдали честь; я отвѣтилъ, и они не смѣялись. „Послушай“, сказалъ сатана, „ты бы хоть зашелъ со старушкой въ подъѣздъ; а то выходитъ, что ты хвастаешь своей благотворительностью и своимъ безразличіемъ, что люди скажутъ“. Но я его не слушалъ. Я привелъ старушку къ себѣ и предложилъ ей кофе, и за чашкой кофе она протрезвилась, такъ что я могъ говорить съ ней. И теперь она въ арміи спасенія, больше не пьетъ, и прославляетъ Всевышняго“.

Я слушалъ серьезно, отпивая понемногу своего вина. Но, съ другой стороны, я почувствовалъ, какъ придворный проповѣдникъ слегка дернулъ меня за рукавъ; и когда я повернулся къ нему, онъ закрылъ ротъ рукою и прошепталъ:

— Онъ не уменъ.

— Все зависитъ отъ того, что разумѣть подъ словомъ умъ, отвѣтилъ я. Во всякомъ случаѣ я убѣжденъ, что г. придворный проповѣдникъ умнѣе.

Придворный проповѣдникъ тепло посмотрѣлъ

мнѣ въ глаза уже нѣсколько влажнымъ отъ вина взглядомъ и сказалъ:

— Я знаю, что на разное мы смотримъ по-разному. Но въ вопросѣ о такъ называемомъ свободномъ религіозномъ движеніи, надѣюсь, мы вполне согласны, не правда ли?

— Да, отвѣтилъ я,—я убѣжденъ, что въ данномъ случаѣ мы сходимся во мнѣніяхъ. Я тоже не люблю ихъ. Но, съ другой стороны, нельзя, конечно, отрицать, что въ наше время это—единственное соотвѣтствіе первымъ христіанамъ. Не такъ ли, г. придворный проповѣдникъ?

— Да, предупредительно отвѣтилъ онъ, разумѣется... Разумѣе...

Онъ вдругъ остановился и смотрѣлъ передъ собою. Онъ былъ настоящій придворный проповѣдникъ, и онъ привыкъ соглашаться понемногу со всякимъ. Бесѣдуя со своимъ Богомъ, онъ, конечно, старался быть ему по возможности пріятнѣе, и еслибъ онъ встрѣтился съ сатаною въ подъѣздѣ, онъ не упустилъ бы изъ виду ничего, чтобы и на него произвести симпатичное впечатлѣніе.

Но возможно, что мое заключеніе показалось ему на этотъ разъ нѣсколько подозрительнымъ. Хотя это и не очевидно. А возможно, что онъ тоже примѣтилъ даму, показывавшую языкъ, и поэтому остановился и началъ смотрѣть въ воздухъ передъ собою.

Воздаянье за грѣхъ.

Это—исторія объ одной молодой дѣвушкѣ и объ одномъ фармацевтѣ въ бѣломъ жилетѣ.

Она была молода и стройна, и отъ нея пахло хвойнымъ лѣсомъ и верескомъ, и лицо у нея было загорѣлое и слегка въ веснушкахъ. Такова она была, когда я познакомился съ нею. Но фармацевтъ былъ самый обыкновенный фармацевтъ; онъ надѣвалъ бѣлый жилетъ по воскресеніямъ, а это случилось въ воскресенье. Это случилось въ маленькомъ поселкѣ, такъ далеко—далеко, что никто, кромѣ фармацевта, не догадывался надѣвать бѣлый жилетъ по воскресеніямъ.

Все, видите ли, произошло такъ, что какъ-то въ воскресенье, утромъ, раздался стукъ въ мою дверь, и когда я открылъ, то за порогомъ стоялъ фармацевтъ въ своемъ бѣломъ жилетѣ и не переставая кланялся. Онъ былъ очень учтивъ и очень смущенъ.

„Покорнѣйше прошу извинить меня“, сказалъ онъ. „Но вчера тутъ была Фрѣкенъ Эрика со

своими сестрами, пока васъ не было дома, г. кандидатъ, и, уходя, она оставила свой альбомъ, чтобы вы, г. кандидатъ, и я написали что-нибудь. Но я совсѣмъ не знаю, что мнѣ написать. Можетъ быть, вы, г. кандидатъ..?”

И онъ снова началъ кланяться.

„Постараемся“, дружески отвѣтилъ я.

И вотъ я взялъ альбомъ и отъ себя вписалъ переводъ: „Ты—какъ цвѣтокъ прекрасный“,—который я сдѣлалъ самъ и которымъ я всегда пользуюсь въ подобныхъ случаяхъ. Потомъ я сталъ искать въ своихъ бумагахъ какихъ-нибудь старыхъ стиховъ, написанныхъ еще въ школѣ, которые могли бы пригодиться фармацевту. Наконецъ я нашелъ слѣдующее плохое стихотвореніе:

Ты мнѣ опьяняешь всѣ мысли,
Изныло все сердце во мнѣ.
Со мной ты, когда одинокъ я
— тебя я увидѣлъ во снѣ.

И долго блуждали мы вмѣстѣ,
И сумракъ окутывалъ насъ,
И тихо ты свѣтлыя слезы,
Какъ жемчугъ, роняла изъ глазъ.

Тебя цѣловалъ я и въ щеки,
И слезы вливалъ изъ очей,
Но въ милыя алыя губы
Лобзалъ я стократъ горячѣй.

Не вѣчно столь свѣтлое снится!
— Со сномъ я разстался моимъ.
И въ долгомъ безмолвіи ночи
Я бодрствовалъ, грустью томимъ.

Вѣдь эти пушистыя щеки
Лишь взглядомъ я, молча, ласкалъ,
И устъ твоихъ милыхъ и алыхъ,
Вѣдь я никогда не лобзалъ.

Я показалъ фармацевту эту поэму и предложилъ ему воспользоваться ею. Онъ внимательно перечелъ ее дважды и весь покраснѣлъ отъ смущенія.

„Вы дѣйствительно сами написали это, г. кандидатъ?“ спросилъ онъ въ своей сердечной простотѣ.

„Да, къ сожалѣнію,“ отвѣтилъ я.

Онъ очень горячо поблагодарилъ меня за разрѣшеніе воспользоваться поэмой, и когда онъ вышелъ изъ комнаты, то, казалось, у насъ обоихъ было такое чувство, что мы при первой же возможности должны выпить на ты.

Вечеромъ было маленькое собраніе у родителей молодой дѣвушки. Собралась молодежь. Мы пили сахарную воду на обвитой хмелемъ верандѣ.

Я сидѣлъ и смотрѣлъ на молодую дѣвушку.

Нѣтъ, она положительно измѣнилась. Глаза

у нея стали больше и беспокойнѣе, чѣмъ всегда, а губы краснѣе. И она не могла спокойно усидѣть на стулѣ.

Иногда она украдкой взглядывала на меня; но она чаще смотрѣла на фармацевта. И фармацевтъ былъ похожъ на пѣтуха въ этотъ вечеръ.

Когда подали пуншъ, мы выпили на ты.

Молодежь пошла на лугъ играть. Мы бросали кольца и играли въ другія игры, и въ это время солнце скрылось за холмами и стало темно.

Мы сложили кольца и палки въ одну кучу на землѣ и стояли по нѣсколько человѣкъ и шептались и смѣялись, пока сгущались сумерки.

Молодая же дѣвушка подошла ко мнѣ въ темнотѣ и взяла меня за руку и увела меня въ сторону, за уголь сарая.

„Вы должны отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ“, сказала она. „Провизоръ въ самомъ дѣлѣ написалъ свои стихи самъ?“

Голосъ у нея дрожалъ, и она старалась смотрѣть въ сторону, когда говорила.

„Да“, сказалъ я. „Онъ написалъ ихъ сегодня ночью. Я слышалъ, какъ онъ проходилъ всю ночь назадъ и впередъ по комнатѣ.“

Но, сказавъ это, я почувствовалъ уколъ въ своемъ сердцѣ; такъ какъ я увидѣлъ, что она— красивое и милое дитя, и что очень грѣшно обманывать ее.

„Какъ знать“, сказала я про себя, „какъ знать: можетъ быть это и есть тотъ грѣхъ, которому, какъ говоритъ писаніе, нѣтъ прощенія“.

*

Сумерки сгущались и настала ночь, и между деревьями въ лѣсу, гдѣ мы шли попарно, горѣла звѣзда.

Но я шелъ одинъ.

Я больше не помню, какую дорогою я шелъ въ этотъ вечеръ. Я отдѣлился отъ остальныхъ и ушелъ глубже въ лѣсъ.

Но глубоко въ лѣсу, среди елей, я увидѣлъ березу съ бѣлѣющимъ стволомъ. У нея стояли двѣ юныхъ тѣни и цѣловались.

И я увидѣлъ, что одна изъ нихъ была молодая дѣвушка, отъ которой пахло хвойнымъ лѣсомъ и верескомъ. Другой же былъ фармацевтъ, и это былъ обыкновенный фармацевтъ въ бѣломъ жилетѣ. И онъ прижалъ ее къ бѣлому стволу березы и цѣловалъ ее.

И когда онъ трижды поцѣловалъ ее, я пошелъ своей дорогою и горько плакалъ.

Бездомная собака.

Умеръ однажды человѣкъ, и когда онъ умеръ, никто не заботился объ его черной собакѣ. Собака оплакивала его долго и горько.

Но она не умерла на могилѣ своего господина, можетъ быть потому, что не знала, гдѣ была могила, но можетъ быть и потому, что въ сущности это была молодая и веселая собака, которая еще не все взяла отъ жизни.

Бываютъ два рода собакъ: собаки, у которыхъ есть хозяинъ, и бездомныя собаки. Внѣшнее различіе ихъ не существенно; бездомная собака можетъ быть столь же жирна, какъ остальные, и часто жирнѣе. Нѣтъ, разница заключается въ другомъ. Человѣкъ для собаки—безконечность, провидѣніе. Господинъ, кого можно слушаться, за кѣмъ слѣдовать, на кого положиться: это, такъ сказать,—смыслъ собачьей жизни. Хотя она не каждую минуту дня думаетъ о своемъ господинѣ и хотя она не всегда ходитъ за нимъ по пятамъ; нѣтъ, она часто бѣгаетъ съ дѣловымъ видомъ на свой собственный рискъ и обнюхи-

ваетъ углы домовъ и завязываетъ сношенія съ себѣ подобными и играетъ съ костью, если попадется, и мало о чемъ тужить; но только раздается свистъ ея господина, все это исчезаетъ изъ ея собачьяго мозга быстрѣе, чѣмъ удары бича изгоняли торгашей изъ храма; потому что она знаетъ, что одно нужно. И она забываетъ и свой уголь дома, и свою кость и своихъ товарищей и слѣзится къ своему господину.

Собака, чей господинъ умеръ,—и она не знала какъ,—и былъ похороненъ,—и она не знала, гдѣ,—оплакивала его долго; но когда проходили дни и не случалось ничего, что могло бы напомнить ей о хозяинѣ, то она забыла его. На улицѣ, гдѣ жилъ ея господинъ, она больше не чувствовала запаха его шаговъ. Когда она шаталась по лужайкѣ съ товарищами, часто случалось, что рѣзкій свистъ раздавался въ воздухѣ, и въ тотъ же мигъ товарищъ исчезалъ, какъ вихрь. Тогда она слушала, наостривъ уши, но ни одинъ свистъ не былъ похожъ на свистъ ея господина. И вотъ она забыла его, и она забыла еще болѣе важное: она забыла, что когда-либо у нея былъ господинъ. Забыла, что нѣкогда было время, когда она считала невозможнымъ, чтобы собака жила безъ господина. Она стала, такъ сказать, собакой, видѣвшей лучшіе дни, по крайней мѣрѣ во внутреннемъ смыслѣ, потому что во внѣшнемъ ей жи-

лось сравнительно хорошо. Она жила, какъ можетъ жить собака: отъ поры до времени она таскала кусокъ чего-нибудь на рынкѣ и получала пинокъ, и заводила любовныя связи, и ложилась спать, когда уставала. Нажила себѣ друзей и враговъ. Однажды она больно искусала собаку, которая была слабѣе ея, а въ другой разъ она сама была изувѣчена другою, которая оказалась сильнѣе ея. Рано утромъ видѣли, какъ она бѣгала по улицѣ своего хозяина, гдѣ она по привычкѣ проводила большую часть своего времени. Она бѣжитъ прямо впередъ съ такимъ видомъ, точно у нея важныя дѣла; обнюхиваетъ мимоходомъ встрѣчную собаку, не стараясь завязать болѣе близкаго знакомства; потомъ бѣжитъ еще быстрѣе, но вдругъ садится на землю и съ большою энергіей скребетъ у себя за ухомъ. Въ ближайшій мигъ она вскакиваетъ и бросается на середину улицы, чтобы загнать рыжую кошку въ окошечко погреба, и потомъ, принявъ прежній дѣловой видъ, продолжаетъ свой путь и исчезаетъ за угломъ.

Такъ проходили ея дни, и одинъ годъ повторялъ во всемъ другой, и она старилась, не замѣчая этого.

И вотъ однажды насталь сумрачный вечеръ. Было сыро и холодно, и набѣгалъ ливень отъ поры до времени. Старая собака провела цѣлый

день въ бѣготнѣ по городу; она медленно шла по улицѣ, она слегка прихрамывала; нѣсколько разъ она останавливалась, встряхивала своей черной шкурой, на которой съ годами появились сѣрыя пятна на головѣ и шеѣ. По своему обыкновенію, она шла и нюхала то направо, то налево; и вотъ она скрылась въ какомъ-то подъѣздѣ, и когда вышла назадъ, съ нею была другая собака. Вскорѣ присоединилась третья. Это были молодыя и веселыя собаки, и онѣ хотѣли играть съ ней; но она была не въ духѣ, и кромѣ того начался проливной дождь. Тогда раздался рѣзкій свистъ въ воздухѣ, протяжный и пронзительный свистъ. Старая собака смотрѣла на молодыхъ, но тѣ не слушались; свистѣли не ихъ господа. Тогда старая бездомная собака наострила уши; такое странное чувство овладѣло ею. Новый свистъ, и старая собака дѣлала нерѣшительныя прыжки сперва въ одну, потомъ въ другую сторону. Вѣдь никакъ ея господинъ свистѣлъ, она же должна была слушаться! И въ третій разъ раздался чей-то свистъ, такой же пронзительный и такой же рѣзкій. Гдѣ же онъ, въ какой сторонѣ? Какъ я могла разстаться съ моимъ господиномъ! И когда это случилось, вчера или третьяго дня, или же всего нѣсколько минутъ тому назадъ? И какой видъ былъ у моего господина, и какой у него былъ запахъ, и гдѣ онъ, гдѣ онъ? Она бѣгала и

обнюхивала всѣхъ прохожихъ, но никто не былъ ея господиномъ, и никто не хотѣлъ быть. Тогда она повернула и побѣжала по улицѣ; на углу она остановилась и озиралась во всѣ стороны. Ея господина не было. Тогда она бѣшено понеслась назадъ по улицѣ; она была покрыта грязью, и вода капала со шкуры у нея. На всѣхъ углахъ останавливалась она, но ея господина не было нигдѣ. Тогда она усѣлась на перекресткѣ и вытянула къ небу свою косматую голову и выла.

Ты видѣлъ, ты слышалъ такую забытую бездомную собаку, когда она вытягиваетъ свою шею къ небу и воетъ, воетъ? Остальныя собаки потихоньку уходятъ прочь, поджавъ хвосты; онѣ же не могутъ ни утѣшить, ни помочь.

Т Ъ Н Ъ.

Я не знаю, люблю ли я жизнь или ненавижу; но я тѣсно скованъ съ нею всей моей волей и всѣми моими желаніями. Я не хочу умирать. Нѣтъ, я не хочу умирать: ни сегодня, ни завтра, ни въ этомъ году, ни въ будущемъ.

И все-таки много лѣтъ тому назадъ я видѣлъ сонъ, который заставилъ меня желать, чтобъ я совсѣмъ не рождался. — — —

Я шель одинъ по безмолвной и безлюдной улицѣ. Была оттепель, очень ранней весной, капли съ крыши сверкали на солнцѣ, на улицѣ образовались свѣтлыя озера, отражавшія лазурь, надъ дымовыми трубами домовъ сіяла синева блѣднаго весенняго неба. Весенній воздухъ, которымъ я дышалъ, казался мнѣ бальзамомъ, цѣлебнымъ средствомъ отъ тайной скорби, которая въ то время отравляла мою душу даже во снѣ. И все-таки я чувствовалъ нѣкоторое безпокойство. Я былъ дѣйствительно одинокъ? У меня было чувство, будто кто-то шель рядомъ со мною, но

я не вполне видѣлъ, кто, потому что онъ все время держался на полшага позади меня; и когда я какъ-то обернулся, чтобы рассмотреть его лицо, онъ какъ разъ сморкался и при этомъ закрылъ большую половину лица носовымъ платкомъ, вздувшимся на вѣтру. Вдругъ мнѣ пришло въ голову, что я шелъ по солнечной сторонѣ улицы и что за мною могла слѣдовать моя тѣнь на бѣлой стѣнѣ. Я самъ схватилъ легкій насморкъ отъ весенняго воздуха, почему же его не могло быть и у моей тѣни?

Раньше моя тѣнь никогда не стѣсняла меня, но въ этотъ день она была мнѣ нѣсколько въ тягость. У меня были новыя перчатки и платье; но моя тѣнь была сѣрая и блѣдная и производила жалкое впечатлѣніе. Зачѣмъ она слѣдовала за мною въ этотъ именно день, когда я шелъ на свиданіе съ той, кого я любилъ?

Сна шла мнѣ навстрѣчу, и она сіяла и улыбалась, но и нѣчто въ родѣ слезы сверкало у нея въ глазахъ. Она держала двѣ розы въ рукѣ. Одна была бѣлая, другая—красная. Она дала мнѣ бѣлую розу; красную же, съ усѣянными шипами стебелькомъ, она спрятала у себя на груди.

„Почему ты не дашь мнѣ красной розы“?—спросилъ я ее.

„Не теперь“ отвѣтила она и улыбнулась. И

въ моемъ снѣ мнѣ казалось, что у нея была та же улыбка, которою улыбаются женщины Леонардо.

Я хотѣлъ взять ее подъ руку, но взамѣнь она взяла мою руку. И, какъ двое дѣтей, рука въ руку, мы шли внизъ по улицѣ. Я очень старался, чтобы она шла съ той стороны, гдѣ была моя тѣнь, такъ что она растоптала тѣнь и она исчезла.

*

Но сонъ мѣняется скорѣе, чѣмъ время.

Улица, по которой мы шли, была та же, что и недавно, съ деревянными домами и садами за краснымъ заборомъ, и все же она была другая, потому что снѣга уже не было и не было свѣтлыхъ озеръ, отражавшихъ лазурь, а была настоящая весна. Клены стояли въ полномъ цвѣту, и на вишняхъ въ маленькомъ садикѣ нашего сосѣда были крупныя почки. И вдругъ стало темно; двери маленькихъ домовъ мелькали черными отверстиями сквозь невѣрный полусвѣтъ сна, и какой-то старикъ съ факеломъ бродилъ кругомъ и, то здѣсь, то тамъ, зажигалъ фонарь.

Мы остановились у подъезда нашего дома. Это былъ домъ, въ которомъ я жилъ еще мальчикомъ и который теперь уже исчезъ давно, вмѣ-

стѣ съ улицей и садами и вишнями. Мы стояли въ темнотѣ и шептались и ласкали руки другъ у друга, и время исчезло въ поцѣлуѣ.

„А красная роза?“ спросилъ я ее. „Поди, уже увяла?“

„Нѣтъ“, отвѣчала она, „еще не увяла. Смотри, она до крови изранила мнѣ грудь, и я такъ жажду отдать ее тебѣ. Но я не рѣшаюсь. Нѣтъ я не рѣшаюсь!“

И ея глаза были полны слезъ, когда она протянула руку и держала розу въ полоскѣ скуднаго свѣта, проникавшаго въ дверь. Я не могъ удержаться, я обѣими руками схватилъ ея руку, и я прижалъ красную розу къ моимъ устамъ и цѣловалъ ее.

Голова у меня закружилась, въ глазахъ у меня потемнѣло, и я забылъ все. Когда же я снова пришелъ въ себя, то та, кого я любилъ, стояла уже гораздо дальше, лицо у нея было блѣднѣе, и вокругъ рта у нея появилась какая-то скорбная складка. Я хотѣлъ приблизиться къ ней, но вотъ, скользнула тѣнь между нею и мной. Она была сѣрая и блѣдная, и она была отмѣчена когтями Бѣдности. Я хотѣлъ отстранить ее, но она была сильнѣе меня; и пока мы боролись, я и моя тѣнь, моя возлюбленная давно ушла въ темноту сна и исчезла, какъ полоска блѣднаго тумана — — —

Я вышелъ въ дверь, и тѣнь слѣдовала за мной. Весны уже не было больше, были зимнія сумерки, бѣлый только что выпавшій снѣгъ лежалъ подъ сумрачнымъ и сѣрымъ небомъ, и все падалъ и падалъ. Я больше не питалъ никакой вражды къ моей тѣни, потому что я былъ старъ и сторбленъ и забылъ все.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТРАН.
Карль Юнасъ Лове Альмквистъ	7
Мельница въ Шельнуръ	15
Августъ Стриндбергъ :	
I. Высшая цѣль	117
II. Сказка о С.-Готардѣ	151
III. Поль-листа бумаги	167
Его же	
Соната призраковъ	171
Яльмаръ Сёдербергъ	237
I. По теченію	239
II. Мелкій дождь	278
III. Сатана, майоръ и придворный проповѣдникъ	282
IV. Воздаянье за грѣхъ	292
V. Бездомная собака	297
VI. Тѣнь	302

7-13461

Изд. „ШИПОВНИКЪ“. СПВ. Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЪМАНАХИ

подъ редакціей ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

- I. А. СЕРАФИМОВИЧЪ. У оврѣва. — А. КУПРИНЪ. Бредъ. — С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. Лѣсная топь. — Н. ГАРИНЪ. Когда-то... — БОР. ЗАЙЦЕВЪ. Полковникъ Розовъ.
- II. ГОРОДЪ: В. БРЮСОВЪ. Городъ. (стихотвореніе). М. ДОБУЖИНСКІЙ. Городъ. Будни. Праздникъ. (рисунки). Л. БАКСТЪ. Улица. (рис.). Н. РЕРИХЪ. Городъ. (рис.).
- III. ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. Жизнь Человѣка.

КНИГА ВТОРАЯ.

- I. В. МУЙЖЕЛЬ. Пока... — А. КОЙРАНСКІЙ. Холодъ. — И. БУНИНЪ. У истока днѣй. — БОР. ЗАЙЦЕВЪ. Май.
- II. Стихи. ИВ. БУНИНЪ. Петровъ день. Проводы. Гѣймдаль. Александръ въ Египтѣ. СЕРГ. ГОРОДЕЦКІЙ. Русь. Веснянка. АЛ. БЛОКЪ. Н. Н. Волоховой. Легенда.
- III. АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА. „Смѣръть“, 6 рис.
- IV. СЕНТЪ ЖОРЖЪ ДЕ-БУЭЛЬЕ. Король везъ вѣнца. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ франц. Зин. Венгеровой и В. Бинштока.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

- I. ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. Тѣма. — ИВ. БУНИНЪ. Астма. — БОР. ЗАЙЦЕВЪ. Сестра. — А. КУПРИНЪ. Изумрудъ. — А. СЕРАФИМОВИЧЪ. Пѣска.
- II. АЛ. БЛОКЪ. Стихи. Г. ЧУЛКОВЪ. Золотая ночь. Стихи.
- III. ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. Творимая легенда. Романъ.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

БОР. ЗАЙЦЕВЪ. АГРАФЕНА.—СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ.
ПОХОЖДЕНІЯ ЛЕОНА ДРЕЯ.

II.

ВАЛ. БРЮСОВЪ. ИСПОЛНЕННОЕ ОБЪЩАНІЕ. ПОЭМА.
АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. КЛЕОПАТРА. ТЫ И Я. СТИХИ.

III.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. СМЕРТЬ ЧЕЛОВѢКА.

КНИГА ПЯТАЯ.

I.

ШАЛОМЪ АШЪ. САББАТАЙ ЦЕВИ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ АКТАХЪ И 6 КАРТИНАХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ
И ЭПИЛОГОМЪ.

II.

К. ВАЛЬМОНТЪ. ЛИТВА. СТИХОТВОРЕНІЯ.

III.

С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. БЕРЕГОВОЕ.
ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. РАЗСКАЗЪ О СЕМИ
ПОВЪШЕННЫХЪ.

Цѣна каждаго альманаха 1 руб., въ переплетѣ 1 р. 25 к.

СЪВЕРНЫЕ СБОРНИКИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Иенсъ Петеръ Якобсенъ. Могенсъ (пер. А. Острогорской). Пусть розы здѣсь цвѣтутъ (пер. А. Блока).—Зельма Лагерлѣфъ. Семь смертныхъ грѣховъ (пер. С. Городецкаго).—Авгуетъ Стриндбергъ. Преступникъ (пер. С. Городецкаго).—Германъ Бангъ. Четыре бѣса. Ея Высочество (пер. Федора Сологуба).—Оскаръ Левертинъ. Зельма Лагерлѣфъ (статья).—Теодоръ Вольфъ. Иенсъ Петеръ Якобсенъ (статья). (2-ое изданіе).

Цѣна книги 1 рубль.

КНИГА ВТОРАЯ и ТРЕТЬЯ.

Кнутъ Гамсунъ. Мистеріи. Пер. А. Острогорской.—Ола Гансонъ. *Sensitiva amorosa*. Пер. Ю. Балтрушайтиса.—А. Купринъ. О Кнутъ Гамсунъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

(подъ ред. Ю. Балтрушайтиса).

Иенсъ Петеръ Якобсенъ. Нильсъ Люне. Романъ. Пер. С. Городецкаго.—Гаральдъ Гефдингъ. Потомокъ Гамлета (статья о Киркегоръ).—Серенъ Киркегоръ. I. Несчастнѣйшій. II. Афоризмы. Пер. Ю. Балтрушайтиса.

Цѣна 1 рубль.

КНИГА ПЯТАЯ

(подъ ред. Ю. Балтрушайтиса).

К. I. Л. Альквистъ. Мельница въ Шелькуръ. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Августъ Стринбергъ. I. Высшая цѣль. II. Сказки о С.-Готардъ. III. Поль-листа бумаги. IV. Соната призраковъ. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Яльмаръ Сѣдербергъ. I. По теченію. II. Мелкій дождь. III. Сатана, майоръ и придворный проповѣдникъ. IV. Воздаяніе за грѣхъ V. Бездомная собака. VI. Тѣнь. Пер. Ю. Балтрушайтиса.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
КНУТА ГАМСУНА,

въ 12 томахъ съ критико-біографическимъ очеркомъ и портретами автора, при ближайшемъ участіи К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова.

Переводы исключительно съ норвежскаго.

Содержаніе: т. I) Духовная жизнь современной Америки. Голодь. т. II) Мистерин. т. III) Редакторъ Люнге. т. IV) Новь. т. V) Панъ. Съеста. т. VI) У вратъ Царства. Драма жизни. Вечерняя Заря. т. VII) Викторія. Въ сказочной странѣ. т. VIII) Мункенъ Вендтъ. т. IX) Чаша. т. X) Царица Тамара. Дикій Хоръ. т. XI) Мечтатель. Войнствующая жизнь. т. XII) Подъ осенними звѣздами.

Цѣна по подпискѣ за 12 томовъ 12 р. 50 к. съ пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р. 50 к.; при полученіи каждаго тома—1 р.; послѣдніе два тома высылаются бесплатно.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ издательства (Б. Конюшенная, 17); въ Москвѣ—въ отдѣленіи издательства (Книжное агентство при книжномъ магазинѣ В. Филимонова, Б. Никольская, д. 22).

Вышли изъ печати: томъ V. Содержаніе: Панъ. Перев. С. Полякова. — Съеста. Перев. С. Полякова; томъ VII. Содержаніе: Викторія. Перев. Ю. Балтрушайтиса. — Въ сказочной странѣ. Перев. Ю. Балтрушайтиса.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна изданія будетъ повышена.

ЕВ. ЧИРИКОВЪ. «МАРЬЯ ИВАНОВНА».

Комедія въ 4 д. Ц. 60 к.

С. НАЙДЕНОВЪ. «ХОРОШЕНЬКАЯ».

Комедія въ 4 д. Ц. 60 к.

С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. «СМЕРТЬ».

Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ. Ц. 75 коп.

ЛЕВЪ СУЛЕРЖИЦКІЙ. „Антонъ Чеховъ и Художественный театръ“ (готовится къ печати).

ЛЕВЪ СУЛЕРЖИЦКІЙ. „К. С. Станиславскій и Художественный театръ“ (готовится къ печати).

«ТЕАТРЪ»

(КНИГА О НОВОМЪ ТЕАТРѢ).

СОДЕРЖАНІЕ:

А. ЛУНАЧАРСКІЙ. Театръ и социализмъ.—**Е. АНИЧКОВЪ.** Традиція и стилизація.—**А. ГОРНФЕЛЬДЪ.** Дузе, Вагнеръ, Станиславскій.—**АЛ. БЕНУА.** Бесѣда о балетѣ. Вс. Мейерхольдъ. Театръ (къ исторіи и технику).—**ЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.** Театръ одной воли.—**ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ.** Принципы театра будущаго.—**С. РАФАЛОВИЧЪ.** Эволюція театра.—**ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.** Реализмъ и условность на сценѣ.—**АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.** Театръ и современная драма.

Обложка **АЛ. БЕНУА.**

Цѣна **2** рубля.

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА.

ГОЙЯ

СЪ 40 РЕПРОДУКЦІЯМИ ИЗЪ PROVERBIOS,
CAPRICHOS, DESASTROS,
DELLA GUERRA и др.

ОБЛОЖКА М. ДОБУЖИНСКАГО. УКРАШЕНІЯ
С. ЯРЕМИЧА.

Цѣна въ переплетѣ 2 рубля.

ОБРИ БЕРДСЛЕЙ.

65 РИСУНКОВЪ, ИЗБРАННЫХЪ ПО УКАЗАНІЮ
К. СОМОВА.

Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Леонидъ Андреевъ. Царь Голодъ. Представленіе въ пяти картинахъ съ прологомъ. Рисунки Е. Лансере. Ц. 1 р.

Бор. Зайцевъ. Разказы. Книга I.

Волки. Мгла. Тихія зори. Священникъ Кронидъ. Хлѣбъ. Люди и Земля. Деревня. Миѡъ. Черные вѣтры. Завтра. (2-ое изданіе). Цѣна 50 коп.

Бор. Зайцевъ. Разказы. Книга II.

I. Полковникъ Розовъ. Молодые. Ласка. II. Любовь. Май. III. Сестра. Гость. IV. Аграфена. V. Спокойствіе. Сны. (Печатается). Ц. 1 руб.

С. Сергѣевъ-Цѣнскій. Разказы. Томъ I.

Тундра. Умру я скоро. Маска. Взмахъ крыльевъ. Дифтеритъ. Бредъ. Уголокъ. Вѣрю. Скука. Поляна. Погостъ. Молчальники. Садъ. Батенька. Убійство. Цѣна 1 рубль.

С. Сергѣевъ-Цѣнскій. Разказы. Томъ II.

Снѣжное поле. Мертвецкая. Кукушка. Гроза. Ясный день. Проталина. Ожиданіе. Пьяный Курганъ. Отъ трехъ бортовъ. Безстѣнное. Цѣна 1 руб.

В. Муйжель. Разказы. Томъ I.

Мужичья смерть. Въ кухнѣ. Солдаты. Аренда. Бабыя жизнь. Цѣна 1 руб.

Маркъ Криницкій. Разказы. Томъ I. Содержаніе.

Тора-Аможе. Наслѣдственность. Необходимость жить. Тайна барсука. Матерія. Проклятье. Ефимъ. Слѣпецъ. Пошлость. Ложь. Оплотъ общества. Цѣна 1 руб.

Федоръ Сологубъ. Мелкій бѣсъ. Романъ. (3-е изданіе).
Цѣна 1 р. 75 к.

Федоръ Сологубъ. Книга разлукъ. Разказы.
Они были дѣти. Въ толпѣ. Голодный блескъ. Ц. 1 р.

Шаломъ Ашъ. Разказы. Томъ 1.

Шаломъ Ашъ. Городокъ. Позна изъ еврейской жизни
въ Польшѣ. Единственный, разрѣшенный авторомъ,
переводъ съ еврейскаго. Цѣна 75 коп.

Г. Чулковъ. Анархическія идеи въ драмахъ Ибсена.
Цѣна 30 коп.

И. Ковальскій. Разказы. Томъ 1.
Первый вальс. Весна. Только шагъ! Смѣхъ и плачь.
Полуночное солнце. На черноземѣ. Человѣкъ, кото-
рый... Тоска по родинѣ. Цѣна 1 руб.

Октавъ Мирбо. 638—Е—8. (Путешествіе въ автомобиль).
Единственный, разрѣшенный авторомъ, переводъ съ
рукописи для издательства „Шиповникъ“. (З. Венге-
ровой и Л. Бинштока). Цѣна 1 р. 25 к.

Анатоль Франсъ. Разказы Жака Турнедо. Единственный,
разрѣшенный авторомъ, переводъ съ рукописи для
издательства „Шиповникъ“. (Н. Минскаго). (Печа-
тается).

БАЙРОНЪ.

КАИНЪ.

Перев. ИВ. БУНИНА.

Обложка, заставки и концовки
В. ЧЕМБЕРСА.

Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к.

ЕВГ. ТАРАСОВЪ. ЗЕМНЫЯ ДАЛИ. Вторая
книга стиховъ. Обложка И. Билибина. Цѣна 60 к.

Б. Д. БАЛЬМОНТЪ.

ПТИЦЫ ВЪ ВОЗДУХЪ.

Строки напѣвныя.

Обложка И. БИЛИБИНА.

Цѣна 2 руб.

А. Серафимовичъ.

ДѢТСКІЕ РАЗСКАЗЫ

съ рисунками Б. КУСТОДИЕВА.

Цѣна 1 р.

МОРЩИНКА.

Сказка А. Рэмизова. Рисунки М. Довужинскаго.

Цѣна въ переплетѣ 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- И. Билибинъ, „Теремъ-Теремокъ“. Сборникъ народныхъ сказокъ, пѣсенъ и прибаутокъ для дѣтей младшаго возраста. Рисунки въ краскахъ.
- С. Городецкій, „Ія“. Стихи для дѣтей. Съ рисунками Б. Кустодіева.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ и АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА

СКАЗКИ

(ПЕЧАТАЮТСЯ).

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АЛЬМАНАХЪ

подъ общей редакціей В. Бурцева.

При участіи: Г. Абрамова, Леонида Андреева, В. Бурцева, В. Водовозова, В. Голубева, А. Куприна, Е. Кусковой, А. Луначарскаго, Н. Морозова, Е. Орлова, В. Панкратова, С. Прокоповича, Н. Русанова, Е. Смирнова, Ю. Стеклова, А. Федорова, В. Чернова, Е. Чирикова, П. Щеголева и др.
Художниковъ: В. Анисфельда, И. Билибина, З. Гржебнна, М. Добужинскаго, Б. Кустодіева, Е. Лансере, С. Чехонина.
(Арестована).

К. Марксъ. Къ критикѣ политической экономіи. Съ предисл. К. Каутскаго. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изд. и предисл. къ русск. изд. П. П. Румянцова. Цѣна 90 к.

А. Луначарскій. Религія и социализмъ. (Печатается).
Гюберъ Лягарделль. Революціонный синдикализмъ. Авторизированный переводъ съ рукописи. Ц. 40 к.

А. Лабріола. Реформизмъ и синдикализмъ. (Реформизмъ и социальная революція). Съ пред. автора къ русск. изд. Пер. съ итальянскаго, подъ ред. и съ послѣсловіемъ А. Луначарскаго. Цѣна 1 р. (конф.).

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПАМФЛЕТЫ.

А. Луначарскій. Три кадета. Цѣна 40 коп. (конф.).
А. Амфитеатровъ и Е. Аничковъ. I. Побѣдоносцевъ, какъ общественный дѣятель. II. Побѣдоносцевъ и православная церковь. Ц. 50 к.
А. Амфитеатровъ. Современныя сказки. Цѣна 55 к.
А. Луначарскій. Пять фарсовъ для любит. Ц. 40 к.
Ө. Сологубъ. Политическія сказочки. (Разошлось).
Парвусъ. По тюрьмамъ во время революціи. Ц. 75 к.
Н. Троцкій. Туда и обратно. 1. Вмѣсто предисловія. 2. Отъ Петербурга до Березова. 3. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ по этапамъ. 4. Мой побѣгъ — 800 верстъ на оленяхъ. Цѣна 60 коп.

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА

на социальна-политическія темы

въ исполненіи художниковъ „Simplicissimus'a“.

Сюжеты:

1. Двѣ власти.
2. Религіозное рвеніе.
3. Великодушный хозяинъ.
4. Въ циркѣ.
5. На распутыи.
6. Депутатія.
7. Чернь—Толпа—Народъ.
8. Рѣшеніе социальнаго вопроса.
9. Кошмаръ капитализма.
10. Казнь.
11. Поздней осенью.
12. „Властители земли“. Вильгельмъ II.
13. „Властители земли“. Рузвельтъ.
14. „Власт. земли“. Негусъ.
15. Сказка.
16. Кивокъ свыше.
17. Социальная политика.
18. Общественная нравственность.
19. Благородное воспитаніе.
20. Весна.
21. Къ закону о стачкахъ.
22. Въ большомъ городѣ.
23. „Пожалуйста, миленькій чортъ“...
24. Философъ.
25. Человѣкъ со вкусомъ.
26. Стачка.
27. Подштанники либерала.
28. Прощаніе.
29. Послѣ выборовъ.
30. Непонятые.
31. Реакція.
32. „Послушайте, хозяинъ“...
33. Искусное управленіе.
34. Подраздѣленіе.
35. Бремя власти.
36. Умѣренность.
37. Въ помбардѣ.
38. Властелинъ.
39. Интернаціональное средство противъ „революционеровъ“.
40. Сверхчеловѣкъ.
41. Наслѣдный принцъ.

Цѣна красочныхъ — 5 коп. штука.

Цѣна однотонныхъ — 3 коп. штука.

ПОСТУПИЛИ НА СКЛАДЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:
ССЫЛЬНЫМЪ и ЗАКЛЮЧЕННЫМЪ.
(СБОРНИКЪ).

Содержаніе: Леонидъ Андреевъ. Елеазаръ. М. Арцы-
башевъ. Подпрапорщикъ Гололобовъ. — В. Вересаевъ.
Издали. — Н. Гаринъ. Ревекка. — А. Купринъ. Какъ я
былъ актеромъ. — В. Муйжель. Кошмаръ. Стихотворенія:
С. Верхоянцевъ. — А. Лукьяновъ. — П. Я. (Л. Мель-
шинъ). — В. Н. Фигнеръ. — А. Серафимовичъ. На
морѣ. — Танъ. Христось на землѣ. — Н. Тимковскій.
Акваріумъ. — Е. Чириковъ. Облава. — С. Юшкевичъ.
Новый пророкъ.

Цѣна книги 1 рубль.

(2-ое изданіе).

Габріэль Девилль. Капиталь. Изложеніе 1-го тома
„Капитала“ Маркса. Со вступительной статьей:
„Очеркъ научнаго социализма“. Пер. съ франц., подъ
редакціей І. Гольденберга. Цѣна 75 коп.
Шаломъ Ашъ. Времена Мессіи. (На пути въ Сіонъ).
Пер. Е. Троновскаго. Цѣна 50 коп.
Ю. Жулавскій. Разказы и стихотв. въ прозѣ. Ц. 1 р.

Ст. Шибльневскій.

УЗЫ.

Драма въ 3 дѣйств.

Ц. 75 к.

А. Немоевскій.

ПИСЬМА НЕНОРМАЛЬНОГО ЧЕЛОВѢКА.

Ц. 80 к.